

А. ОКЛАДНИКОВ

ОТКРЫТИЕ СИБИРИ

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1981**

63.3(2P5)
0-50
2-е издание.

О 70302 – 006 Без объявл. 0501000000
078(02) – 81

© Издательство «Молодая гвардия», 1979 г., 1981 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора
Открытие Сибири
На крутом Улалинском холме
«Троглодиты» Алтая
«Эскимосы» ледниковой эпохи
Звери Ярмы
Солнечный идол в Академгородке
Первые рудокопы Сихотэ-Алиня
В стране трех сопок
Спящая красавица
Поклонники крылатого быка
Одиссея землепроходца Пенды
Якутский «царь» Тыгын. Легенды и действительность
Третье открытие Сибири

ОТ АВТОРА

Эта книга родилась, вернее, рождалась в палатке. В экспедиционных лагерях, на раскопках. Полевая жизнь, творческий поиск, на материалах которых строится изложение, продолжались более 50 лет.

Мне выпало на долю большое счастье видеть родную землю, планету, с разных концов. И с юга и с севера. Но больше всего Азию, а в ней Северную и Центральную Азию.

В книге аккумулированы волнения и идеи, мысли и чувства, рожденные десятками лет путешествий по просторам азиатской части Советского Союза — Сибири, Приморья, Приамурья, а также Средней Азии (Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана) и Монголии. Даже Кубы и Алеутских островов.

Наша палатка, моя и Веры Дмитриевны Запорожской — верного спутника и товарища, стояла и на Крайнем Севере Советского Союза, у вечных льдов Таймыра, у мыса Челюскин в Северном Ледовитом океане, и на крайнем юге — у афганской границы.

Там, на берегу Амударьи, нашим лагерем была просторная мечеть Хакимитермези, построенная еще до Чингисхана, в IX веке. По ее стенам и потолкам, по высоким сводам со свисающими вниз гроздьями сталактитов бегали цепкие ящерицы геккончики. Они с любопытством смотрели вниз на пришельцев, особенно во время обеда. В расщелинах древнего здания прятались скорпионы. Вместе с комками земли из-под кетменей рабочих во время раскопок выскакивали жирные фаланги с длинными волосатыми ногами.

Под сводами древней мечети укрывались сотни летучих мышей. Но стоило выйти наружу, как над куполом мечети открывался второй, еще более грандиозный и величественный, — черная бездонная глубина, усеянная звездами астрологов и поэтов: Улугбека, Авиценны и Омара Хайяма! В зыбком мареве песчаной пустыни высились руины призрачного города, растоптанного монгольской конницей Субудая в XIII веке.

В безбрежной ангарской и ленской тайге наши палатки стояли у подножия отвесных скал, с которых смотрели изъеденные временем лоси каменного века и молитвенно воздевшие к небу руки шаманы в рогатых шапках, извивались гибкие змеи. Те же змеи, только живые серые гадюки и полосатые родичи гремучей змеи — щитомордники шипели под йогами в пахучем багульнике.

В Якутии наши олени как бы плыли, широко расставляя ноги, по обманчиво-зеленой поверхности «травяных речек». Колыхалась и гнулась торфяная крыша болота, готовая каждую минуту прорваться и укрыть оленей вместе с путешественниками в своей

холодной как лед темной глубине. Кругом роились полчища таежного гнуса, осатаневших от жадности комаров и мошек.

Содержание книги в значительной мере автобиографично. Однако автор не забывает, что радости и трудности полевой жизни делили вместе с ним участники экспедиций, интернациональных по составу, — русские, буряты, туркмены, якуты, евреи, узбеки, наконец, алеуты, американцы.

Идеи, о которых пойдет речь в книге, рождались в атмосфере дружеских дискуссий с товарищами-друзьями, с противниками и единомышленниками в науке. Правильнее сказать: все в этой книге — результат коллективного труда. И автор будет счастлив, если сможет в какой-то мере ввести читателя «Эврики» в орбиту творческих поисков, в атмосферу переживаний и идей сибирских историков сегодняшнего дня.

Наш рассказ об открытии Сибири делится на три тематических раздела. Они являются своего рода стержнями. На них нанизаны как бы отдельные новеллы, в которых представлены характерные, главные черты происходивших в Сибири исторических событий.

Первый раздел, самый большой по объему, посвящен первоначальному заселению Северной Азии древнейшими палеолитическими людьми. Это история дорусской Сибири. Она, как показывают новейшие археологические открытия, уходит и необъятную и неизведанную глубь прошлого человечества.

Далее рассказывается о том времени, когда Сибирь вступает в эпоху неолита, а затем бронзы и железа. Позднее в результате достижений предшествующих времен возникают первые государственные образования. Это было, образно говоря, первое открытие Сибири ее аборигенами, прасибирияками. Оно было длительным процессом и, если мы не ошибаемся сегодня, охватывало почти миллион лет.

Затем следует второе открытие Сибири. Этот раздел посвящен русской Сибири, деятельности первых истинных преобразователей Сибири. Не воевод, и не купцов, а русских крестьян и передовых русских людей, боровшихся с суровой природой, с царизмом. Раздел начинается с Ермака. Для нас это не просто конкретное действующее лицо, сам по себе Ермак Тимофеевич, а своего рода символ мужества и творческой деятельности первопроходцев, первооткрывателей Сибири и всей Северной Азии. С его похода и разгрома Кучумова царства, «Сибирского юрта», начинается новая эпоха в жизни огромного края.

Третье открытие Сибири, настоящее ее открытие для будущего, происходит на наших глазах. Оно началось в октябре 1917 года и продолжается сегодня, будет продолжаться и дальше. Его содержание — всемирно-исторический подвиг советских людей по социалистическому преобразованию Сибири, по превращению ее в плацдарм строительства нового, коммунистического общества.

Автор книги останавливается на пороге этих событий, перед ними, чтобы дать другим возможность продолжить рассказ более широко и основательно, как того заслуживают исторические масштабы этих грандиозных по значению для мировой истории, для человечества событий...

ОТКРЫТИЕ СИБИРИ

Если заходит речь об открытии Сибири, то первая дата, которая вспоминается сразу, это, конечно, 1581 год, когда Ермак и его дружина перешагнули Каменный Пояс, оставили позади Уральский хребет и двинулись на восток, к Иртышу. В 1981 году исполняется четыреста лет этому знаменательному событию русской и мировой истории.

Земли, расположенные восточнее Урала, привлекали внимание русских людей и ранее. Новгородцы-ушкуйники еще в XIV веке принесли на Русь полулегендарные, во многом фантастические сведения о «человецех незнаемых в Восточной стране»... Сказание начинается так: «Над морем живут люди самоедь зовомые молгонзеи. А ядь их

мясо оленье да рыба. Да между собою друг друга ядят. А гость к ним откуда приидет. И они закаляют дети свои на гостей, да тем и кормят. А который гость у них умрет и они того скупают, а в землю не хоронят, а своих також. Сияж люди невелики възрастом. Плосковидны. Носы малы. Но резвы велми и стрельцы скоры и горазды. А ездят на оленях и на собаках. А платие носят соболие и оленье...

В той же стране иная самоедь такова ж... Лете месяц живут въ мори. А на сусе не живут того ради, занеж тело на них трескается и они тот месяц въ воде лежат, а на берег не смеют вылести.

В той ж стране есть иная самоедь. По пуп люди мохнаты до долу, а от пупа въ верхъ яко ж и прочий человеци. А ядь их рыбы и мясо. А торги их соболи и песцы и олений кожи.

В той ж стране иная самоедь. Въверх рты на темени, а не говорят, а образ в пошлину человекъ. А коли ядят, и они крошат мясо, или рыбу до кладут под колпак или под шапку, и как почнут ясти и они плечима движут въверхъ и вниз.

В той ж стране есть иная самоедь. Якож и прочий человеци. На зими умирают на два месяца. Умирают тако, как где которого застанет въ те месяцы, тот там и сядет. А у него из носа вода изойдет как от потока да примерзнет к земли и кто человек иные земли неведанием поток той отразит у него и сопхнет с места и он оумрет, то уже не оживет. А не сопхнет с места, той оживет, и познает и рече ему о чем мя еси друже поуродовал. А иные оживают как солнце на лето вернется. Тако на всыкий год оживают и умирают...

В той ж стране иная самоедь. По обычаю человеци, но без глаз. Ръты у них межи плечми. А очи въ грудех. А ядь их головы олений сырые. А коли им ясти и они головы олений возметывают себе врот на плечи и на другой день кости измещуть из себя тудаж, а не говорят. А стрельба же их трубка железна въ руке. А в другой руке стрелка железна. Да стрелку туж вкьладает въ трубку. Да бьет молотком въ стрелку... Вверх тоя ж реки великия Оби есть люди ходят поподземлею иною рекою день да ночь съ огни. И выходя на озеро и над тем озером свет пречюден. И град велик, а посаду нет у него. И кто поедет къ граду тому и тогда слышити шум велик въ граде том. Как и въ прочих градах. И как приидут в него и людей в нем нет и шуму не слышити никоторого. И ни иного чего животна.

Но въ всяких дворех ясти и пити всего много и товару всякого кому что надобе. И он положивъ цену противу того, да возьмет что кому надобет и проч отходят. А кто что без цены возьмет, и проч отидет и товар у него погыбнет. И обрящется паки въ своем месте. И как проч отходят от града, того и шкш паки слышети какъ и въ прочих градах...»

Фольклорные рассказы о диких людях продолжались и позднее. В феврале 1685 года «почала быль словесная речъ меж всяких чинов, будто в Енисейском уезде, вверх по Тунгуске-реке явились дикие люди об одной руке и об одной ноге». Узнав об этом, воевода; в Енисейске велел расспросить чадобских (ангарских) тунгусов, «где те дикие люда живут и каковы они в роже, те люди, и какое на себе платье носят».

Первым отвечал воеводе тунгус с Каты-реки Богдашка Чекотеев. Он сказал, что вверх по Тунгуске на левой стороне, против деревни Кужем-скай, где живет пашенный крестьянин Васька Панов, видел он в трех верстах от реки на высокой горе «в Камени» яму. «И ис той де ямы дух исходит смрадной, человеку невозможно духа терпети. И у той де ямы стоять де он, Богдашко, долго не мог. И отошед де от ямы лежал от того духа головою болезнью день». А у своей братьи, у тунгусов, он, Богдашко, слышал, что «живут де в той яме люди, а имяна тем людем чюлюгдей, а ростом де те люди человеку в груди, об одном глазе и об одной руке и ноге. А глаз у него, чюлюгдея, и рука с левую сторону, а нога с правую сторону».

Еще Богдашка-тунгус добавил, что братские ясачные тунгусы ставили самострелы на зверей и в одном самостреле нашли «застреляного того дикого человека, а платье де на том человеке тулунец кожаной, опушен белою козлиною, а в руках де у него пила

железная». Богдашка видел и след дикого человека: «на снегу хожено одною босою ногою, а тот де их след гораздо мал, как пяти лет ребенка».

Второй тунгус, Имарга, сказал, что тоже видел яму, из которой несло смрадным духом, которого человек не может терпеть, а «тот де дух таков, как железо горит».

Однако никакие слухи о диких людях и чудовищах неизведанного Севера не могли остановить движение землепроходцев в поисках неведомых земель, и народов в «Восточной стране». Вся логика истории вела тех, кто строил русское централизованное государство под эгидой Москвы, все дальше и дальше, навстречу солнцу. Неоспорима заслуга тех, кто первым вышел на просторы Сибири, стал там прочно и навсегда...

На «диком берегу Иртыша» стоит «объятый думой» суровый воин, закованный в тяжелые бронзовые латы. В руках боевая секира, на груди распростер широкие крылья двуглазый золотой орел, дар царя. Не о тяжести ли царского дара думает свою думу казачий атаман? И не о том ли, где ждут его дружину, казаков и беглых от боярского гнета холопов, вольная воля и не тронутая плугом земля — мужицкое счастье?

Таким предстает Ермак в бессмертной скульптуре М. Антокольского и в думе «Смерть Ермака» декабриста К. Рылеева.

Рядом с Ермаком из глубины минувшего встает и другой образ, изваянный Антокольским, величественный и трагический, до конца еще не понятый историками Иван Грозный. Так история свела царя — покорителя Казани и Астрахани, последних гнезд татарского ига на Руси, с предводителем казачьей вольницы, который разгромил «столицу» татарского ханства в Сибири.

В думе Рылеева присутствует еще один царь — хозяин Кашлыка, столицы сибирского ханства, шейбанид Кучум. «Тать презренный...» — сказал о нем поэт-декабрист.

Впрочем, Кучума нельзя считать царем Сибири в полном смысле этого слова: он был всего лишь одним из тех хищных степных феодалов, которые сменяли друг друга в мутном мареве междоусобиц после развала империи Тамерлана. Реальная власть Кучума едва ли распространялась дальше самого Кашлыка.

Но Рылеев смотрел на Ермака и Кучума глазами народа, и с тех пор стоят в думе друг против друга молвой неразлучные казачий храбрый атаман и коварный татарский царь.

А тогда, четыре века назад, к востоку за Иртышом для Ермака еще лежала огромная и неизведанная земля — Сибирь. Необъятные просторы то тайги, то тундры, то степей. Где-то вдали плескались холодные волны Байкала, а совсем далеко гремел прибой Тихого океана...

Все это Ермаку могло рисовать только воображение. Со своей дружиной он сделал лишь первый шаг в страну солнечного восхода. Навстречу солнцу, на «край света», туда, где старинные легенды и хронографы помещали сказочные народы «Гога и Магога», придут уже другие.

Удивительная жизнь и подвиги Ермака стали достоянием легенд вскоре после его гибели в водах Иртыша. Смерть Ермака еще долго не давала покоя его врагам. Татарская легенда, сохраненная сибирским летописцем С. Ремезовым, передает, как воины Маметкула и Кучума стреляли в мертвое тело атамана из луков. К ужасу татар, кровь лилась из него как из живого. Птицы не смели клевать труп и испуганно шарахались в сторону, а ночью над могилой сиял огненный столб. Похоронив Ермака «под кудрявой сосной» на своем Бегишевом кладбище, татары насыпали над могилой высокий курган и, чтобы успокоить грозный дух, устроили богатую поминальную тризну: на ней было съедено 30 быков и 10 баранов. Такими поминками жители степей издавна чтит память своих героев.

...Прошло тридцать шесть лет после тризны у Епанчинских юрт, и первый сибирский митрополит Кипри-н собрал в Тобольске старых казаков, сподвижников Ермака, чтобы записать их рассказы о былых сражениях и походах. С тех пор в соборной

церкви в Тобольске пели вечную память павшим в боях за Сибирь, а в сибирских городах завелись собственные сибирские летописи. И, раз уж речь идет об Ермаке, следует сказать, что не все еще исчерпано историками из его биографии, волнующей ученых четыре века.

Могло показаться, что трудно добавить хотя бы несколько строк к тем документальным свидетельствам о нем и его казаках, которые извлечены были из архивов к нашему времени.

Однако существует у историков редкий дар первооткрывателей письменных сокровищ. Есть чутье, позволяющее догадываться, где в громаде древних бумаг должны лежать ключи к тайнам веков.

Недавно сибирская исследовательница Е. Ромодановская обнаружила (и где — в Москве, в Историческом музее, рядом с Кремлем!) затерянный синодик Ермаковым казакам. Синодик сохранил их имена, наполнил реальностью события тех далеких дней.

На моем столе лежит письмо автора замечательных книг об Иване Грозном и Борисе Годунове ленинградского профессора Р. Скрынникова.

Письмо отправлено в Новосибирск 1 февраля 1979 года. Привожу текст письма, чтобы и мои читатели сопережили минуты волнения:

«Глубокоуважаемый Алексей Павлович!

Мне хотелось бы поделиться с Вами результатами моего исследования о Ермаке. Я получил неопровержимые факты насчет того, что поход начался не в 1581 году и не в 1578—1579-м, а в 1582-м. Не было двух- или трехлетнего кровавого завоевания (с многими сражениями) Сибири, а был молниеносный набег казачьих быстрых челнов.

Путь от Чусовой до Искера отнял два месяца.

Удалось найти некоторые новые архивные данные, но небольшие. Главное же, удалось выделить известия о походе Ермака, которые восходят непосредственно к приказному архиву документов из Посольского приказа. Это меняет очень многие представления об обстоятельствах первой сибирской экспедиции...

...Я постарался вложить все силы в работу о Ермаке... Работа без каких бы то ни было ухищрений. Найденные решения на удивление просты. Я просто выделил комплекс самых ранних, современных Ермаку документов. И увидел, что они все строго согласуются между собой — дают абсолютную дату начала похода и т. д.

О финале экспедиции: гибель всех казаков на Вагае — миф, точнее, поздняя редакция. А ранняя редакция: бегство большинства отряда и гибель нескольких человек, включая Ермака. Вождь остался верен себе: он прикрывал отход до последней минуты».

Таковы чудные подарки археографов к славной годовщине открытия Сибири.

История Сибири начиналась, впрочем, не только летописями. Сосланный в Тобольск писатель и ученый XVII века Ю. Крижанич назвал свою рукопись о Сибири и ее народах, написанную на латинском языке, «Историей Сибири».

Конечно, это не была история края в собственном и настоящем смысле слова. Но она в какой-то мере уже отвечала все более нараставшей потребности образованных людей всего тогдашнего мира понять, что такое Сибирь. Какова ее история, ее прошлое, что значит эта обширная окраина централизованного русского государства для России, для русского народа и, наконец, для всего мира.

Неудивительно поэтому, что в следующем, XVIII столетии появилась первая и многотомная, поистине громадная академическая «История Сибири» Г. Миллера, и теперь поражающая массой фактов и вложенного в нее труда.

С тех пор прошло много лет. История Сибири, исторические судьбы ее народов неизменно привлекали все большее внимание историков в нашей стране и за ее пределами. В 1963 году, например, вышла в Токио книга К. Кюдзо объемом в 200 страниц иероглифического текста, написанная, кстати, со знанием дела, достаточно объективно и с явной симпатией к новой, социалистической Сибири.

Наконец, в наши дни была создана новая, пятитомная история Сибири с древнейших времен и до наших дней.

Если академик Миллер мог ограничить свои задачи простым описанием хода событий, не пытаясь заглянуть в глубину потока исторических фактов, если он имел перед глазами панораму каких-нибудь ближайших двух веков, то в наше время громада проблем сибирской истории усложнилась и выросла неизмеримо.

Историк нашего времени должен охватить своим взором груды документов, накопившихся после Миллера, обобщить колоссальный исторический материал. Ученый призван критически рассмотреть работы своих предшественников и пойти далеко вперед по сравнению с ними, руководствуясь материалистическим пониманием истории. Ему надлежит как бы вновь осмыслить прошлое народов Сибири и проследить его от истоков истории до сегодняшнего дня. И даже более того — увидеть день завтрашний.

Разумеется, одному человеку сегодня не под силу работа такого масштаба, хотя бы он и обладал талантом В. Ключевского или трудолюбием С. Соловьева и Н. Карамзина. Такой труд мог принять на свои плечи только коллектив, и притом хорошо организованный, спаянный единством цели.

И вот на столе у нас лежат пять томов академической «Истории Сибири», подготовленной к печати коллективом Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске в содружестве с историками других городов Сибири и Дальнего Востока (Иркутска, Томска, Омска, Кемерово, Улан-Удэ, Читы, Якутска, Магадана, Владивостока, Хабаровска), Москвы и Ленинграда. Около двухсот ученых приняло участие в создании этого труда, удостоенного Государственной премии СССР.

Интерес к прошлому Сибири понятен: речь идет об огромной территории в 10 миллионов квадратных километров!

Что такое Сибирь, где границы этого понятия, пространственные и хронологические, где она начинается и кончается? И что значит «открытие Сибири»?

Принято полагать, что в географическом плане Сибирь охватывает колоссальные пространства от восточных склонов Урала и далее до Яблоневого хребта, до тех мест, где собственно сибирская, северная тайга сменяется широколиственными лесами уссурийской тайги с их третичными реликтами, а слившиеся Аргунь и Шилка получают название Амура.

Отсюда на восток простирается Приамурье, а еще восточнее и южнее — Приморье, севернее — Чукотский полуостров и Камчатка.

Все это вместе взятое при всем разнообразии природных условий имеет так много общего в естественно-географическом и историческом плане, что объединяется еще более широким понятием — «Северная Азия». Исконно русская, советская земля, то, что прежде называлось Азиатской Россией.

Могут, кстати, спросить, а как же возникло это странное и загадочное слово «Сибирь»? Какой народ и когда дал этим просторам такое имя?

Как и другие старинные и общеупотребительные географические названия, например Волга, происхождение термина «Сибирь» и его смысл вызвали и до сих пор вызывают дискуссии.

Одно из таких толкований: слово «Сибирь» европейцы услышали впервые во времена Марко Поло, когда до них дошли увлекательные рассказы о чудесах далеких стран великого хана. Название «Сибирь», как полагают некоторые ученые, производное от монгольского слова «шевер» (шавар) — «болота» и первоначально означало лесостепь и лесные районы, куда не проникали монгольские кони Чингисхана; непреодолимыми препятствиями стали болота и таежный гнус.

Есть гипотеза, что слово это родилось в еще более далекие времена, почти две тысячи лет назад, когда Азия, «далекая и таинственная», выплеснула с востока на запад волны переселяющихся народов. В крови и зареве пожаров рождалась новая, варварская

Европа. Гунны сражались с защитниками Рима на Каталаунском поле. И тогда прозвучало чуждое европейскому уху имя одного из азиатских племен, родичей гуннов, савиров.

Всего вероятнее, что по этому племени и получила Сибирь свое имя, поразившее слух потрясенной Европы на рубеже античной и феодальной эпох. «Великая Татария» — так позже назвали колоссальные пространства Евразийского материка ученые начала XVIII столетия, современники, Петра I, когда перед ними, европейцами, впервые по-настоящему, во всей их грандиозности открывались пространства, лежащие к востоку от Каменного Пояса, от Уральских гор.

Нынешняя Сибирь, чем шире раскрывается она миру, тем более привлекает и волнует современное человечество — как наших друзей, так и противников. И невольно вспоминаешь слова А. Радищева. Еще в XVIII веке он писал:

«Как богата Сибирь своими природными дарами, Какой это мощный край!

Нужны еще века; но как только она будет заселена, Ей предстоит сыграть важную роль в летописях мира».

Сибирь поражает воображение не только своими размерами, но и колоссальными ресурсами производительных сил. В ее недрах большая часть разведанных в стране запасов угля, нефти, газа, золота, алмазов, цветных и редких металлов, не говоря уже о традиционном богатстве края — пушнине. «Эти богатства известны всему миру. Безбрежные лесные просторы, какие не знают ни Канада, ни США, и лежащая среди них Братская ГЭС, равной которой нет в мире. Это сочетание природных богатств и индустриальной мощи явилось самым глубоким из первых впечатлений о Советском Союзе», — сказал после посещения Братска один из крупнейших промышленников Японии, Асада.

Но главное богатство Сибири не только алмазы, уголь и нефть, не только колоссальные запасы чистого воздуха, чистейшей в мире байкальской воды. Это прежде всего человек, его творческая сила, духовное богатство.

На территории Сибири живут представители различных языковых групп, каждая из которых имеет свою историческую судьбу. Многочисленные тюркоязычные народности представлены здесь, начиная с потомков кучумовых татар в Западной Сибири и кончая самыми северными в мире тюрками — якутами. Вдоль склонов Урала на побережье арктических морей живут и теперь финноугры и ненцы. В том числе среди сибирских угров-уральцев есть близкие родичи венгров — ханты и манси, которые прежде назывались обскими остяками и вогулами. В Прибайкалье начиная от Нижнеудинска и далее у Байкала и за Байкалом расселены монголо-язычные буряты.

В тайге от Хингана и до Ледовитого океана — многочисленные группы, говорящие на тунгусском языке, в том числе амурские племена, нанайцы и ульчи.

Наконец ученым еще в XVIII веке стали известны загадочные «палеоазиаты», чьи языки непохожи на все другие и вместе с тем резко отличны друг от друга: чукчи, коряки, ительмены и юкагиры на северо-востоке, нивхи на Амуре, кеты на Енисее.

Следует также добавить, что, говоря о народах Сибири, мы нередко применяем термин «коренные народы», «аборигены», подразумевая под этим словом потомков населения Сибири, обитавшего здесь до прихода русских. Разумеется, этот термин условен. За четыреста лет русские стали таким же коренным населением Сибири, как и все другие ее обитатели. Они внесли огромный вклад в жизнь и культуру ранее живших там народов.

История Сибири, следовательно, есть история не только огромной страны, не только колоссальных ее пространств и их освоения, но и всего этого разноязычного и разнокультурного множества племен и народов. А вместе с тем история их сложных связей и отношений с народами не только соседних, но нередко и весьма отдаленных стран Востока и Запада. Короче, это неотъемлемая, значительная часть всемирной истории.

История Сибири столь же обширна по масштабам, по сложности стоящих перед исследователями проблем, сколь мало изучена и исследована. Во многом еще таинственная и загадочная, она полна «белых пятен», провалов и пробелов часто на самых интересных, наиболее важных ее страницах.

Соответственно всевозрастающей роли Сибири в современности, в строительстве нового, социалистического общества увеличивается, растет непрерывно и заинтересованность историей ее народов как у нас, так и за рубежом. Но, как и все в нашем мире, этот интерес выражается в различных формах, находится в непосредственной связи с классовой идеологией историков, с идеологической борьбой нашего века. И не только нашего!

С самого начала ученых волновал вопрос о месте народов Сибири во всемирной истории. О том, что они внесли в мировую культуру?

Еще в XVII—XVIII столетиях определились различные направления исторической мысли, часто контрастно противоположные друг другу.

Первое такое направление — европоцентризм. (Это идеология европейских колонизаторов, которые не только поработали, но и всячески унижали народы зависимых стран. Все лучшее в мировой культуре они выводили только из Европы.) Оно нашло выражение уже в первом обширном сочинении о Сибири и соседних с ней странах, которое принадлежало одному из видных ученых-гуманитариев конца XVII — начала XVIII века, другу Петра Первого Н. Витзену. Труд его имел название «Описание Северной и Восточной Татарии».

Витзен, пораженный художественными изделиями из драгоценных металлов, найденными в сибирских курганах, не мог поверить, что такие вещи, отмеченные печатью творческой фантазии и тонкого вкуса, созданы предками проживающих в Сибири «диких и злых язычников».

В том же XVIII веке благодаря трудам путешественников Д. Мессершмидта и его спутника Ф. Табберта-Страленберга ученый мир Запада узнал об удивительных и загадочных памятниках древности на Енисее. В том числе о стелах с какими-то странными изображениями и надписями на неизвестном языке, о высоких курганах, огражденных вертикальными каменными плитами. И тогда же французский ученый, аббат Бальи пришел к неожиданному выводу о стране мудрых атлантов и самой Атлантиде. По мысли Бальи, именно атланты Платона, а вовсе не предки сибирских племен оставили после себя и эти курганы — целую страну курганов, и стелы с надписями...

Всего ярче такие взгляды на рубеже XVIII и XIX веков выразил крупный историк с европейским именем А. Шлёцер, автор «Нестора» — монументального исследования русских летописей и «Всеобщей северной истории». Шлёцер, как и другие его современники, не допускал мысли, что у северных народов может быть собственная история. Он писал: «Каков был етот север до его открытия? Ето никому не известно, да и никто знато етого не может. Как населявшие его люди жили подобно диким, без всякого сношения с иноплеменными, не имея средства, ежели бы и делали что-нибудь достопамятное, сохранить в чистоте память онаго хотя через один ряд человеческого века, то как же предполагать возможность, чтобы об них существовала история, хотя такая история наполняла бы азбуку в наших исторических системах?»

«Все эти, частично древнейшие, многочисленные и далеко распространенные нации (исключая одних мадьяр), однако, никогда, — развивает он свою мысль, — на арене народов не играли никакой роли. Они не принадлежат к империи популис. Они не произвели ни одного завоевателя. Но, наоборот, были добычей своих соседей. К тому же не имели они и никаких собственных летописей, но вся, целиком, их история заключена в истории их победителей».

Следует, кстати, отметить, что влияние традиционного европоцентризма сказывалось даже на взглядах тех историков и этнографов, которые в своей практической деятельности стояли на прогрессивных, демократических позициях, стремились защищать

малые народы Сибири от хищнической эксплуатации купцами и царизмом. Примером могут служить высказывания П. Словцова. Некогда воодушевленный радищевскими идеями, такой же убежденный «рабства враг и друг свободы», Словцов в своей сибирской истории писал, что в прошлом русской Сибири не было ничего «подлинного», ничего «самобытного».

Второе, столь же реакционное, враждебное исторической правде, шовинистическое направление выдающийся наш востоковед академик Н. Конрад назвал «азицентризмом». Сторонники этого направления стремятся преувеличить историческую роль какого-то одного азиатского народа за счет принижения роли других. С их точки зрения, все эти народы являются народами «второго сорта», неполноценными, неспособными создавать собственные культурные ценности, народами «неисторическими». В сущности говоря, сегодня это направление следует называть маоистским, поскольку оно связано с китаецентристской, агрессивной-гегемонистской идеологией и политикой нынешних правителей Китая.

В историческом же аспекте оба эти направления имеют глубокие корни в прошлом. Европоцентризм в своих истоках уходит в политику и идеологию рабовладельцев Древнего Рима. Исторические корни второго обнаруживаются еще глубже, в рабовладельческом Китае эпохи Чжоу, три тысячелетия тому назад.

Разумеется, существовало и противоположное, демократическое направление; По отношению к народам Сибири оно начинается трудами С. Крашениникова, пронизанными гуманистическим подходом к этим народам, симпатией к ним и уважением к их культуре. Ученый отдавал должное не только стойкости в борьбе с природой, но художественным способностям северных племен. Он с удивлением наблюдал у них, у этих «детей природы», проявления своего рода философской мысли, вплоть до стремления «изведать самую мысль птиц и рыб». С той же убежденностью в творческой силе народов Сибири изучали их историю и культуру и другие прогрессивные русские и зарубежные ученые и писатели.

Яркую и сильную речь в защиту кочевников Азии произнес, например, 6 марта 1891 года на заседании Русского антропологического общества выдающийся общественный деятель и ученый Сибири, демократ по убеждениям Н. Ядринцев.

«Задавшись целью коснуться кочевого быта и его значения в истории человеческой культуры, — говорил он, — мы должны сказать несколько слов о тех предубеждениях и ходячих взглядах, какие по рутине установились на жизнь кочевников. Эти воззрения составляют характерную черту оседлого человека, смотрящего на всякую другую форму быта как на крайнее заблуждение и дурную привычку. Кочевник обыкновенно выставляется противоположностью культурного оседлого человека, его антиподом и антагонистом. Все свойства кочевника выдаются как враждебные культуре и цивилизации. Кочевник считается варваром, угрожающим оседлому быту. Некоторые его называют «врагом Природы» и приписывают кочевому быту опустошение лесов и превращение плодородных мест в степи и пастбища.

...К сожалению, враждебный взгляд на кочевников, — продолжал Ядринцев, — усвоили не одни ретивые культуртрегеры, но иногда проникались им и неосмотрительные ученые. Ясно, что ученые заражались здесь теми же предрассудками культуртрегеров и не хотели вникнуть в экономическую сторону быта кочевников, как равно упускали из виду точку зрения, которая побуждает смотреть на различные формы быта в их последовательном историческом и культурном развитии, от форм менее совершенных к более высшим».

Ядринцев брал под защиту от культуртрегеров, тогдашних идеологов колониализма, не только скотоводов-кочевников, но и звероловов-охотников тайги и тундры. Он совершенно справедливо писал, что охотникам и кочевникам принадлежит заслуга создания собственной материальной и духовной культуры. Еще будучи

охотником, человек создал «массу усовершенствованных орудий, доказывающих продолжительный опыт и упражнение в занятиях».

Перейдя на ступень скотоводства, от присваивающего хозяйства к производящему, кочевник поднялся на новую ступень экономического развития. «В кочевом быте появилась экономия человеческой силы, замена ее животным — он применяет ее везде. Жилище он везет, добычу охоты также (прежде он ее таскал на спине, на лыжах, на санках). Он придумал работу для лошади: валянье кошмы, войлока; впоследствии, при введении земледелия, он молотит конскими копытами хлеб.

Весьма слабый обмен в звероловную эпоху, в скотоводческую получает форму организованной торговли. Благодаря финикийским кораблям мир развил цивилизацию. Мы отдаем этим финикийцам дань исторической благодарности и уважения. Но нельзя забыть в истории и тех, кто соединил пустыни и переносился от конца мира в другую, когда морские пути еще не были открыты. Как велика была эта торговля, какие отдаленные страны при помощи ее входили в сношение, это мы видим, например, на индийской каурии (раковине. — Л. О.), являвшейся из Индии в Силезию и на север Сибири, это можно видеть на тканях, которыми одевалась Греция, на мехах, на драгоценных металлах и драгоценных камнях.

Начало торговли и обмена было уже началом цивилизации. Следовательно, и здесь кочевники подготовили почву ей».

Замечательно и то, что теорию Ядринцев связывает с живой действительностью своего времени: протестует против административного произвола царских чиновников, пытавшихся сломать сложившиеся бытовые уклады «инородцев», против алчности кулачества, стремившегося лишить их лучших земельных угодий.

С такой же силой убежденности в том, что охотники и скотоводы по своим человеческим качествам не ниже земледельцев, последовательно отстаивает Ядринцев принципиально важное положение об их самобытности и оригинальном вкладе в мировую культуру: «Роль высоких плоскогорий и степей Центральной Азии далеко еще не изучена по отношению влияния их на жизнь человечества. Между тем несомненно, что в этих местах должна была развиться своеобразная культура».

Эта мысль, самые слова «своеобразная культура», сказанные почти сто лет назад, звучат удивительно современно, бьют всей своей силой не только по старому европоцентризму, но и по еще более древнему азиатцентризму.

Итак, история Сибири издавна, с самого начала, была полем идеологических битв: борьбы сил прогресса против реакции.

Прогрессивное направление в истории народов Севера, Сибири, народов Центральной Азии получило в наши дни мощную поддержку и теоретическую основу в ленинской концепции мировой истории, в ленинской национальной политике.

Первостепенное, в полном смысле слова основополагающее значение имеет мысль В. Ленина, изложенная в выступлении на II конгрессе Коминтерна, где вождь мирового пролетариата говорил о сотнях миллионов человечества, «которое до сих пор стояло вне истории, рассматривалось только как ее объект».

Исходя из ленинского положения о том, что нет народов неисторических, нет народов без своей собственной культуры, советские историки выполнили огромную по масштабам работу по воссозданию забытых страниц истории народов Сибири.

Каково же содержание этой работы и ее главные результаты? Первое условие исторического процесса в настоящем смысле этого слова, — его протяженность во времени, его хронология.

Не случайно же и не без оснований гордятся китайцы тысячелетиями своей летописной истории. И кто может без трепета стоять перед громадой веков, смотреть на пирамиды Египта или ацтеков? О протяженности и прогрессе исторической жизни сибирских народов, об их месте во всемирной истории и культуре человечества и пойдет речь дальше. Пойдет на конкретных фактах, в первую очередь на археологических, на

результатах трудов археологов, посвященных самым глубинным истокам сибирской истории в далеком каменном веке. И, как мы увидим, не только сибирской, но и североазиатской и центральноазиатской истории, поскольку на этих огромных просторах в ходе тысячелетий скрещивались пути различных народов и культур.

НА КРУТОМ УЛАЛИНСКОМ ХОЛМЕ

Среди высоких гор, покрытых густой зеленью лесов и кустарников, лежит в узкой долине город Горно-Алтайск, столица автономной области. Неподалеку напряженно гудит прославленный Чуйский тракт. Машины спешат в подоблачные дали Алтая, к границам Монгольской Народной Республики. Стремительно несет свои ледяные воды воспетая поэтами Катунь. Кругом кипит молодая жизнь горного края, пробужденного от долгого сна Великим Октябрем.

И вряд ли кому приходило в голову, что здесь же, рядом с парком, где стоит памятник Ленину, неподалеку от кинотеатра и краеведческого музея, на склоне высокого холма, у старинного кладбища могут быть обнаружены следы нашего далекого предка...

В 1961 году во время краеведческой конференции чутье охотника за первобытным человеком привело меня и этнографа Е. Тоцакову к этому холму, заставило перейти маленькую горную речку Улалинку и подняться по крутому склону, усеянному каинами. В осыпи из желтой глинистой толщи рыхлых отложений выступали скатанные водой, булыжники светло-желтого кварцита, торчали остроугольные глыбы темно-серого известняка. В этих «диких» камнях не было, ничего такого, что напоминало бы хорошо знакомые каменные изделия древнего человека. И все же мой взгляд остановился на одном из булыжников....

Да ведь это то, к чему я стремился, чего так жадно итак напряженно искал мой взор!

Салю собой разумеется, если бы о булыжник, запнулся кто-либо, незнакомый с технологией того далекого времени, когда, наши предки не знали ни железа, ни меди, он отбросил бы этот камень с дороги носком ботинка. Но специалисту-археологу камень с Улалинки мог рассказать многое. Он взволновал бесспорными признаками искусственной обработки. И прежде всего характерным раковистым изломом. Именно так выглядит поверхность камня, намеренно расколотого рукой древнего, человека, человека каменного века. Поверхность раскола резко отличалась от необработанной части булыжника, гладко отшлифованной подои и песком, такой же, как у всех остальных, булыжников из осыпи.

Итак, сначала над камнем поработала природа. Веками, а может быть, и тысячелетиями ворочала его бурная река или катил древний ледник, пока не приобрел камень эту идеальную гладкость и овальную форму.

Но затем, в неизведанные времена каменного века, его поднял с древней галечной отмели или ледниковой дарены первобытный, мастер и расколлот. Придал ему тем самым совершенно новую, не природную, а, можно сказать, «очеловеченную» форму.

И вот камень лежал: на ладони, еще покрытый желтой липкой глиной, шершавый и холодный, как лед. Но уже чувствовалось в нем тепло той человеческой руки, которая впервые дерзко вмешалась в тысячелетний ход природных процессов. Дала, ему новую жизнь, сделала его не просто камнем, а артефактом, носителем нового качества, которое дано обществом.

Это было истинное чудо — соприкосновение с давно исчезнувшим миром, из которого, как из первого источника, берет начало все богатство человеческой культуры. Слова «первый источник» здесь не случайны, в них содержится глубокий смысл, ибо обработанный камень с Улалинки несет на себе признаки, свойственные самому началу человеческой истории.

Самые ранние известные науке каменные орудия первобытного человека найдены в далекой от нас Африке, затем их обнаружили в Западной и Восточной Европе, наконец на юге Азии, в Индонезии.

И все они представляют собой такие же, как на Улалинке, булыжники, лишь частично обработанные грубой оббивкой. Половина или даже две трети такого камня сохраняет первоначальную галечную поверхность, корку. Она снята только на рабочем конце орудия, на самом его лезвии.

Если лезвие оббито только с одной стороны, изделие называется «чоппером», буквально «сечкой». Если с обеих противоположных сторон — «чоппингом».

Булыжник, найденный на Улалинке, был обработан с одной стороны, именно как чоппер. Когда же начались раскопки Улалинского холма в Горно-Алтайске, в наших руках оказались уже не единичные обработанные камни, а целые десятки и даже сотни (более 600 таких галечных первоорудий!).

Первые обитатели Улалинки пользовались для изготовления своих орудий почти исключительно желтовато-белым кварцитом. Лишь изредка они подбирали гальки черной кремнистой породы (окремненного известняка), так же как, по-видимому, и куски неокатанной кварцитово-вой породы.

Палеолит Улалинки можно назвать поэтому «кварцитовым». Это объясняется, вероятно, не только тем, что здесь кремнь большая редкость, но и каким-то особым пристрастием к кварциту. Так было и в других древнейших памятниках палеолита Европы и Азии, где кварцит служил основным материалом для орудий труда.

В общей массе находок абсолютно преобладали грубо расколотые гальки — заготовки кварцита. Гальки расщепляли характерным и устойчивым приемом, как бы одним ударом, направленным вдоль длинной оси камня. В результате галька раскалывалась на две плоско-овальные половины, своего рода «лепешки».

Одна сторона таких «лепешек», наружная, выпуклая, и сохраняет нетронутой первоначальную галечную корку. Она гладкая и блестящая, покрытая характерным жирным глянцем. Противоположная же сторона таких галек (плоскость раскалывания) более или менее плоская, шероховатая, местами занозистая по структуре.

В ряде случаев гальки-заготовки имеют плоскости сколов с обеих сторон. В таком случае на узких боковых плоскостях, как правило, сохраняются остатки галечной корки. В результате создается впечатление, что исходную гальку как бы рассекли поперек длинной оси на отдельные плоские куски, подобно тому как режут булки на ломти. Нечто похожее наблюдалось в технике обработки камня и на Дальнем Востоке, в пещере Географического общества на реке Партизанской.

Иными словами можно сказать, что расщепленные гальки-заготовки в Улалинке делятся на две категории: на «ломти» и «лепешки».

Нечто подобное встречается и в технике обитателей других древнейших поселений в Европе и в Африке. Такие изделия называют «апельсиновыми дольками». У них на одном конце тупая спинка-корка, другой имеет вид тонкого лезвия, пригодного для резания или для рубящих операций, как у тесла или топора. Одним словом, это столь же примитивные, как и полифункциональные древнейшие инструменты, образцы своего рода примитивного многообразия.

В особую группу выделяются гальки обычно плоские, на которых есть следы выравнивающих ударов, направленных поперек одного из длинных краев. Эти выбоины нередко довольно глубокие, раковистые. Такие заготовки представляют собой как бы переход к скреблам. Они отличаются от настоящих скребел тем, что здесь нет дополнительной обработки мелкой вторичной ретушью по краю.

Галечные орудия, специально оформленные подправкой-ретушью по краю, немногочисленны. Это гальки-чопперы. У них на одном конце выпуклое рабочее лезвие. Оно расположено поперек длинной оси гальки и обработано поперечными мелкими

сколами. Вся остальная поверхность, примерно $\frac{3}{4}$ ее, оставлена без обработки и покрыта нетронутой галечной коркой.

Отмечены единичные примеры, когда рабочий конец гальки оформлен сколами с той и с другой стороны. Это чоппинги. Чоппинги Улалинки характеризуются крайней примитивностью формы и техники обработки.

Это гальки, лишь слегка тронутые рукой человека. 0'-работка чоппингов ограничивается лишь одним-двумя сколами с обеих сторон на рабочем конце орудия.

Относительно редки скребловидные инструменты. Они изготовлены из целых, более или менее плоских галек. У них в отличие от чопперов рабочее лезвие рас положено не поперек, а вдоль длинной оси гальки, вся остальная поверхность не тронута обработкой. Ретушь, которой оформлено лезвие скребел, так же как и чопперов, характерная: крутая, часто с защепами-карнизиками. Иногда замечается дополнительная подправка края лезвия мелкой ретушью.

Судя по расположению лезвий, а также по пропорциям и размерам галечных орудий, чопперами и чоппингами пользовались, располагая их во время работы как топоры: поперек длинной оси. Скребловидные галечные орудия располагали во время работы в противоположном направлении — вдоль длинной оси, как современные ножи или скребла.

В особую серию орудий выделяются выемчатые инструменты. Их изготовляли преимущественно из сравнительно плоских расщепленных галек. Иногда у них полностью или частично сохраняется на одной стороне галечная гладкая поверхность. Выемки бывают более или менее глубокие, полукруглые. Ретушь, которая оформляет выемки, характерная, обычно она легкая, мелкими фасетками, лишь слегка подправляющая тонкий край расколотой гальки.

Кроме обычных выемчатых орудий такого рода, встречены орудия «с носиками», то есть с овальным выступом на одном конце. «Носики», несомненно, служили рабочими частями орудия, на которые падала вся производственная нагрузка. На них заметна легкая стертость или сглаженность, резко контрастирующая со свежестью излома перпендикулярно оббитого края гальки. Такая специфическая сглаженность объясняется, надо думать, тем, что именно эта часть гальки была в длительном употреблении. Орудия с носиком могли служить режущими инструментами, своего рода метчиками или инструментами типа закройного ножа.

Специфическая черта техники расщепления камня и всего каменного инвентаря Улалинки заключается в том, что это галечная техника, галечный инвентарь. С самого начала и до конца работы древнего мастера он имел дело с галькой, подобранной, вероятно, в том же месте, где производил свою работу. Сколы с галек и отщепы встречаются крайне редко, и не они, а именно гальки, как расщепленные, так и целые, были объектом дальнейшей утилизации.

Не менее замечательно в улалинских находках и то, что многое в технике изготовления этих примитивных орудий: подход к обработке камня, к способам расщепления исходных булыжников и валунов — здесь было иным, чем в Африке или Европе.

Мастера Улалинки работали оригинально, не так, как другие их современники. По-своему оформляли заготовки.

Самым неожиданным было то, что тяжелые кварцитовые гальки раскалывались здесь каким-то неизвестным нам хитрым способом. На них незаметно характерного ударного бугорка, который образуется на сколотой поверхности в месте приложения силы удара. Не видно и специфических меток от удара, обычных на расщепленных кремневых гальках. Плоскость раскалывания на гальках из Улалинки часто необычно ровная, совсем не раковистая. Следовательно, о раскалывании галек ударом можно говорить с существенной оговоркой.

При раскопках наткнулись на огромный камень, весом около тонны. Даже не булыжник, для этого он слишком велик, а настоящий валун. Присмотревшись к нему

поближе, увидели, что с этой глыбы были сняты крупные осколки, отщепы необычной величины. Валун этот, следовательно, представляет собой своего рода гигантский нуклеус (исходную заготовку). Тем не менее на обколоте поверхности валуна не заметно характерных углублений — «негативов» ударного бугорка.

Похоже, что куски камня (примитивные отщепы или пластины) снимали не ударами отбойника, а каким-то иным способом, может быть, без применения ударной силы человеческой руки. Они как бы отскакивали от поверхности камня сами собой.

Эта загадочная и странная особенность техники расщепления камня в Улалинке находит столь же неожиданное объяснение. На том же валуне, гигантском нуклеусе, рядом с местами, где видны следы сколов, заметны отчетливо выраженные буро-красные пятна. Они получаются на кварцитовых валунах, когда камень подвергается более или менее длительному и интенсивному обжигу. Пятна розовато-красного цвета встречены и на других обработанных гальках-валунах, на «лепешках». И тут вспомнилось, что сравнительно недавно, каких-нибудь сто-двести лет назад, этнографы, исследователи жизни и культуры наиболее отсталых племен, наблюдали подобный огневой способ расщепления камня. Раскаленные валуны и булыжники определенных пород бросали в реку, озеро или поливали холодной водой. Камень разлетался на куски, которые затем уже нетрудно было подвергнуть дальнейшей, более детальной обработке.

В Восточном Туркестане еще в XIX веке этим способом расщепляли глыбы нефрита. По словам И. Мушкетова, искатели нефрита раскладывали на нефритовых глыбах огонь и, когда камни раскалялись, поливали водою, отчего они трескались. Затем куски глыб распиливали на части и готовили к перевозке.

Так поступали и жители южных морей, андаманцы. Разогревая кусок камня, кремневый желвак, резко охлаждали его, а затем, ударяя по нему другим камнем, отбивали необходимые куски. В данном случае кремневый желвак был подготовлен нагреванием к расщеплению.

Огнем пользовались в процессе разработки кремневых шахт индейцы Северной Америки. Огонь служил для раскалывания различных горных пород также у австралийских аборигенов, у племен Куринджи и Вуль-ванга.

Существенно при этом, что в устье реки Белой, по данным Л. Крижевской, огонь применялся для раскалывания кварцита. «Кварцит, — пишет, она, — очень цепкая и твердая порода, на раскалывание которой требуется больше физических усилий, чем на раскалывание кремня... Отдельные зерна кварцита имеют самые причудливые формы. Зазубрины по краям зерен обеспечивают между ними прочное сцепление...» То же самое можно сказать о структуре нефрита. Он имеет характерную «войлочную» структуру и поэтому почти не поддается обработке обычным способом раскалывания и ретуширования. Его можно лишь пилить либо шлифовать, а на первоначальном этапе обработки колоть огнем. Так и поступали искатели этого ценного камня в Яркенде.

Древние обитатели Улалинки, очевидно, расщепляли гальки кварцита тем же способом, при помощи огня. Камень сначала раскалывали, а затем бросали в воду. В результате такой операции он трескался на части.

Существенно при этом, что кварцитовые гальки на Улалинке имели специфическую структуру, близкую к слоистой. Поэтому гальки раскалывались соответственно естественной спайности именно на такие «лепешки» — половинки и на «ломти», о которых шла речь выше.

Увлеченные идеей, неожиданно пришедшей нам в голову, участники экспедиции разожгли костер. Нагрели на нем камень, извлеченный из того же Улалинского холма, и бросили в холодную как лед реку. Камень расщепился на «лепешки», какие мы выкапывали из траншеи.

Так Улалинский холм раскрыл секреты древнейших мастеров обработки камня. Они, эти первые мастера Алтая и Сибири, оказывается, были не только знакомы с огнем, не только согревались у костра, но и сумели обуздать силу огня, направить ее на

изготовление орудий труда. Труд и ум человека — вот та могучая сила, которая торжествовала здесь на заре истории свою победу над слепыми силами природы, над стихией огня.

Печать своеобразия, выдумки и умелого использования возможностей, которые скрывались в диком камне, лежит здесь на всем наборе каменных инструментов. Например, нигде более мы не видели таких загадочных скребел с маленькими, но очень тщательно обработанными выступами и выемками. Нам неизвестны находки подобных орудий в других местах. Мы не знаем, как и для чего они употреблялись. Ясно одно: это собственное изобретение первобытных улалинцев и никого другого.

Когда же трудились безвестные мастера на Улалинском высоком холме, какой животный и растительный мир открывался с него в далекие времена?

Судя по примитивности техники обработки камня и по грубости самих орудий, они были изготовлены в подлинно первобытные времена, когда на земле еще жил хорошо известный каждому образованному человеку яванский питекантроп, обезьяночеловек прямоходящий, а также другие, близкие к нему по уровню развития наши предки. Такие, которых принято называть архантропами, в те отдаленнейшие времена на земле не было еще даже неандертальцев, палеантропов.

Естественно, что, когда произвели первые систематические раскопки на Улалинке и встал вопрос о древности столь необычных находок, одних археологических Наблюдений оказалось мало. Нужно было привлечь на помощь геологов. И столь же естественным образом мнения геологов в оценке условий этой находки и ее возраста разошлись.

Одни из них, ссылаясь на относительно небольшую высоту холма, высказали мнение, что стойбищу-каменоломне не более 40 тысяч лет. Другие же, напротив, дали Улалинке возраст в пределах среднего плейстоцена I или даже ранее, то есть около 300—400 тысяч лет и даже старше.

Наконец, специальный консилиум из ведущих геологов-четвертичников Сибирского отделения Академии наук СССР пришел к выводу, что находкам не менее 150—200 тысяч лет. Следовательно, можно было думать, что первобытные улалинцы жили скорее всего где-то в промежутке между двумя большими оледенениями, в межледниковое рисс-вюрмское время.

Историкам Сибири было от чего испытать волнение: самые ранние, известные до сих пор остатки человеческой деятельности в Сибири имели возраст не более 25 тысяч лет. Теперь же сроки обитаемости сибирской земли удлинены в 10 раз!

Сказанного достаточно, чтобы перевернуть старые представления о возрасте перволюдей, настоящих пионеров освоения отдаленнейшими нашими предками территории Северной Азии. Однако и этого мало.

Весной 1976 года в Омске торжественно отмечали столетний юбилей Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. После лекции о новых открытиях в области сибирской археологии ко мне подошел уже не молодой, но энергичный человек с истинно джентльменскими манерами и отрекомендовался: профессор Рагозин из Тюменского университета.

Имя Л. Рагозина было мне ранее известно по его многочисленным крупным исследованиям, посвященным геологии Алтая. Профессор Рагозин работает на Алтае много лет и занимается изучением не только четвертичных, но и дочетвертичных отложений. Если взгляд геологов-четвертичников ограничен естественным образом ледниковой эпохой, то Л. Рагозина занимают больше отдаленные времена геологического прошлого Алтая.

Первое, что он сказал, было: «Ваши находки на Улалинке не сто тысяч лет».

Можно было ожидать, что он скажет: «Много меньше!» В самом деле нелегко привыкнуть к мысли о том, что человек появился в Сибири, на Алтае, даже не сорок, а сто тысяч лет назад!

Но Рагозин четко и твердо произнес: «Много больше! Вплоть до миллиона, если не более!»

Миллион, если не больше: от этих слов, если вспомнить, что все прежние датировки палеолита Северной Азии» еще на рубеже пятидесятих-шестидесятих годов не выходили глубже сартанского времени, то есть примерно 20—25 тысяч лет назад, стало, честно говоря, страшно...

Как было условлено в Омске, мы приехали в Горно-Алтайск весной, когда горы уже покрывались зеленой травой и цветами. Сначала нас встретила директор краеведческого музея и сказала, что «ваш геолог» уже облазил все окрестности Горно-Алтайска, не говоря уже о самой Улалинке, и, по его словам, счастлив, что сказал в Омске свои слова не на ветер. Он нашел подтверждение своей датировке этого памятника.

И вот мы снова, на этот раз вместе с Рагозиным стоим на нашем холме у расчищенного стратиграфического разреза. Вверху лежит слой черноземовидной почвы — знаменитый плодородный слой азиатской целины. Под ним столь привычная нам лессовидная толща, а в ней позднепалеолитические находки. Тоже привычные: всего лишь несколько отщепов.

Вместе с отщепами нашелся датирующий элемент: превосходный остроконечник, клинок, изготовленный из широкой и длинной пластины кремнистой породы. Рабочие края его оформлены тщательной ретушью. Такие клинки сериями идут теперь из различных палеолитических поселений Западной и Восточной Сибири и датируются, по геологическим данным, сартанской позднеледниковой эпохой — временем мамонта, диких лошадей и бизонов, северных оленей.

Но самое интересное начинается глубже. Это вязкая плотная глина, совершенно «немая» с археологической точки зрения, лишенная каких-либо культурных остатков. В ней, однако, оказались, по данным палеонтологов, косточки мелких грызунов, замечательные тем, что в строении их зубов есть архаические черты, позволяющие считать, что эти животные жили много раньше, чем весь комплекс зверей, в окружении которых на Алтае обитали люди ранней поры верхнего палеолита.

Под глинистой толщей, в самом ее основании, явно погруженные в желтую золотистую глинистую породу, залежали кварцитовые гальки, в том числе обработанные человеком! Золотисто-желтая глина — вот он, ключ к решению проблемы о возрасте улалинских каменных орудий.

Наши камни и в самом деле были погружены в эту желтую глину. Лежали на верхней ее части под толщей глин, которые относятся к так называемой краснодубровской свите геологической классификации на Алтае. Так решили местные геологи-поисковики, которым известен каждый квадратный метр этой местности. Геологов собрал на полевой «симпозиум» в нашем карьере-раскопе профессор Рагозин, чтобы опереться на их опыт и знания.

Подводя итог изысканиям на Улалинке, Рагозин сделал, говоря его собственными словами, окончательный вывод из предпринятого «экзамена» Улалинского местонахождения каменных изделий. Новые данные позволяют точно установить верхнюю стратиграфическую границу Улалинской стоянки по перекрывающему слою золотисто-желтых пластичных «кочковских» глин и определить ее возраст древнее 300 тысяч лет. Нижняя возрастная граница остается пока открытой, неопределенной. Без дополнительных исследований трудно решить, к каким именно горизонтам кочковской свиты относятся улалинские галечные орудия. Тем не менее не исключается вероятность того, что возраст Улалинки близок к «эпизоду Олдувэй».

Возможно, следовательно, отсчитывать перволюдям Сибири, оставившим это уникальное местонахождение своих каменных изделий, этих бесспорных при всей их примитивности «артефактов», даже не 100 тысяч лет, а может быть, полмиллиона и еще более, на уровне гомо габилиса, найденного Л. Лики в Олдувэйском каньоне у озера Виктория в Африке.

Почему бы и не так? Ведь и на самом деле до открытий в Олдувэе никто не мог предположить, что человеку, его отдаленным предкам в Африке отмерена для эволюционного развития такая громада тысячелетий и что сам питекантроп с острова Ява, имеющий возраст 800 тысяч лет, всего лишь «ребенок» рядом с гоминидами Олдувэя сравнительно с этими пра-людьми, обладающими поразительно малым мозгом, почти обезьяньим, но уже способными изготавливать каменные орудия труда и названными из-за такого поразительного контраста между малым мозгом и орудиями, человеком умелым. Не разумным, как мы, а именно умелым!

Такая идея, конечно, совершенно неожиданная и требует дальнейшей многосторонней проверки, прежде всего с геологической стороны проблемы. Но ведь не менее неожиданным и породившим ожесточенную многолетнюю дискуссию было открытие неандертальского человека. И наконец, совсем недавно сделал свои открытия в Африке Л. Лики. И кто мог думать в конце XIX века, что в Китае будет найден синантроп вместе с его каменными орудиями?

Столь же неожиданно выдающийся венгерский ученый — геолог и археолог Л. Вертеш обнаружил в 90 километрах от Будапешта в городке Вертешцёллеш своего, венгерского питекантропа, первую такую находку в Венгрии.

Серию интереснейших находок в этом роде начала теперь давать и Ангара. Расщепленные валуны кварцита встретились в устье реки Иды на высоких отметках: чем выше речная терраса, тем она древнее. Оббитые кварцитовые валуны находили и много ранее, еще в пятидесятых годах, на тех же местах, начиная от Бурети далее вниз по Ангаре, к Каменке и устью реки Иды. Теперь наши работы продолжают археологи-иркутяне.

Конечно, есть основания и для скептицизма. Известно, что на Ангаре, где практически не было местного кремня, кроме малопригодного из известняковых отложений, кварцитом пользовались во все эпохи каменного века, в том числе неолитические племена.

Но как давно у мастеров каменного века пошел в дело кварцит, неизвестно, и не исключено, что он привлек внимание людей, оказавшихся в долине Ангара задолго до верхнего палеолита.

Открытие Улалинки дало новый импульс к решению загадки оббитых валунов кварцита на Ангаре. В июне 1977 года мы видели, какую огромную работу для археологов выполняют волны и ветры, временами ураганной силы, на водохранилище Братской ГЭС, в местах, где многие годы велись наши раскопки. В том числе в районе, где некогда было знаменитое палеолитическое поселение Буреть с жилищами, построенными из костей мамонта, черепов носорогов и рогов северного оленя.

И здесь раскрылась впечатляющая картина. Вдоль пляжей водохранилища лежали расколотые и целые кости ископаемых животных, расщепленные и оббитые древним человеком валуны кварцита.

При внимательном изучении наших находок и отложений, с которыми они были связаны, возникло решение, подсказанное работами на Улалинке. Обработанный камень в ряде мест так или иначе связан не с лессовидными толщами поздней ледниковой эпохи. Он был в одних местах перенесен природными силами, возможно, древними реками той же пра-Ангара с более высоких уровней и сложен вместе с необработанными гальками и валунами на более низких уровнях.

Но во всех случаях толщи типичного желтого лесса отложились много позже, в совершенно других климатических условиях, когда количество влаги резко уменьшилось, установился иной, континентальный, сухой и суровый климат.

Едва ли не столь удивительной находкой, как и каменные изделия Улалинки, но только лишь в совершенно ином морфологическом роде, стало типично ашельское ручное рубило (ручной топор), обнаруженное автором этой книги осенью 1977 года на правом берегу Амура, в районе села Богородского (районного центра Ульчского района

Хабаровского края). Это изделие взято у подножия великолепного разреза среднеплейстоценовых отложений. Следовательно, возраст его может быть определен около 300 тысяч лет, если не больше. Рубило из села Богородского, таким образом, продолжает эволюцию культур Северной Азии от галечной техники к ашельской технике ручных рубил.

В этой связи привлекают внимание и новейшие находки нашей экспедиции совместно с археологами Монгольской академии наук на востоке Монголии, в пустыне Гоби.

В 20-х годах Центрально-Азиатская экспедиция Американского музея естественных наук, работавшая под началом Р. Эндрюса, искала в Гоби предполагавшиеся там следы первочеловека. Поиски американцев не дали ожидаемых результатов. Однако нам удалось обнаружить в Гоби, в районе Сайн-Шанда и Мандал-Гоби, ручные рубила, бифасы. Это первые свидетельства, что «струйки» архантропов, носителей культуры аббевилиенских бифасов, проникли сюда в то же время, когда их современники оказались даже не в Монголии, а и на Нижнем Амуре, у нынешнего Богородска. Вот так по-новому раскрывается картина сложного мира палеолитических людей. По-новому мы видим теперь великий процесс освоения нашими подлинно первобытными предками азиатской части планеты Земля.

«ТРОГЛОДИТЫ» АЛТАЯ

«Пещерные люди», «троглодиты» — как странно и дико для нашего уха звучат эти слова!

А между тем эти подземные полости, нередко настоящие дворцы со сверкающими при свете факелов снежно-белыми колоннами, свисающими с потолка гирляндами сталактитов и причудливыми наплывами на стенах, похожими на фантастических зверей, тысячелетиями служили убежищем человеку.

И не только жилищами. В пещерах Франции и Испании, в темной глубине преисподней, куда никогда не проникает свет солнца, сохранились до нашего времени потрясающие своей жизненной силой красочные рисунки.

На них изображены мамонты и носороги, а также северные олени, быки и лошади — предки современных домашних лошадей и быков, но еще абсолютно дикие, не подвластные человеку. Эти росписи, выполненные вечными минеральными красками, сделаны палеолитическими художниками, людьми последней ледниковой эпохи.

В Сибири известно много пещер, в том числе есть и пещеры, некогда обитаемые древними людьми. Одна из самых интересных для истории заселения Сибири человеком находится около селения Усть-Кан, на берегу горной речки Кан.

Первые находки в ней сделали профессор С. Руденко и его помощники еще в 50-х годах, когда решили заглянуть в сравнительно небольшую, уютную, видную издали пещеру на высоком известняковом утесе в устье речки Кан, при ее впадении в Чарыш.

Раскопки были произведены, правда, с излишней поспешностью, «некорректно». Но материал их заинтересовал других исследователей и позволил автору этой книги высказать мысль, что здесь есть остатки культуры, весьма древней и явно предшествующей верхнему палеолиту. Иначе говоря, соответствующие по типам и возрасту среднему палеолиту Европы и Средней Азии, то есть эпохи мустье и неандертальского человека. Специальный типологический статистический анализ подтвердил впоследствии такое предположение.

Усть-Канская пещера не поражает своими размерами. В ней нет длинных туннелей и сводчатых подземных залов со сталактитовыми занавесами и колоннами. Точнее говоря, это всего лишь небольшой грот. Но он похож на настоящую комнату или зал со сводчатым потолком, который мог служить надежной защитой от дождя и ветра.

Широкая арка у входа в грот смотрит на юг, навстречу солнечным лучам. Внизу открывается панорама речной долины и окрестных гор. Отсюда пещерный житель мог видеть стада быков и лошадей, группы мамонтов и носорогов, а при случае и опасных пришельцев-чужеплеменников.

Было бы непонятно, если бы древние обитатели Алтая не оценили всех выгод, которые предоставляло им такое удобное естественное убежище, дар самой природы.

И на самом деле, когда сюда в поисках следов деятельности древнего человека пришли археологи, они нашли эти следы: множество острых и тонких каменных отщепов и настоящих пластин, служивших ножами, а также, возможно, наконечниками копки. Тут же лежали массивные каменные скребла и заготовки-нуклеусы, от которых откалывались пластины и острые отщепы, тоже в случае необходимости употреблявшиеся взамен ножей и скребел.

На образ жизни и хозяйство первобытных обитателей пещеры прямо указывали кости диких животных. Здесь жили ловкие и смелые охотники. Зоологов, изучавших костные остатки из пещеры, более всего поразили кости винторогой антилопы, животного, которое исчезло в Сибири, как думают исследователи, ранее мамонта и носорога. Еще интереснее, что это быстроногое животное по образу жизни принадлежит к обитателям сухих и жарких пространств, таких, как африканские саванны, и в настоящее время живет только в Африке.

От Алтая до Африки! Таков был, следовательно, размах кочевок винторогой антилопы в те далекие времена. Но в какие времена, когда жили охотники на вин-торогих антилоп в Усть-Канской пещере?

Рассматривая внимательно весь набор каменных изделий, которые оставили после себя древние обитатели Усть-Канской пещеры, исследователи увидели, что и на нем лежит печать глубокой древности. Алтайские троглодиты обрабатывали камень, свои каменные нуклеусы, такими же приемами, как люди мустьерского времени — неандертальцы в Средней Азии. Из снятых с нуклеуса пластин они изготавливали точно такие же пластинчатые ножи и наконечники, какие мы находим в пещерах Средней Азии, например у старинного поселения Ходжикент на бурной горной реке Чирчик.

Значит, на Алтае в это время, по крайней мере 40—50 тысяч лет назад, жили современники среднеазиатских неандертальцев, можно сказать, собратья прославленного своей древностью мальчика из Тешик-Таша.

Вслед за раскопками в Усть-Канской пещере в 1965 году исследователи пещер, спелеологи-томичи и новосибирец Н. Оводов, подарили науке новый, еще более богатый находками памятник эпохи палеолита. Пещеру Страшную в Тигирекских горах на том же Алтае заполняет мощная толща рыхлых отложений. Глубина культурного слоя достигает шести метров и более, и вся толща отложений насыщена костями ископаемых животных четвертичного периода, а также каменными изделиями древнего человека. Среди них есть специально подготовленные характерными так называемыми леваллуазскими приемами полуфабрикаты-нуклеусы, предназначенные для скалывания крупных отщепов и правильных крупных пластин удлиненно-треугольной формы. Каждая такая пластина может и без дополнительной обработки мелкими сколами-ретушью служить ножом, кинжалом, а если ее прикрепить к длинному древку-ратовищу, то и наконечником охотничьего копья.

Данные радиоуглеродного анализа, выполненного в лаборатории Института геологии и геофизики Сибирского отделения Академии наук СССР, по заключению руководителя этой лаборатории, дают повод полагать, что возраст находок в пещере Страшной значительно древнее, чем 40—45 тысяч лет.

Картина, которая раскрылась перед исследователями в пещерах Алтая, была существенно дополнена наблюдениями, полученными при изучении поселений того же времени под открытым небом на этот раз за Байкалом.

Одно из самых замечательных поселений первобытных охотников оказалось в долине небольшой речки Брянки, притока реки Уды в Бурятии. Оно было обнаружено у

крутых гранитных скал на Варвариной горе. Здесь на большой площади залежали какие-то сооружения из глыб дикого камня. Возможно, это остатки первобытных жилых сооружений. С ними связаны скопления костей диких животных, в том числе шерстистого носорога, дикой лошади, быков, даже яка.

Тут же оказались нуклеусы, совершенно аналогичные найденным на Алтае в пещере Страшной, такие же широкие крупные пластины. Но самыми неожиданными были бусины-кружочки, изготовленные из скорлупы яиц страуса!

По данным радиоуглеродного анализа, поселение на Варвариной горе построено не позже 30 тысяч лет назад и может быть отнесено, по европейским хронологическим масштабам, к концу среднего палеолита, то есть мустьерского времени, или, самое позднее, к начальному этапу верхнего палеолита, переходу от мустье к верхнему палеолиту.

Отсюда следует, что в то далекое время у людей каменного века в Сибири уже зарождаются зачатки эстетического чувства и тех представлений, из которых впоследствии вырастает достаточно сложное мировоззрение, создаются первые мифы и легенды.

Итак, Сибирь была заселена и в мустьерское время, в пределах 100—40 тысяч лет назад, когда неандертальцы хоронили своего сородича в гроте Тешик-Таш. Вероятно, оттуда же, из соседней Средней Азии, где так щедро представлена мустьерская и леваллуа-мустьерская культура, люди мустьерской культуры проникли на Алтай. И, должно быть, еще далее на Восток, в Забайкалье.

Этого, кажется, было вполне достаточно и для самого горячего воображения археологов, стремившихся найти и в Сибири что-то сходное с событиями, происходившими тысячи лет назад в соседней Европе или в том же Китае, который славится своим синантропом, или «лантьянским человеком».

Галечная культура Улалинки, рубило с Амура, наконец, леваллуа-мустьерская культура и вероятный, хотя пока еще не найденный сибирский неандерталец, все это вместе взятое — факты огромной важности.

На наших глазах как бы развертывается кадр за кадром кинофильм историй.

В незапамятной глубине времен, более полумиллиона лет назад, появляются на широких просторах Алтая обитатели Улалинки, современники питекантропа и синантропа. Над голубыми горами Алтая поднимается к небу дым костров. В костре шипит и брызгает соком мясо убитого горного козла, а среди горячих углей лежит раскаленный булыжник — материал для каменных орудий. Кругом, наслаждаясь теплом костра, сгрудились наши зверообразные волосатые предки архантропы, чьи широкие приплюснутые ноздри вдыхают запах жареного мяса.

Проходят тысячелетия. Минуют даже не десятки, а сотни тысяч лет.

Широко открыто гостеприимное жерло Усть-Канской пещеры. Мы снова среди наших далеких предков, но на этот раз неандертальцев, уже претерпевших длительный путь развития, научившихся работать не только оббитыми массивными гальками, но и умеющих готовить тщательно обработанные камни — нуклеусы. Умелым, целенаправленным, поистине молниеносным ударом обитатель пещеры скалывает с края нуклеуса тонкую и длинную пластину, настолько правильную по форме, что она почти ничем не отличается от настоящего клинка. Правда, пластина относительно широкая и толстая, в виде удлиненного треугольника. Но как далека она от прежних расколотых галек — чопперов и чоппингов, от прежних скребел с выступами-носиками, которые служили орудиями их далеким предшественникам — улалинцам! Как-никак это уже ножи и наконечники, то есть принципиально новые для человека орудия труда.

Новая техника обработки камня, новые виды каменных орудий открыли человеку широкие и захватывающие горизонты. Его трудовая деятельность неизмеримо расширилась и обогатилась. Как ни просты и грубы на первый взгляд все эти каменные пластины, но тем не менее острыми лезвиями и концами таких пластин можно было

производить множество разнообразных технических операций, например, резать и строгать дерево, чтобы получить древко для копья или затесать кол для охотничьей ямыловушки.

Усовершенствование орудий и способов охоты должно было неизбежно содействовать успеху охотничьего промысла, гарантировало первобытную общину от недостатка пищи, обеспечивало ее членам изобилие.

Новыми орудиями можно было не только убивать зверей, но и снимать шкуры, выделывать их. А это значит, что безвозвратно прошло то трудное время, когда наши предки ходили голыми, защищенными от снега и ветра только собственным волосяным покровом. Теперь, должно быть, появилась хотя бы самая примитивная, первоначальная, но все-таки одежда.

Это содействовало дальнейшему расселению человека, ускоренному освоению им новых пространств, а вместе с тем и размаху взаимных контактов и связей между разобщенными и далеко рассеянными группами первобытного населения планеты. Не случайно же так много общего между каменными орудиями Усть-Канской пещеры и пещерных поселений Средней Азии. Древние охотники, обосновавшиеся в ущельях и равнинах Средней Азии, могли теперь в погоне за стадами диких животных, в том числе за табунами африканского выходца — аинторогой антилопы, свободно передвигаться не только на юг или запад к Уралу, но и далеко на север и на восток по направлению к Алтаю и вообще к Западной Сибири.

Так обнаружилась еще одна из самых ранних, а вместе с тем чрезвычайно важных для истории освоения человеком Северной Азии страниц истории древней летописи Сибири. Раскрылась даже не страница, а целая глава истории всей Северной Азии.

Значение ее понятно. Если в Сибири, на Алтае обитали древнейшие люди — архантропы и палеоантропы, это существенно меняет традиционные представления о времени заселения Северной Азии человеком и вообще взгляды на процесс становления человека в целом и освоения им планеты.

Значит, не только Африка, Европа или Китай были ареной, где совершались всемирно-исторические процессы подлинно начальной истории человечества, но и Северная Азия, Сибирь.

Так, в свете новых находок в Сибири снова встает перед исследователями старая и важнейшая проблема: где и как возникло человечество.

Как известно, в истории науки о человеке контрастно противостоят друг другу два взгляда: моноцентризм и полицентризм.

Конечно, на современном уровне наших знаний нелегко склонить чашу весов в ту или другую сторону. Но ясно, что сибирские находки снова сигнализируют о сложности проблемы, о справедливости принципиального положения Ф. Энгельса, писавшего, — что возникновение человека — результат тысячелетних и многократных попыток, а не простая эволюционная линия. Не от изначального простого единства к множеству, а от примитивного множества исходных позиций и возможностей к единству — человеку разумному, гомо сапиенсу...

Вот какие глубины тысячелетий открываются с высоты небольшого холма над маленькой речкой Улалинкой...

«ЭСКИМОСЫ» ЛЕДНИКОВОЙ ЭПОХИ

В 1871 году в археологии России произошло событие, которое вскоре обратило на себя внимание одного из ведущих в то время археологов страны, автора капитального двухтомного труда о каменном веке, графа А. Уварова.

При постройке здания военного госпиталя в Иркутске обнаружены были кости ископаемых животных ледниковой эпохи — северного оленя. Вместе с ними лежали

каменные и костяные изделия, принадлежавшие руке палеолитического мастера, человека древнекаменного века.

Замечательно и то, что сибирские находки совпали по времени с открытиями остатков столь же древней культуры, обнаруженных далеко к западу от Байкала и Ангары, в Моравии.

Иркутская находка осталась бы незамеченной и, быть может, погибла для науки о человеке, если бы не попала в руки выдающихся исследователей Сибири, геологов И. Черского и А. Чекановского.

В огне иркутского пожара 1879 года уникальные предметы, найденные у военного госпиталя, погибли. Но, к счастью, о них сразу же была опубликована большая статья в «Известиях» Сибирского отдела Географического общества с рисунками обнаруженных в 1871 году предметов. В том числе удивительных и неожиданных для того отдаленного времени художественных изделий, оставленных людьми ледникового времени. Уже тогда, более ста лет назад, стало очевидным, что древнейшие следы деятельности человека на севере Азии уходят глубоко в прошлое, к тем временам, когда значительная часть Европы, Азии и Америки была покрыта ледниковыми толщами, а на свободных ото льда пространствах бродили мамонты, носороги, северные олени, дикие лошади и быки.

Затем последовали открытия И. Савенкова на Афонтовой Горе в Красноярске, в Лагерном саду в Томске. И снова в Иркутске, на Верхоленской Горе, где М. Овчинников обнаружил серию каменных изделий, сопровождавшихся костями мамонта.

В Томске уцелели остатки временного становища первобытных охотников, которые убили одного-единственного мамонта, съели его и ушли дальше. Раскопки произвел видный биолог, профессор Томского университета Н. Кащенко и сделал это с такой тщательностью, так основательно, что его работа в методическом плане стоит на вполне современном уровне. Недавно при разборке старых ящиков с коллекциями Кащенко нашли даже пробирку с древесным углем: исследователь как бы предвидел современный радиоуглеродный анализ.

Таким образом, уже в конце XIX столетия стало ясно, что в суровое время ледникового периода, выражаясь языком геологии, в верхнем плейстоцене, около 25 тысяч лет назад человек уже обитал на Ангаре, Енисее и в бассейне третьей великой реки Северной Азии — Оби, в районе нынешнего Томска.

Прошло 58 лет с открытия у военного госпиталя, и археологов нашей страны и всего мира порадовала новая, столь же неожиданная и счастливая находка вблизи Иркутска, на Ангаре, вернее, на ее левобережном притоке — Белой, на высоком берегу, в старинном сибирском селе Мальте.

Один из местных жителей, простой крестьянин П. Брилин, рыл в своем доме погреб-подполье. И вдруг наткнулся на огромные кости, залежавшие почти сплошным пластом в желтой глине.

Такие кости не раз находили в Мальте при разных хозяйственных работах. Шла даже молва, что именно здесь, в Мальте, жили некогда огромные звери — мамонты, которые погибли во время «всемирного потопа», потому что не вместились в библейский Ноев ковчег.

Широко была распространена в старой Сибири и легенда, что мамонт — зверь подземный. Он живет под землей, говорили ученым в XVII столетии коренные жители Приобья. Мамонт, по их рассказам, похож на гигантскую крысу. А землетрясения — результат неосторожных движений подземного чудовища. Но оно не рискует показаться на поверхность земли, потому что погибает немедленно. И каждому, кто нечаянно наткнется на него, на торчащие наружу длинные кривые бивни, грозит несчастье, болезнь, или даже смерть.

Однако после Великой Октябрьской революции культурный облик деревни изменился, и старые легенды ушли в прошлое. В Мальте работала своя собственная изба-читальня, а в ней скромный сельский культпросветработник Бельтрам. К нему и пришел с

найденными в подполье костями крестьянин П. Брилин, обессмертивший этим поступком свое имя.

Бельтрам принес кости в Иркутский краеведческий музей, где заведовал археологическим отделом М. Герасимов — юный ученик профессора Б. Петри. Вокруг созданной Петри кафедры антропологии и этнографии Иркутского университета, в маленьком, но замечательном по уникальности собранных в нем коллекций музее группировались «птенцы» кафедры. Это были выдающийся впоследствии антрополог Г. Дебец, крупный исследователь сибирского палеолита Г. Сосновский, старый сибирский интеллигент — любитель неолита Я. Ходукин, такой же любитель бронзового и меднокаменного века Сибири А. Попов, увлеченный также «чудью» и древними «чудаками». Там же встречались друг с другом В. Сосновский, знаток сибирской этнографии, занятый поисками пратунгусов, этнограф П. Полтораднев, энтузиаст изучения шаманства и происхождения якутского народа Г. Ксенофонтов, профессор-географ С. Лаптев и многие другие, неравнодушные к истории и культуре народов Сибири люди.

Мальтийская находка, понятно, взволновала профессора Петри и весь его кружок, младшими членами которого были в то время Г. Константинов — внук одного из первопроходцев сибирской археологии М. Овчинникова, Л. Иваньев, а также автор этой книги. И конечно, М. Герасимов, уже тогда прославившийся в Иркутске мастерством скульптора-реставратора. Он поражал знакомых дам и девушек своими быстрыми подарками: динозаврами или мамонтами, изготовленными в какие-то считанные секунды из оловянной фольги от шоколадных конфет.

Неудивительно, что чуть ли не в тот же день, когда в маленькой башенке «мавританского» причудливого здания Иркутского музея в миниатюрной комнатке хранителя археологического отдела появился с костями Бельтрам, Герасимов отправился в Мальту. Спустился в подполье и увидел замечательнейшее из замечательных известных до сих пор в Сибири палеолитическое поселение.

Кости мамонтов, северных оленей и носорогов громоздились друг на друге в причудливом беспорядке, как «кухонные отбросы». Каким же завидным аппетитом должны были обладать убийцы мамонтов! Однако все оказалось, как мы увидим дальше, совсем другим, гораздо интереснее, чем простая свалка костей. Раскрылся неведомый ископаемый мир.

Вместе с костями лежали каменные орудия. Их было здесь великое, можно сказать, бесчисленное множество, такое, что с ними нельзя сравнить даже и ту массу палеолитических находок, которые достались профессору Петри, а до него М. Овчинникову при специальных многолетних раскопках на Верхоленской Горе, по дороге из Иркутска на Лену.

Прошло еще семь лет, и у Мальты появился двойник. На расстоянии всего лишь нескольких километров, но не на реке Белой, а на высоком правом берегу Ангары, у другого старинного сибирского села Бурети в 1936 году было обнаружено еще одно палеолитическое поселение.

Из земли на склоне древней речной террасы слегка выступали плиты известняка. Здесь находился могильник начала бронзового века. Своих сородичей жители этих мест хоронили под каменными кладками. На этот раз под большой каменной плитой залегал рог северного оленя, который вымер задолго до бронзового века! Значит, находка была не бронзового века, а палеолита. Но самое неожиданное, что под этой плитой уцелела замечательная вещь. Некогда намеренно запрятанная, захороненная палеолитическими людьми статуэтка женщины, вырезанная из бивня мамонта кремневым резцом. Такая же, как палеолитические статуэтки из Мальты!

Но от большинства женских мальтийских статуэток и от всех известных в Европе она отличалась ясно выраженной одеждой. Похожие статуэтки найдены были и в Мальте,

но не столь хорошо одетые. Было высказано предположение, что это обозначена своего рода драпировка: небрежно накинутая на плечи шкура зверя с длинным хвостом.

На статуэтке же из Бурети видна шитая, именно ши-гая одежда определенного покроя, такого же, как у современных арктических обитателей двух континентов — Азии и Америки: эскимосов, чукчей и коряков.

Она имеет вид мехового комбинезона с капором на голове! Такая одежда превосходно приспособлена к суровым арктическим условиям. Ее не продувают даже пронизывающие все на свете колючие арктические ветры. Она надежно закрывает голову и лицо пушистой бахромой. И эта одежда, рожденная к жизни ледниковой эпохой, выдержала, таким образом, испытания двадцати, а может быть, и более тысячелетий...

Люди Бурети и Мальты имели не только удивительную для того времени одежду, но и многое другое, столь же поразительное для нас. Все, без чего вообще невозможна жизнь человека в арктических просторах, в тундре и лесотундре ледниковой эпохи. Это было теоретически предсказано еще Н. Чернышевским, но, как часто случается, забыто учеными специалистами нашего времени.

Теперь мы знаем, что древнейшие жители Бурети создали столь же хорошо приспособленную к жизни в Арктике, как и одежда, архитектуру. Вдоль древнего берега Ангары располагался целый поселок из четырех жилищ палеолита. Как видно из остатков одного, наиболее сохранившегося жилища Бурети, они были полуподземными. Основой жилищ служили специально выкопанные ямы-котлованы глубиной около метра, овальные или близкие к прямоугольнику по очертаниям. Из них вел узкий проход-выход к реке.

Необычное всего строительный материал. Столбами, окружавшими котлованы жилищ, служили огромные бивни мамонта. Вместе с бивнями были вертикально вкопаны бедренные кости того же зверя. На попа стояли мощные, как обломки бревен, черепа ископаемых носорогов.

Крыша жилищ состояла из своеобразного эластичного, но прочного каркаса, перекрытого рогами северного оленя. В Бурети эти рога, десятки мощных рогов самцов-оленей, крепко переплетались друг с другом своими развилками. Такие полуподземные жилища, вероятно, куполовидные, обтекаемые всеми ветрами, выглядели издали как эскимосские зимние дома. Они служили надежным долговременным убежищем в зимний период. Летом же, нужно думать, обитатели поселка довольствовались шатрами из шкур и легкими навесами.

Предметы искусства, образцы скульптуры и орнаментики палеолитических людей, конечно, самое драгоценное в множестве находок, которые ждали нас в Бурети и Мальте двадцать тысячелетий...

У обитателей жилищ Мальты и Бурети в долгие зимние дни и ночи оставалось время для занятий искусством. Превосходный материал для косторезов давала охота на мамонтов. У них в распоряжении находилась драгоценная, по понятиям нашего времени, слоновая кость. Они, видимо, пользовались и деревом, а не только костью, для своих изумительных художественных работ, для скульптуры и орнаментальных произведений. Подобно эскимосам, люди Мальты и Бурети, взявшись за руки, пели и танцевали под звуки бубнов или флейт, танцевали испуленно, в бешеном ритме кругового танца-хоровода двигаясь по солнцу.

Притом, а это стало ясно с первого же взгляда, в Мальте и Бурети работала принципиально иная, чем у Военного Госпиталя, художественная школа, со своими в корне отличными художественными традициями, особыми эстетическими взглядами и вкусами.

В материалах из Военного Госпиталя представлен какой-то абстрактный мир: загадочные длинные стержни с расширениями, шары. Абстракционисты палеолита из поселения у Военного Госпиталя жили в каком-то ином, загадочном интеллектуальном мире. Они удивляют нас и тем, что пользовались каменными клинками, похожими на

неолитические наконечники стрел и копий. Они выделывали из глины какие-то непонятные для нас предметы.

Мальтийцы, напротив, были привержены к реалистической передаче разных традиций-сюжетов: их волновали мамонты и лебеди, змеи и современницы-женщины, то полные, утрированно объемистые, то худощавые, как палки. У мальтийцев было богатое, наполненное реалистическим пафосом искусство.

Его сюжеты не только отражают уже достаточно сложное общественное устройство первобытной родовой общины, но и вводят нас в духовный мир людей ледникового периода. В живых образах палеолитического искусства мальтийцев просматривается не только наблюдательность и художественная фантазия, но и качество не менее высокой ценности: зачатки астрономических наблюдений и математических знаний, навыки счета.

Так встала новая большая загадка, настоящая тайна: каково отношение друг к другу носителей этих двух столь контрастно противостоящих сибирских культур ледниковой эпохи — Мальты и Военного Госпиталя?

Кто они — аборигены, коренные племена или пришельцы? А если они и проникли в Сибирь извне, то откуда и когда именно? Развернулась дискуссия, которая длится в науке и по сей день.

Дискуссия началась еще до открытий в Сибири, когда во Франции стали известны ученым первые памятники замечательной мадленской культуры верхнего палеолита. Они сразу же вызвали близкие этнографические аналогии с культурой племен, и сейчас населяющих северные области планеты. Речь идет об эскимосах, обитателях Аляски и Гренландии, а также азиатского побережья Берингова пролива.

История этого народа интересна уже тем, что в сознании ученых она давно сплетается с историей исчезнувших палеолитических племен Европы. Тех мадленцев, которые оставили в глубине пещер потрясающие своей реалистической силой изображения мамонтов, носорогов и диких быков Альтамыры (Испания) и Фон де Гома (Франция).

Еще Бойд-Даукинс, один из основателей современной науки о палеолитическом человеке, воскликнул: «Эскимосы — это мадленцы, покинувшие Францию в погоне за северным оленем!» Следуя за своей пищей — табунами северных оленей, которые уходили вместе с отступавшими ледниками все дальше и дальше на север, мадленцы, думал этот исследователь, пришли в Арктику и дожили здесь до наших дней.

Одним из оснований для таких смелых выводов послужило реалистическое искусство эскимосов, на первый взгляд удивительно напоминающее искусство палеолитических скульпторов Европы.

Сходство между мадленцами и эскимосами не ограничивается одним искусством. Это относится и к образу-жизни, к домашнему укладу людей, разделенных веками и тысячами километров, и к одинаковым поселкам из глубоко опущенных в землю полуподземных жилищ, к эскимосским гарпунам, таким же, как у первобытных изобретателей этого хитроумного оружия мадленцев. Даже обнаженные женские фигуры эскимосов, вырезанные из кости, поразительно близки к найденным в развалинах палеолитических жилищ на Дунае и на Дону, таким, как в Бурети и Мальте.

Однако первое впечатление тождественности древней палеолитической культуры с эскимосской поверхностно и потому обманчиво. На самом деле, как выяснилось при более детальном исследовании, в таком сходстве сказывается лишь влияние сходных естественногеографических условий современной Арктики и ландшафтов ледниковой эпохи на Ангаре.

В результате раскопок в мерзлой почве Арктики, в Сибири и на Аляске было установлено, что древняя культура эскимосов вовсе не осколок мадленской культуры Западной Европы, а нечто сложное, имеющее свою собственную историю формирования. Эта культура распадается и на ряд местных локальных культур.

Известно, что уже две тысячи лет назад вдоль берегов и на островах Берингова пролива, например, вблизи современного поселка Уэлен, существовали поселки охотников на морского зверя, тех, кто заложил фундамент позднейшей эскимосской культуры.

Море полностью обеспечивало жителей арктического побережья мясной пищей, тюленями и моржами. Мясо и сало морских животных употребляли в пищу, из шкур шили одежду и приготавливали домашнюю утварь, охотничьи снасти. При недостатке хорошего дерева кость, особенно челюсти, позвонки и ребра кита, использовали в качестве строительного материала: из нее сооружали каркасы землянок. Сало моржей и тюленей, горевшее в выдолбленных из камня или вылепленных из глины лампах, согревало и освещало хижину.

Морской промысел, связанный с определенными, наиболее удобными для него пунктами, привел к еще более прочной и постоянной оседлости. В местах, богатых морским зверем и водяной дичью, на выдававшихся в море мысах, по островам и бухтам, обильным наносным деревом — плавником, густо разместились многочисленные поселки берингоморцев, от которых уцелели вырытые в земле основания жилищ и обвалившиеся ямы для запасов мяса.

Внутри полуподземных жилищ их хозяева проводили долгую полярную ночь. Женщины при скудном свете ламп-жирников готовили пищу и шили одежду. Мужчины в свободное от охоты время выделывали различные вещи, чинили охотничье вооружение и утварь. С утомительно длинной полярной ночью связано поразительное обилие художественных изделий, в которых нашла свое выражение живая фантазия и жажда деятельности сильных, ловких и находчивых охотников Арктики. В их художественных изделиях отразилось свойственное этим людям упорство, потому что вырезать скульптуру животного или сложный орнамент на твердом куске моржового клыка, а то и бивня мамонта простым каменным острием нелегко. Весь свой многовековой технический опыт обработки кости вложили древние берингоморцы в художественную резьбу.

Эти жители далекого Севера взрастили необычное по стилю богатое искусство, поднялись до наиболее высокого технического уровня, которого могло достигнуть человечество, пользуясь средствами каменного века. Их культура, веками существовавшая на побережье ледовитых морей, дошла до нашего времени в таком виде, что глубокие исследователи северных народов считали ее настоящим арктическим чудом. Выдающийся русский исследователь культуры сибирских племен В. Богораз писал: «Культура полярных племен вообще представляется своеобразной, я сказал бы, почти чудесной. Мелкие группы охотников, живущих на самой окраине вечного льда и вылавливающих ежедневную пищу гарпуном из холодного и бурного моря, сумели из китовых ребер и глыб снега создать свое теплое жилище, сделали кожаную лодку, лук из костяных пластинок, затейливый гарпун, сеть из расщепленных полосок китового уса, собачью упряжку, сани, подбитые костью, и разное другое. Многие из этих полярных изобретений проникли далеко на юг к племенам, обитающим в наиболее счастливых широтах, и даже позаимствованы европейцами... Художественная одаренность арктических народов, их вышивки, рисунки... значительно выше общего уровня племен, обитающих на юге, и могут выдержать сравнение с лучшими образцами» (этнографического искусства. — *А. О.*).

В эпоху палеолита, как известно, тундра и лесотундра простирались от Британских островов до Тихого океана. И соответственно в палеолите сложился такой же, как у современных эскимосов, уклад жизни оседлых охотников. С той лишь разницей, что эскимосы и оседлые чукчи имели основой своей оседлости добычу моржей, тюленей и китов, а древние мальтийцы — мамонта, носорога и северного оленя.

Каждый мамонт, особенно старый, взрослый, представлял собой, как и морж, гору мяса, а вдобавок жира и шерсти. Бивни его, как и клыки моржа в Арктике, служили превосходным материалом для орудий труда и оружия. Шкура могла с успехом покрывать

жилище. На этом экономическом базисе закономерно возвышалась одинаковая многоярусная надстройка. Это была сходная социальная организация оседлых общин с одинаковым руководящим положением женщины-матери, образ которой явно занимал центральное место также в верованиях и в искусстве.

Таково материалистическое решение загадочного сходства культуры палеолитического человека и нынешних эскимосов.

Что же касается сибирских находок — конкретно в Мальте и ее двойнике — Бурети, то дискуссия об их происхождении начата была основоположником марксистской науки о палеолите, нашего советского палеолитоведения, академиком П. Ефименко. Именно он своим опытным и изощренным глазом первый увидел в каменных изделиях из Мальты и Бурети нечто принципиально новое.

В находках И. Савенкова при раскопках на Афонтовой Горе в Красноярске или в материалах, собранных Б. Петри при раскопках на Верхоленской Горе в Иркутске, абсолютно преобладали массивные крупные орудия из расколотых речных галек. Это была более чем на 50 процентов выражение галечная индустрия. Здесь же, в Мальте и Бурети, преобладали мелкие орудия, сделанные из отщепов и пластин. И эти мелкие орудия поразительно близки к тому, что тот же Ефименко нашел при раскопках на Украине, на Черниговщине, в Мезине. Ему, тонкому знатоку мирового-Палеолита, человеку с колоссальной эрудицией, пришли в голову и более далекие западные аналогии, в первую очередь французские!

Кроме каменных орудий, также не сибирский, а чисто европейский облик имеют и замечательные художественные изделия Мальты и Бурети: в первую очередь женские фигурки, вырезанные кремневым резцом из бивня мамонта.

Конечно, в искусстве палеолитических охотников из Мальты и Бурети много своего, специфического. Например, таковы скульптуры летящих водоплавающих птиц, скорее всего гагар. Таких птиц нет ни в каком другом собрании предметов палеолитического искусства, они не публиковались ни одним исследователем как в Западной, так и в Восточной Европе. Таковы и одетые, а не обнаженные, как в европейских палеолитических местонахождениях, женские статуэтки.

Но ведь и в самой Европе, в том числе и в России, на разных памятниках явственно выступает специфический «почерк» древних скульпторов. На общей основе реалистического творчества мастеров ледниковой эпохи обнаруживаются свои, местные традиции, собственные школы. Что же удивительного, что такая школа со свойственными ей особенностями стиля существовала на берегах Ангары 20 тысяч лет назад, одновременно с мезинской на Украине или костенковской на Дону?

Как все-таки возникла культура Мальты и Бурети: в результате проникновения на восток группы палеолитических охотников? Или, напротив, она произошла на месте на основе влияния сходных природных и социальных условий? Конвергентным путем? Прав ли был П. Ефименко, проследившая тонкие, но явственные нити, которые ведут на Запад, на Дон и Днепр? Или же правы те, кто видит здесь конвергенцию? Так думает, например, крупный знаток палеолитического человека и его культуры О. Бадер. К тому же склоняется историограф палеолита Сибири В. Ларичев.

Попытно поэтому волнение, которое овладело специалистами, когда они увидели новые находки, притом именно там, где можно было скорее всего встретить своего рода временную остановку, передышку палеолитических путешественников, переселявшихся с Запада на Восток. Это произошло между нынешними Иркутском и Свердловском, в старом русском городе Ачинске,

Заслуга открытия Ачинской палеолитической стоянки целиком и полностью принадлежит энтузиасту-геологу Г. Авраменко.

«Стоянкой» это поселение ледниковой эпохи можно назвать только с оговоркой, условно в такой же мере, как поселения в Бурети и Мальте. Теперь и в Ачинске, если верить отчетам исследователей, обнаружены остатки чудом сохранившегося жилища,

такого же в плане, как в Бурети, в Мальте. Точно такого же по основному строительному принципу — из костей мамонта.

Это первая черта, сближающая культуры ачинских палеолитических строителей с тем, что характерно для Бурети и Мальты: поселки с прочными домами из костей вымерших животных ледниковой эпохи. Иначе говоря, тот же хорошо нам знакомый уклад жизни и домостроительства, который в такой же степени характерен для первобытной Ангары, как для палеолитического Дона или Украины.

Вторая черта: существование достаточно зрелого искусства, связанного с охотничьей магией. Среди прочих изделий в Ачинске уцелела уникальная вещь, несущая в себе представления о производительной силе природы, культе магии плодородия. Фигурка, вырезанная из бивня мамонта, явственно изображающая производительный орган зверя, того же мамонта. Отсюда следует, что на Ачинской стоянке разыгрывались хорошо известные нам по этнографическим материалам ритуальные обряды производительной магии. Наряженные не в комбинезоны, а в шкуры палеолитические охотники плясали, прыгали, лицедействовали. Зарождался своего рода театр, далекий предшественник настоящего театра.

Третья важная черта ачинских находок: вместе с крупными орудиями из галек в каменном инвентаре Ачинской стоянки оказались чисто «европейские» по облику изделия из узких и тонких ножевидных пластин. В точности как в Мальте и Бурети. Что всего важнее, были снабжены с боков специально сделанными выемками. Такие выемки характерны для пластин Мальты, а также для находок из европейских поселений ориньякского облика.

Снова Европа, Восточная и даже Западная!

Общий вывод из наличных данных, следовательно, таков: двадцать тысяч лет (дата Бурети — 21 тысяча лет) назад маленькими струйками, своего рода «атомами» палеолитического общества с запада через Урал проникли на Ангару охотники на мамонтов. Они сделали остановку на месте нынешнего Ачинска. Дошли до Томска, где убили и съели мамонта. Затем прочно осели в Бурети и Мальте, где построили свои поселки из костей мамонта и носорога.

Сходство находок в Мальте и Бурети настолько велико, что не остается сомнения в родственных отношениях обитателей этих поселков. Это были члены одной той же общины, оставившие после себя в наследство такое культурное богатство, которому цены нет. Быть может, они пришли сначала в Буреть. Оттуда ушли в Мальту. Об этом свидетельствует скудость находок в Бурети сравнительно с Мальтой: люди ушли оттуда, забрав свое имущество.

В Мальте же, вероятно, произошла трагедия. Мальтийцы могли стать жертвой нападения врагов или почили в результате эпидемии. Дальнейшая их судьба теряется во мгле тысячелетий. Во всяком случае, до несчастливых находок, которых придется ждать, быть может, десятки, если не сотни, лет.

ЗВЕРИ ЯРМЫ

Примерно десять тысяч лет назад былому единству природных условий на колоссальных пространствах Евразии приходит конец. Исчезают безграничные степи и тундры. Нет более на этих просторах и своеобразного животного мира во главе с шерстистыми носорогами и мамонтами. Одновременно складываются в Северной Азии два столь же огромных культурных и этнических мира, во всем контрастных, противоположных друг другу.

Это, с одной стороны, культуры Западной и Восточной Сибири. С другой, культуры нашего Дальнего Востока.

Конечно, у них была определенная общая основа — неолитическая культура. Лук и стрелы, шлифованные крупные орудия из камня, наконец, глиняная посуда, керамика, о

которых не имел понятия их предшественник, человек палеолитического вчера. Но во всем остальном эти культуры глубоко различны: в каждой из них существовали свой образ жизни, свои традиции, как в материальной, так и в духовной жизни. Каждой области соответствовали определенные этнические группы — племена, роды со своими собственными культурными традициями, языками. Наконец, искусством, в котором, естественно, наиболее полно выражалась духовная жизнь: мировоззрение, эстетические потребности, жажда красоты, радость творческих переживаний. Все это не чуждо было и палеолиту, как мы увидели в Бурети и Мальте, но новую силу и новые формы получило в дальнейшем, на новом этапе развития культуры народов Северной Азии, в неолите. Было бы неверно думать, что каждый такой большой блок культуры каменного века представлял собой нечто монолитное и нераздельное. Этот огромный блок состоял, в свою очередь, из множества сосуществующих малых частей, которые образовывали нередко в глазах исследователя калейдоскопическую картину. Тем более сложную, что мы судим о ней лишь по отрывочным сведениям уцелевших документов — памятников, по мертвым обломкам живых некогда культур.

Примером может служить периодизация неолита наиболее изученной области Сибири — Прибайкалья. В результате применения радиоуглеродного метода датировок археологических памятников, расширения известных науке фактов, в том числе антропологических, выявляется новая, чрезвычайно интересная и волнующая картина.

Мы строили с 40-х годов убедительную тогда однолинейную картину эволюции неолитической культуры. Археологи — исследователи байкальского неолита выделили исаковскую стадию, серовскую, китойскую, глазковскую. Но датировка одного из замечательных погребений китайского типа на острове Ольхоне, на священном Шаманском мысу Бурхан, и второго — серовского по типу — захоронения на том же мысу показала, что китоец появился здесь, быть может, раньше серовца по крайней мере на тысячу или пятьсот лет. И последние серовцы были чуть ли не современники первых глазковцев... Следовательно, приходится допускать и такую возможность: на одной и той же территории параллельно развивались разнокультурные неолитические общины.

Однако при всей сложности конкретных отношений всего важнее для истории противостояние больших культурных ареалов.

Огромный культурный ареал соответствует в географическом плане тайге, лесотундре Северной Азии — Западной и Восточной Сибири. В эпоху неолита здесь жили бродячие или полубродячие охотники на лося, косулю и благородного марала. Рыболовство имело подсобное значение и ни в коем случае не определяло образа жизни, не накладывало сколько-нибудь существенного отпечатка на их духовную и социальную культуру.

В силу условий их подвижной жизни у охотников не существовало сколько-нибудь прочных и крупных объединений более широких, чем родовые коллективы. Об этом свидетельствуют небольшие по размерам могильники и остатки поселений, где домашняя жизнь концентрировалась внутри отдельных легких жилищ типа чумов или крытых дерном шатров — холомо современных охотников и рыболовов.

Принципиально по-другому в неолите складывалась жизнь древних племен нашего Дальнего Востока. На Амуре и в соседних областях Приморья, где главным источником существования была добыча проходной морской рыбы, по берегам рек стояли прочные полу-подземные жилища, существовали настоящие поселки, своего рода деревни людей каменного века.

Сложность и прогрессивное направление развития неолитических общин на Дальнем Востоке находят свое выражение и в том, что здесь неожиданно рано и широко распространяется не присваивающее только, но и производящее хозяйство. В Приморье на юге обнаружены и следы неолитического земледелия, а вместе с ним и разведения животных, сначала свиньи, а вслед за ней и крупного рогатого скота и со временем даже лошади.

Нет необходимости подробно излагать все, что известно теперь о жизни и культуре людей неолита Сибири и Дальнего Востока. Лучше ознакомиться с их искусством на отдельных конкретных примерах. В памятниках искусства всего полнее и ярче, как сказано выше, отражено своеобразие духовной жизни исчезнувших племен.

Начнем с путешествия в глубь тысячелетий и в глубь Саянской тайги, по долине реки Уды.

В студеный зимний день третьего февраля маленькая группа в составе пяти человек: автора этой книги, А. Мазина — кандидата исторических наук, научных сотрудников А. Конопацкого, В. Молодина, фотографа В. Мыльников, партийного работника Нижнеудинского райкома КПСС В. Сенникова и двух шоферов вышла на двух «газиках» из гостеприимной гостиницы «Уда» вверх по реке с тем же названием. Наш путь лежал к знаменитым Ярминским порогам и еще более известной Нижнеудинской пещере, слава которой гремит в науке уже второе столетие.

Археология и зима да еще в Сибири? Мыслимо ли такое сочетание? И, однако («однако» — по-сибирски слово особое, полное различных значений, в том числе сибиряки применяют его, как известно, и для того, чтобы выразить удивление, эффект неожиданности), такая зимняя археологическая экспедиция на петроглифы по реке Уде при тридцати пяти градусах мороза да еще и при жестоком ветре состоялась. Состоялась потому, что раньше она была невозможна: дорога к цели летом исключалась бурными порогами. Зимой же река скована льдом, и нужно было спешить, пока лед прочен, не подтаял, не пошла по реке верховая вода, не вскрылись полыньи.

Позади остался Нижнеудинск, старинный русский город, в 1648 году выстроенный в удинских землях «братьев» — крайнего на запад форпоста бурятского племени. Их князья грозили в свое время не только мелким племенам — своим данникам, «кыштымам», в ангарской тайге, но и самим енисейским кыргызам, воинственные и властные князья которых, в свою очередь, держали в своих руках, под своим жестоким игом многих других князей. Таких, как, например, Татауш, по имени которого и до сих пор называется остров на Енисее у моста через эту реку в Красноярске.

Проехали без остановки большое, крепко скроенное старинное русское село Порог. А вместе с ним и бывшие бурятские улусы, ныне такие же крупные села, где проживают совсем по-русски в прочных хороших домах аборигены этого края — удинские буряты. Но говорят они по-бурятски, сохраняют свой чисто бурятский физический облик.

Ледяная дорога, по которой мы ехали, идет зимой вдоль русла реки Уды: частично по льду реки, частично по ее надлуговой террасе.

Долина реки узкая, сжатая с обеих сторон высокими утесами. Коренной берег обрывается к руслу реки Уды отвесно высотой около 200—300 метров над рекой. В обрыве выступают вертикально, как столбы, отдельные скалы. Самая эффектная скала Колокольня. Она появилась внезапно, вдруг в шестидесяти с лишком километрах вверх по реке Уде от Нижнеудинска, как будто обрубленная секирой эпического героя-богатыря. Даже не скала, а грандиозная дуга коренного берега, должно быть, некогда и на самом деле обрубленная единым богатырским взмахом, только не топора, а грозного сейсмического сдвига земной коры, землетрясения.

И дальше по реке начались одно за другим невообразимые в своей дикой величественной красоте места.

Даже самые прославленные места в Альпах, даже сам тысячи раз воспетый Сен-Готард побледнели бы перед этой красотой, перед так неожиданно вставшей на нашем пути Колокольней.

У ее подножия летом гремят седые пенные валы порога, а зимой громоздятся хрустальные торосы. Каких только нет здесь ледяных плит и глыб, поставленных на ребро, наваленных мощными валами в фантастическом беспорядке! То мрачно-синие при лунно-зловещем свете, то нежно-зеленые и голубые при полдневном солнце, то, наконец,

еще нежнее — розовые, чуть ли не малиновые ранним утром и на закате... И наконец, коварные, словно противотанковые рвы и надолбы.

А рядом уже виден на листовницах причудливый узор, сотканный инеем у зияющей прорвы-полыни, которая так и ждет свою жертву. Недаром же еще помнят на Уде недавнее происшествие, когда в незаметную проталину, в ледяную западню, припорошенную свежеснегавшим снегом, рухнул целый трактор, пробивавший дорогу вверх по реке, в страну народа тофов, в далекую загадочную Тофаларию!

Пожалуй, еще опаснее оказался другой враг. Передний «газик» вдруг, словно это был олень, споткнувшись и падающий на передние подогнутые ноги, забавно задрал свой зад. Забавно, но далеко не смешно! Подпочвенная влага, искавшая выход на волю, перекрыла скованную ледяным панцирем спокойную гладь. Затем замерзла. Образовалась тонкая ледяная корочка наледи, хрупкая и опасная. А под ней пустота. Под тяжестью машины корочка со стеклянным звоном рухнула.

Машина, отчаянно гудя, барахтаясь всеми четырьмя колесами, оказалась в мышеловке. И только смелый рывок шофера-виртуоза (разумеется, при помощи всех пассажиров) открыл дорогу на широкую спокойную гладь. Туда вывело только отчаяние и острое чутье водителя. Ведь еще одно неловкое, плохо рассчитанное движение, и мы вместе с нашими мечтами погрузились бы навеки в ледяную пучину... Рядом мерно и плавно дышала полынья!

Что же все-таки заставило отважиться на этот рискованный путь вдоль замерзшей горной реки, шум которой слышен и под ее ледяным покровом?

Еще в Нижнеудинске дошли до нас несколько сбивчивые рассказы о чуде и оригинале — сельском учителе. О единственном человеке, который может что-то сказать о петроглифах на Уде, даже имеет фотографии и рисунки, бывал в тамошних пещерах. При встрече уже после завершения зимнего пути по Уде учитель оказался обитателем самого обыкновенного села на древнем Московском тракте по дороге из Нижнеудинска в Иркутск — Худоелани. А покамест слышно было, что этот необыкновенный человек, променявший Порог даже не на город со всеми его удобствами, а на самую обыкновенную да еще «худую» Елань, с ее, кстати, неплохой школой-десятилеткой, одержим, заморожен любовью к красотам Уды, к ее грозной и нелюдимой природе, к ее высоким вершинам-гольцам, горным рекам и необозримой тайге.

Как стало видно сразу же, человек этот из тех, кто давно и навсегда охвачен чистой страстью к научным приключениям и открытиям, к поискам нового и волнующего в старых, казалось бы, хорошо знакомых местах и вещах, необычного в обычном и обыденном мире. Пусть таких людей не понимают даже близкие. Пусть их увлечения идут во вред жизненному благополучию, домашнему уюту и спокойствию. Но они сверкают как камень-самоцвет на фоне повседневных дел и забот своими «чуждачествами», своим непонятным для других и непрерывным беспокойством и душевным подъемом. И ничто уже не сможет свернуть их с этого пути. Таков был и этот человек с удивительной, такой же неожиданной, как он сам, фамилией — Пугачев!

С щедростью таежного бесхитростного охотника, и не просто охотника, а истинного испытателя природы, он, извинившись за неприбранную деревенскую квартиру, торопливо выложил на стол кучу дневников. Вытряхнул пожелтевшие от времени фотографии. Высыпал из карманов причудливые камни, напоминавшие диковинных шаманских божков, идольчиков с круглыми головками и пузатыми животиками. «Идольчики» оказались игрой природы, натеками вроде пещерных сталагмитов, естественное, нерукотворное происхождение которых ясно было и самому собирателю. «Возьмите, возьмите, пожалуйста, любого из них!» — говорил нам смущенный и радостный такой неожиданной встречей М. Пугачев. И хотя было как-то неловко, неудобно и даже стыдно брать столь любовно собранные на затерянном в медвежьей тайге озере сокровища, все же пришлось взять в наш музей парочку странных «идольчиков».

Сердце учителя было не просто на Уде, а в самом ее истоке, там, где она зарождалась: у подножия снежников и ледников, в заоблачном мире, куда почти не проникала нога исследователя. О ней, стране гор и голубых туманных далей, он может говорить часами.

Вместе с «идольчиками» лежали на столе фотографии, такие же самодельные карты пройденных им таежных троп. Не зная усталости и страха, один, без спутников и проводников, карабкался этот человек по скалистым обрывам. Шагал по моховищам и болотам, из которых вырывались прозрачные, как горный хрусталь, ручьи и речки, чтобы слиться затем в бурную горную красавицу Уду.

Красиво, особенно на фотографиях! Это факт. Но попробуйте только отважиться пойти вброд через этот жидкий, холодный как лед хрусталь по скользким и острым камням. И вы поймете, отчего так сладостны воспоминания о горных тропах по козым и медвежьим следам, как дорого само по себе чувство, что ты и на самом деле первопроходец, пионер в неизведанном мире. Таким далеком от сутолоки и толкотни повседневной жизни мире чистой природы, о котором нередко так остро и так безнадежно тоскует человек нашего века. Среди всех тетрадок и дневников, между фотографиями лежала и районная газета, на страницах которой шли друг за другом массивные фигуры лосей — петроглифы! Еще в прошлом году, узнав об удивительном учителе — первопроходце тайги, получив вырезку из газеты с этими лосиными фигурами, а затем услышав рассказ моего доброго знакомого филолога В. Рассадина, бывшего аспиранта нашего института, что на Уде есть таинственные скалы с рисунками древних людей, которые доступны только зимой, был командирован в Нижнеудинск таежный зверолов-медвежатник, а вместе с тем кандидат исторических наук А. Мазин. Ему задано было проверить сведения о рисунках на скалах по реке Уде. Разузнать, впрямь ли они доступны только в зимнее время. И по возможности сделать копии с этих рисунков. Мазин, как и ожидалось, выполнил свою задачу, добрался до петроглифов и сделал с них кальки. И вот первой нашей целью теперь были эти рисунки. Как оказалось, расположенные в семидесяти с лишним километрах выше Нижнеудинска, в той самой потрясающе красивой, причудливой долине Уды, по которой теперь мчались, оставляя позади снежную пыль, наши «газики». Мчались к Ярминским порогам, находящимся около устья маленькой речки, точнее, ручья Ярмы. Наскальные рисунки находятся по правому берегу реки Уды на невысокой скале, сложенной плотными траппами — изверженными породами. Траппы расщеплены трещинами на вертикальные, сравнительно широкие плоскости. Высота скалы с этими плоскостями около 4—6 метров над уровнем реки. У подножия скалы лежат свалившиеся глыбы траппа, частично сглаженные и скатанные.

Цвет плоскостей скалы варьирует от светло-желтого, порой оранжевого, до темно-коричневого. Во многих местах виден темный скальный загар и еще более темные полосы с блеском металлического оттенка. Этот густой «загар» характерен для базальта. На скальной поверхности выступают также красные пятна различной интенсивности и разного размера. Пятна эти, несомненно, естественные по происхождению. Может быть, пятна как раз и способствовали тому, что скала эта привлекла внимание древнего человека, подсказала сюжеты древним художникам.

Рисунки располагаются группами на широких плоскостях. Есть и отдельные изображения. Основная масса рисунков изображает животных — лосей. Все рисунки выполнены в одной технике: выбиты мелкой точечной ретушью, образующей узкие желобки. Как правило, ширина желобков около 1—1,5 миллиметра.

Цвет выбитой поверхности почти неотличим от цвета самой скалы и лишь на некоторых ярминских рисунках чуть светлее. Это явное свидетельство глубокой древности: как правило, археологи полагают, что чем темнее рисунок, чем глубже на скале такая патина, тем наскальные изображения старше.

Есть на скале также загадочные шлифованные лунки. Они небольшие. Углублены лунки по отношению к скальной поверхности на 2—3 миллиметра. Поверхность их в

отличие от ноздреватой скальной плоскости, характерной для базальта, гладкая, лоснящаяся, даже со специфическим жирным блеском. Лунки эти, бесспорно, вышлифованы человеком намеренно. Вероятно, они образовались в процессе заточки лезвий каменных шлифованных орудий. Точно такие же, но более крупные лунки, круглые и овальные, наблюдались нами на скалах с петроглифами Братской Кады на реке Оке, а также в Сакачи-Аляне на Амуре. И тоже на базальте, лишь с той разницей, что здесь (на Ярме), как и на скалах Братской Кады, лунки вышлифованы на отвесных скалах, а в Сакачи-Аляне на базальтовых глыбах, на валунах.

Очень вероятно, что такие глубоко и сильно вышлифованные углубления не представляют собой результат художественной по смыслу и назначению работы, но тем не менее связаны с рисунками не только по своему месту на скале.

Возможно, что они остались свидетелями ритуального затачивания лезвий каменных топоров и тесел: скала была священной. Священной по характеру была и заточка каменных орудий. Духи, властители скалы, должны были придавать боевому топору особую силу, как у легендарных мечей-кладенцов русских сказок!

Каждый, кто работал с наскальными рисунками, знает, как нелегко иногда распознать подлинные контуры древних изображений, как много зависит и от субъективного их восприятия, от индивидуального подхода, от игры солнечного света. И конечно же, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Сколько раз, снова и снова посещая писанные скалы Сибири, убеждаешься в справедливости этой старой поговорки! И каждый раз по-новому читаешь свои старые, давно известные рисунки. Так и на этот раз.

Некоторые рисунки были уточнены. Рядом с другими оказались новые, не столь отчетливо выбитые, сглаженные временем, такие, которые не заметили ни Пугачев, ни Мазин при первых разведках.

Главная цель достигнута: увидели рисунки Ярминского порога. Вот уже показался издали контрастно-темный на белом снегу скалистый невысокий обрыв. На нем еще заметен первый обведенный Мазиным, а до него Пугачевым рисунок, изображающий оленя, точнее лося. Вероятно, самку или молодого зверя. Так легко и грациозно очерчено его тело, так легко и вольно шагает он по своей скале!

Каждый, кто выслеживал древние наскальные рисунки, неделями гнался, подобно первобытному охотнику, за этими рисунками-лосями, поймет волнение и радость встречи с оживленной некогда рукою предков скалой.

Вспоминаю дискуссию при защите докторской диссертации одного печальной памяти «искусствоведа-философа», который пытался «доказать», что все первобытное пещерное искусство выдуманно, фальсифицировано злыми «аббатами». Тогда поднялся знаменитый наш художник-анималист В. Ватагин и сказал, что завидует художникам палеолита, учится у них жизнерадостному мастерству реалистической передачи звериного мира далекой ледниковой эпохи.

За первым зверем последовала целая группа таких же изображений на соседней ярминской скале. За ними вторая, еще более многочисленная, но столь же древняя и даже, может быть, более древняя. Об этом свидетельствовала сама поверхность древних изображений. Рисунки наскальных фигур в некоторых случаях сохранились столь неясно, были так сглажены временем, что только при боковом свете, позволившем отчетливо выявить все мельчайшие неровности скалы, выступили контурные желобки, которыми обозначены очертания звериных фигур — тех же лосей.

А над всем этим множеством рисунков великолепно выступала самая крупная и наиболее отчетливо выбитая фигура красавца лося. У него тщательно обозначена не только большая голова, не только раскрытая пасть, но и чудно очерченная нижняя губа. Разумеется, верхняя губа тоже.

Так с первого взгляда стало очевидно, что вся серия лосиных фигур была произведением не одного какого-то мастера первобытной эпохи, что к этой скале

поколение за поколением, род за родом приходили древние охотники и оставляли на ней знаки своего пребывания, свои рисунки.

Это еще нагляднее, еще полнее представлено на соседней большой композиции с лосиными фигурами. Перед нами снова лоси. По-прежнему лоси. И только они одни. Но какие разные! Как своеобразно понимали свою задачу древние мастера разного времени, работавшие на этой плоскости. Один рисунок явно наслаивался на другой, контуры одного зверя самым неожиданным, но счастливым для исследователя образом пересекали другую фигуру.

Первая и вполне законная мысль, возникавшая при взгляде на эту композицию, была мысль о палимпсестах, о пергаментных рукописях, исписанных руками средневековых писцов, которые счищали античные тексты, стихи Сафо, гекзаметры Гомера, чтобы изложить собственные трактаты.

Древние мастера петроглифов поступали еще проще. Они выбивали свои рисунки прямо на древних фигурах, а иногда «улучшали», «реставрировали» их на свой манер, дополняли своими деталями или вписывали в готовые контуры. Так получилось, например, с удивительными рисунками на Ушканьих островах в Долгом пороге на Ангаре. Там из носорогов получились... лоси!

И здесь видно почти то же самое. Одна лосиная фигура, более крупная, пересекает вторую, меньшего размера. При этом нижний лось оформлен реалистически, с живым и чистым чувством реальности. Второй же, верхний, зверь схематичен. Над ним работал, пользуясь опять-таки языком нашего времени, своего рода абстракционист или формалист.

Еще более удивительное существо получилось на той же плоскости, где, по-видимому, в контуры более ранней фигуры вписана была другая, изготовленная по формалистическим нормам, как и на первом рисунке: не сразу можно понять, где голова зверя, где зад!

Конечно, непросто разобраться в разновременных наслоениях. Мастера петроглифов не стремились закрепить авторство подписью, да и не имели такой возможности. Время письменной истории еще не наступило для них, да и для их потомков. Тем не менее, сравнивая одни рисунки с другими, ангарские с ленскими, удинские с забайкальскими, можно обнаружить своего рода ариаднину нить в пестром калейдоскопе стилистических манер и трактовок одного и того же сюжета — лося.

Теперь известно, что было время подлинно великого реалистического искусства лесных охотников Сибири. Время расцвета неолитической культуры каменного века, когда целые скалы, подобно Ярминской, покрылись художественно выполненными изображениями таежного владыки — сохатого, соперника медведя за власть над тайгой.

Но медведь появляется на скальных плоскостях таких картинных галерей крайне редко. Лось же абсолютно господствует, его фигур здесь буквально не счесть. Это объясняется реальным значением лося в жизни, в экономике, а соответственно и в духовной культуре, в мировоззрении, в верованиях и культе лесных племен.

Во всех случаях, где на скалах Восточной Сибири появляются лоси, во все времена смысл этих рисунков остается одинаковым.

Озабоченные завтрашним днем, судьбами своей родовой общины, жители тайги устраивали ежегодные весенние торжества с целью возрождения зверей и умножения охотничьей добычи. Иначе, по их понятиям, грозила беда, голодная смерть. Такова была экономическая теория каменного века.

Лесные охотники видели в лосе не только источник пищи, но нечто несравненно большее. Мифический зверь лось был в их глазах самой вселенной. Как это ни удивительно для современного человека, вселенная мыслилась как живое существо, как лосиха. Все три мира вселенной: небо, средний мир — наша земля, воображаемая подземная страна мертвых — преисподняя, представлялись в образе лося.

Новым тому свидетельством служат замечательные фигуры лосей на Ярминском пороге.

Лось и на протяжении последующих тысячелетий, во II и I тысячелетии до нашей эры, иначе говоря, в раннем и позднем бронзовом веке Восточной, а также Западной Сибири оставался, правда, уже не единственной, но все-таки заглавной фигурой. Только со временем рядом с ним выступил человек-дух, хранитель зверей и хозяин тайги. Одновременно появилась, с течением времени все более усиливаясь, новая художественная тенденция к схематизации образа лося. Так и получились, очевидно, загадочные палимпсесты Ярминской скалы.

Для размышлений о датировке скальной летописи у нас времени, однако, уже не оставалось, солнце скрылось за высокой скалой противоположного берега, да и пронизывающий ветер рвал наши кальки с все большей силой.

«Газики» повернули обратно, к гостеприимному обширному зимовью второго после медведей хранителя таежного царства — дяде Косте. Там нас вместе с ним ждали три забавных пушистых комочка-щенка, две взрослые собаки лайки и три кошки — единственные постоянные жители поселка, носившего название Плиты.

Утром через овраги, подъемы и спуски, сквозь бурелом и заросли началось восхождение на скалы, у подножия которых спустя два часа мы увидели два широких отверстия. То были входы в две соединенные когда-то лазом пещеры. В Нижнеудинские пещеры, вернее, в одну и ту же Нижнеудинскую пещеру. Знаменитую уже тем, что в ней еще сто лет назад производил раскопки выдающийся исследователь геологии Сибири И. Черский. Тот самый Черский, что исследовал в 1871 году первое палеолитическое поселение в городе Иркутске, у бывшего военного госпиталя.

Черскому посчастливилось. Он нашел в пещере не только кости ископаемых животных, современников палеолитического человека, но и обрывки шкуры волосатого носорога! Еще более повезло палеонтологам, заложившим в пещере новые шурфы много лет спустя, уже в советское время. В ней была сделана уникальнейшая находка: даже не кости, не шкура носорога, а нечто совсем поразительное.

У известного археолога и антрополога М. Герасимова хранился в Москве единственный, поистине удивительный экспонат из этой пещеры — деревянный гарпун с вставленными в него зубцами из колючек терновника (боярышника). Такого предмета не держал в руках ни один археолог мира.

Но нашу экспедицию привлекли в пещеру сообщения о неизвестном еще науке рисунке, выполненном красной краской. Можно представить, насколько интересной могла быть эта находка, ибо такие пещерные «картины» древних обнаружены у нас только к западу от Урала, в Каповой пещере.

В пещере Хойт-Цэнкер-Агуй (в переводе «Пещера прозрачной речки») в Монголии также сохранилась серия прекрасных рисунков первобытных народов, в том числе и изображения слонов. Этим находкам посвящена монография, выпущенная три года назад в Новосибирске, «Центральноазиатский очаг первобытного искусства».

И вот в погоне за рисунком «бегущего оленя» при мерцающем свете фонарика и факела по узкому наклонному входу опускаемся в глубь пещеры, в самое ее чрево. Когда мы пробирались по нему, невольно вспоминались могилы египетских фараонов в «Долине царей» с такими же наклонными шахтами. И так же неожиданно внизу открылся огромный, поистине грандиозный купольный зал. Зал, масштабам которого мог бы позавидовать и сам Хеопс, строитель высочайшей из пирамид, не говоря уж о Тутанхамоне с его тесной погребальной камерой.

Зал, казалось, самой природой приспособленный для торжественных церемоний целого исчезнувшего народа. На потолке виднелись местами темные натеки, похожие на искусственно выполненные фигуры. Но то, что мы искали, должно было находиться, как и полагалось по правилам искусства палеолита, дальше и глубже в недрах горы, за еще более узким и тесным коридором, вернее лазом.

Лаз этот открыл (как ни удивительно, после Черского и Герасимова) некий адыгеец, ловкий и бесстрашный горец, имя которого так и пропало в неизвестности. Он привел туда нашего спутника В. Сенникова. А затем показал ему при свете факела рисунок оленя, прыгающего по потолку сравнительно небольшой потаенной пещеры-камеры, которой заканчивался этот лаз.

В. Сенников еще в Нижнеудинске по памяти совершенно точно изобразил не только план всей пещеры и лаза, но и то, как выглядел сам рисунок на стене потаенной камеры. Олень, судя по его рисунку, изображен в «летучем галопе» с экспрессией, напоминающей лучшие рисунки палеолитических художников мира.

Однако теперь лаз оказался полностью заваленным скальными россыпями и огромными глыбами. Очевидно, в шестидесятых годах или около того произошло гигантское землетрясение. Рухнули целые скалы с потолка пещеры. Завалило и лаз.

Остается, следовательно, одна возможность. Попробовать расчистить заваленный известняковыми глыбами ход в камеру тайн, может быть, при помощи современной взрывной техники, при содействии Института горного дела в Новосибирске или Института гидродинамики. Тогда пещера выдаст свои сокровища. Пусть даже это один-единственный рисунок, но, если он существует, первый в пещерах всей Северной Азии.

Расставаясь с дядей Костей, с его щенками и кошками, мы вспомнили и другую тайну этого замечательного района, тоже не раскрытую еще историю древнего народа тофов, которых прежде называли карагасами. Небольшого народа — всего 400 человек, о котором уже около двухсот лет спорят ученые, стремясь узнать его происхождение и место в прошлом сибирских народов. Тофы и сейчас сохранили свой древний образ жизни, занимаются охотой и оленеводством. И с ними связаны многие культурно-исторические проблемы. В том числе такие, как происхождение оленеводства, уже десятки лет занимающие ученых многих стран и в первую очередь советских этнографов. Всего же интереснее сам народ. Имя его звучит в древних письменных памятниках Сибири, где речь идет и о народности туба, или дубо.

Как полагают ученые, предки тофаларов были частью древнего населения Сибири, которое входит в группу палеоазиатов, так называемую древнеазиатскую.

И совсем недавно в докладе молодого лингвиста-полиглота, великолепного знатока если не всех, то большинства языков Сибири В. Рассадина были высказаны принципиально новые взгляды на историю языка, а следовательно, и самого народа тофов. Рассадин выступил в Новосибирске с докладом «Этапы истории тофаларов по языковым данным». В докладе он привел свидетельства о том, что тюркским этот язык стал не в какое-то недавнее время, а еще в VI—VII веке нашей эры! Ранее же, по его догадке, предки тофов говорили на языке, близком к языку палеоазиатов, кетов. Потом даже в своей суровой горной стране тофы испытали влияния древних уйгуров, енисейских кыргызов — создателей государства, существовавшего уже две тысячи лет тому назад. Потом монголов, может быть, даже и до создания мировой империи чингисидов. Потом бурятских князев. Наконец, тофы встретились на Уде и с русскими.

В свою очередь, языковед-новатор из Новосибирска В. Наделяев с помощью своего фонетического метода проник в самую глубь языка тофов. Не только в VI век, но и вплоть до искомого всеми учеными-тюркологами праязыка тюркских народов. И опять-таки нашел его следы именно при помощи маленького племени тофов! Таковы эти люди, так богата отзвуками прошлого их таежная земля — страна пахучего багульника, что, как пламя пожаров алеет по склонам их голубых гор, край прозрачных звонких рек.

Расставаясь с Удой, мы не могли, впрочем, не заметить, что она не так уж забыта людьми.

В летнее время в прославленной пещере и на берегах Уды бывает не по одной сотне людей за сезон. Это понятно и хорошо. Но плохо, что многие из них оставляют после себя на лужайках среди вековой тайги, помнящей Черского и других первопроходцев, не только консервные банки, отвратительно грязные пластиковые

мешочки и разный другой мусор современной цивилизации, вроде битых бутылок. Даже внутри пещеры-храма древности видны глубоко врезанные, широко размалеванные памятные надписи, росписи вандалов XX века.

Есть и другие следы деятельности недавних посетителей уникальной пещеры, от которых цивилизованного человека охватывает ужас и негодование. Зимой, перед самым нашим приездом, пользуясь двумя выходными и праздничными днями, отпуском, появились на Уде некие «геологи» из Братска и Иркутска. После них остались на полу, пещеры груды, именно груды варварски расщепленных геологическими молотками не только сталактитов (они уже давно расхищены «любителями природы»), но и кусков сталагмитовой корки со стен, даже с потолка пещеры. Оказывается, из них научились делать разные «сувениры», вплоть до пепельниц и прочего ширпотреба.

И хотя ослепительно сверкал снег, безоблачно сияло солнце, все еще, можно сказать, по-бетховенски мажорно звучала симфония тайги, стало сразу как-то темно и тоскливо на душе. Сжалось сердце тревогой за завтрашний день, за тех, кто придет сюда, на затоптанный луг с пахучим багульником. Ведь сколько зла принесли уже нам эти «дикие» и даже в какой-то мере охваченные туристскими мероприятиями «любители» девственной природы, тем более браконьеры, охотники и за беззащитным зверьем, и за сталактитами.

Как хорошо, быть может, что до наших петроглифов не столь уж легко добраться, что их нелегко обнаружить в хаосе скал. Но что стоит какому-нибудь случайному прохожему «увекочить» свое имя глубокой выбитой надписью даже не рядом, а поперек чудесного лося каменного века? Такое мы много раз видели на самых знаменитых писаницах Сибири. Видели, но бессильны схватить дикаря XX века за руку...

СОЛНЕЧНЫЙ ИДОЛ В АКАДЕМГОРОДКЕ

На протяжении сотен тысячелетий на экране сибирской истории шли события каменного века, как мы видели, далеко не простые. Появлялись и исчезали культуры, тоже далеко не примитивные. Чем дальше двигалось время, быстрее, стремительнее мчалось оно вперед, тем сильнее, разумеется, нарастало новое в жизни и культуре, еще более они усложнялись.

Со временем сначала в степях, а затем в тайге Северной Азии распространился металл. Началась новая индустриальная эра, эпоха бронзы, а затем и время, когда появилось и стало основой производства железо. Распространение металла повлекло за собой коренной перелом, привело к возникновению в степях Южной Сибири нового, более прогрессивного хозяйственного уклада — к разведению скота.

По всему огромному пространству Евразии вместе с металлом, единообразными формами металлических предметов вооружения — кельтами, кинжалами, орудиями труда, украшениями и утварью, например, котлами скифского типа, удилами и псалиями, распространяются также кони и колесницы.

Складываются и новые социальные структуры. Уже на рубеже II и III тысячелетия до нашей эры возникают первые скотоводческие общества в великом степном поясе Евразии.

История не знает эпохи матриархата как всеобщего и обязательного правления женщин. Но существовало реальное равенство возможностей для мужчин и женщин, основанное на примитивном равенстве в производстве, отсутствии прибавочного продукта и естественном разделении труда внутри первобытной общины. История знает общество с групповым браком и вытекающим из него материнским правом.

Теперь наступает время общественного неравенства, основанного на более прогрессивной экономике общества скотоводов, возникает отцовское право и реальная власть мужчин, о чем так ясно писали и Ф. Энгельс и Г. Морган. А вместе с тем и первая форма классовой структуры — рабовладение. Характерная черта этого времени —

разрушение былой замкнутости древних общин, занимавшихся охотой, рыболовством и земледелием.

Происходит небывалое прежде по масштабам взаимодействие культур. Идет широкий синтез разнородных по происхождению и характеру культурных элементов. Поскольку месторождения меди и олова расположены в определенных местах, например на Алтае или за Байкалом, древние металлурги и литейщики должны были входить в различные контакты друг с другом, чтобы получить необходимое для своей работы рудное сырье. Одновременно распространялось и многое другое: художественные образы и стилевые черты искусства. Как завершение и наиболее яркое выражение всего этого процесса рождается наконец одно из самых ярких явлений в истории культуры древности — степной «скифо-сибирский» звериный стиль. В нем контрастно сочетаются два противоположных качества: реалистически точная передача тех или иных признаков формы животного и необычная их стилизация. Наблюдается смелое сочетание обыденного и фантастического. Произведения этого стиля отмечены динамизмом, наполнены борьбой и страстью. В них нет и следа ясного спокойствия, той былой уравновешенности, которая наполняет бесчисленные композиции неолитического времени на скалах и в тайге.

По мере накопления документального материала о ранних культурах эпохи металла в Сибири, прежде всего в богатой памятниками археологии Минусинской котловине, на Среднем Енисее, у Абакана и Минусинска, все острее становилась потребность разобраться в сложной мозаике фактов.

Это стремление выразилось уже в первых попытках классификации древних могильных памятников, предпринятых в XVIII веке академиками Г. Миллером и И. Гмелиным. Она была составлена по расспросным сведениям «бугровщика» — вольного старателя, искавшего золото в курганах на Енисее и Селенге, который так и носил прозвище Селенга. Как ни удивительно, но именно грабитель курганов Селенга положил своими весьма толковыми рассказами и опытом начало первой классификации древностей Южной Сибири.

Решающий сдвиг в этой области произошел лишь в 20—30-х годах нашего века, когда выдающимся сибирским археологом С. Теплоуховым была выявлена классическая картина смены культурно-исторических этапов в степной Минусинской котловине.

От медно-каменной культуры афанасьевских племен — первых скотоводов и земледельцев Сибири — развитие идет к культурам «средней бронзы» — карасукцам. От них к тагарцам, строителям громадных, нередко монументальных курганов.

Тагарцы уже обладали превосходным железным оружием. Они были современниками скифов и, нужно думать, говорили на восточноиранском языке. Об этом свидетельствует название одной из великих рек Северной Азии, на которой ныне стоит полуторамиллионный город Новосибирск. Это Обь, ее название означает у таджиков «воду».

Но время шло, и многое изменилось. Старая картина смены древних культур Сибири, нарисованная Теплоуховым, наполнилась новым содержанием, а вместе с тем и новыми загадками. Особенно много сделал в этой области продолжатель дела Теплоухова и его сотрудник профессор М. Грязнов. Невозможно рассказать в этой книге обо всем, что накопилось в сибирской археологии с 20-х годов. Оно, это новое, не вместились и в пятитомную «Историю Сибири». Но все же можно привести два примера новых открытий, новых загадок, существенно меняющих сложившиеся представления.

1970 год подарил археологам Сибирского отделения Академии наук, музею истории и культуры народов Северной Азии при Институте истории, филологии и философии подлинную сенсацию, удивительную и неожиданную находку. Она замечательна прежде всего тем, что обнаружена на территории Новосибирского академгородка. Первая археологическая находка в самом Академгородке, находка уникальная!

Чтобы оценить ее, вернемся к началу сибирской археологии, в первую половину XVIII века, когда б1 продолжалось первоначальное освоение Сибири, изучение богатств ее древних культур, когда на смену вольным старателям-бугровщикам, грабившим сокровища скифских вождей, пришли ученые, историки и археологи.

Почти два с половиной века тому назад Д. Мессершмидт, естествоиспытатель и смелый путешественник, посланный в Сибирь Петром Первым изучать неведомые растения, минералы и земли, собирать антиквитеты куриозитеты для знаменитой Петербургской кунсткамеры, остановился в широкой Минусинской долине. Перед его изумленными глазами из дикой, нетронутой человеком земли выросла каменная стела, вытесанная из огромной глыбы гранита. Она была каким-то чудом перетащена сюда в далекие первобытные времена от синевшей вдали горной гряды в эти просторные степи, поросшие ковылем и горькой полынью.

На столбе четко и явственно проступали неведомые письмена. Не латинские, не греческие, но чем-то напоминавшие руны, волшебные магические знаки, выбитые на каменных глыбах у высоких могильных курганов варяжских конунгов языческой Скандинавии.

На том же столбе из-под загадочных надписей, оставленных неизвестным народом, явно достигшим высокой ступени культуры, выступали какие-то личины, похожие на человеческие, но вместе с тем снабженные звериными деталями. У них были видны развилстые рога, похожие на олени или на бычьи, острые, как у волка, уши и три глаза. И еще были удивительные волнистые полосы, изображающие змей или каких-то странных червей-многоножек.

Эти стелы с удивительными рисунками на них, загадочные надписи и вдохновили аббата Балли на дерзкую идею об атлантах-сибиряках, об Атлантиде в степях Южной Сибири.

Тайна древних надписей Енисея была разгадана гениальным филологом В. Томсеном и одним из величайших тюркологов — академиком В. Радловым, повторившими открытие Ф. Шамполиона. Они установили, что надписи оставлены древними тюркскими племенами Южной Сибири и Монголии, создавшими во второй половине первого тысячелетия до нашей эры грандиозную, но недолговечную кочевую империю.

Однако понадобилось еще несколько десятков лет, прежде чем удалось раскрыть происхождение загадочных древних изваяний, на которых тюрки высекли свои надписи-эпитафии.

Древние тюрки — енисейские кыргызы — не имели никакого отношения к создателям этих стел, как не были их творцами и тагарцы. Тюрки Среднего Енисея пользовались готовыми каменными столбами, чтобы походя, мимоходом высекать на них свои руны, эпитафии в память и честь павших героев. Не были создателями минусинских стел и предшественники монголоидных тюрков европеиды, рыжеволосые и голубоглазые иранцы татарской культуры.

Лишь совсем недавно, несколько лет назад, археологи почувствовали такое же волнение, какое некогда испытывал Мессершмидт. Перед их глазами открылась целая цивилизация со столь же высоким, своеобразным, а вместе с тем древним искусством, существовавшая где-то в начале второго тысячелетия до нашей эры, то есть по крайней мере четыре тысячи лет назад! А может быть, и раньше. Она получила наименование окуневской культуры по могильнику вблизи Окунева улуса на Енисее, в Минусинской степи.

Окуневскую культуру характеризовали прежде всего удивительные антропоморфные изображения-личины и причудливые мифические звери. Появление этого странного и поразительного художественного мира существенно изменило старую, классическую картину эволюции культур средней и ранней бронзы на Енисее. Оказалось, что карасукские стелы со скульптурными изображениями быкоголовых божеств вовсе не

карасукские, а старше их по крайней мере на 500, если не на 1000 лет. Так был развезен грандиозный мираж происхождения карасукской культуры с «Востока».

Именно они, окуневцы, люди ранней бронзы, воздвигали в минусинских степях свои удивительные стелы с изображениями личин, наполовину человеческих, наполовину звериных.

Окуневские изваяния непохожи друг на друга, но у них есть и одна общая черта: все это большие, нередко огромные стелы, издали видные на просторах степей. И лишь одно такое изваяние можно бы считать миниатюрным, почти карманным. Его длина около полуметра. Хакасы называли его А. Липскому «ребенком каменной старухи».

И вот второе такое портативное изваяние найдено в Академгородке — второе в Сибири и второе в мире. Как и само по себе изваяние, необычна история его появления. При работе на строительстве здания бульдозер вывернул длинный камень, похожий на сигару. Камень подобрал старшина, по своей должности человек хозяйственный, и приспособил в качестве гнета на кадку с кислой капустой. О находке узнали любознательные курсанты и тайком от старшины «увели» к себе. Их заинтересовали старинные узоры на камне.

С тяжелым камнем на плечах жарким июльским днем через весь городок пришел к В. Запорожской курсант А. Конопацкий. Это была вторая его замечательная находка. Первую уникальную бронзовую статуэтку бохайского чиновника он принес археологам института, когда шел его первый год обучения в училище. Ее нашли воспитанники военного училища, когда копали картошку вблизи Уссурийска. Вторая, о которой здесь идет речь, новосибирская, оказалась еще древнее, еще уникальнее.

Она двойник минусинского изваяния, но богаче по узору и необычнее по форме. Если смотреть на изваяние спереди, в лоб, видна морда рыбы с четко выраженным ртом и большими круглыми глазами, с длинным туловищем, похожим на туловище сома.

Однако древнему скульптору бронзового века мало было рыбы. На ее спине он изобразил личину с такими же, как на гигантских стелах из Минусы, тремя большими круглыми глазами и кривым бычьим рогом над ними. Вторая личина, размером поменьше, выбита у хвоста каменной рыбы. Так же тщательно и столь же тонко украшены волнистыми линиями узкие ребра скульптуры.

На широкой нижней поверхности, на уплощенном «брюшке» каменной рыбины, один за другим располагаются три глубоко врезанных, правильных по очертаниям круга. Каждый круг пересечен крестом — символом космоса, знаком четырех сторон света. Это солнечные космические круги, признак солнечной природы божества — рыбы. Там же еще более глубоким и широким желобом выбита другая фигура, на этот раз явно змея. Может быть, злая, может быть, добрая, она свернута восьмеркой и заканчивается большой острой головой, типично гадючьей.

В завершение всей композиции около трех солнц тонкими, хотя и достаточно отчетливыми линиями вырезана миниатюрная фигурка оленя с ветвистыми рогами, скорее всего благородного оленя, марала.

Олень, и притом именно такой — благородный — был тотемом древних обитателей степной Евразии, начиная от Ордоса и скалистых нагорий Тибета на востоке и кончая Причерноморьем, долинами Днепра и Дуная. Всюду, где кочевали скифы, где оставляли они свои высокие сопки-курганы, встречается и солнечный олень, светлое зооморфное божество, золотые рога которого, по скифскому поверью, освещают землю днем, приносят людям радость и счастье. На стеле есть также волнистые линии, возможно, олицетворяющие воду.

Одним словом, окуневская стела из Академгородка несет на себе двойную космическую нагрузку. В ней виден скульптурный образ живой зооморфной вселенной, как рисовалась она нашим далеким предкам. Рыба — обитатель вод и змея — житель преисподней олицетворяли в их сознании «нижний мир», преисподнюю, страну мертвых. Солнечные круги и мифический тотемный олень — «верхний мир», небесную стихию.

Изображения на стеле, которую можно назвать по месту ее находки «академической», вызывают в памяти неожиданно далекие и соблазнительные яркие аналогии.

В свое время выдающийся исследователь древнейших культур Кавказа и в особенности первобытной религии кавказских племен академик Н. Марр опубликовал изображения загадочных, гигантских по размерам изваяний, которые встречались в пустынных нагорьях Армении вблизи источников и около пастбищ, где веками пасли свой скот кочевники. Вишапы Кавказа имели, как показал Марр, рыбы головы и туловища совсем как у нашей «академической» стелы. И точно так же образ рыбы на них дополнен изображениями водных струй и бычьих рогов — символами «нижнего мира» в первобытном эпосе кавказских народов. На вишапах есть знаки солнечного характера, в том числе кресты, птицы весны и плодородия — аисты.

Как полагают исследователи, вишапы были высечены людьми бронзового века, то есть принадлежат той же большой культурно-исторической эпохе, что и каменные идолы окуневской культуры.

Есть и другие аналогии. На этот раз далеко на юго-западе от Оби и Новосибирска. Это многочисленные «оленные камни» Тувы, Монголия и степного Забайкалья, о которых в связи с вишапами писал ученик Н. Марра академик И. Мещанинов.

Так из тьмы времен встают контуры великого культурного синтеза, возникшего вместе с кочевым бытом первых номадов (кочевников) в те времена, когда Кавказ служил им мостом между Азией и Европой.

Самое выразительное свидетельство этому — замечательная находка в Академгородке, в которой солнечные круги и личины окуневской культуры так неожиданно сочетаются с образами кавказской рыбы-вишапа и скифского оленя.

Не отсюда ли, не с берегов ли Оби, двинулись в свои дальние походы на восток и запад новые поклонники ;: солнечной рыбы-божества?

Если «солнечный идол» Академгородка ведет исследователей прошлого Северной Азии с юга Сибири ещё дальше на запад и на юг, то не менее интересны перспективы, которые в том же бронзовом веке и в то же время — в II—III тысячелетии до нашей эры открываются отсюда, с берегов Оби и Томи, на север и на восток Северной Азии. Последнее десятилетие вызвало новые идеи, новые мысли о процессах, которые происходили в лесных областях: сибирской тайге, в Приуралье и в европейской части России.

Здесь, в лесах, лишь изредка встречаются отдельные бронзовые предметы, явно доставленные из степных металлургических центров: карасукские по типам меч и кинжалы, такие же литые бронзовые втульчатые топоры-кельты, наконец, типичные скифские котлы. Керамика же совершенно иная. В корне отличны от окуневских или татарских памятники наскального искусства

Внимательно взглядываясь в многочисленные, но характерные бронзовые изделия из тайги, а также изображения, например, обнаруженные на скалах Саган-Зас в районе Байкала, можно наблюдать интереснейший факт.

Бронзовые топоры-кельты в тайге имеют не собственно карасукский облик, а ближе всего к найденным на Урале и в Поволжье, связанным с лесными культурами бронзового века. Культуры эти получили у В. Городцова по первым находкам наименование сейминских, а позже сейминско-турбинских (по могильнику у деревни Турбиной на Урале). Такие же связи с лесными районами Западной Сибири и лесной полосы Восточной Европы обнаруживаются в петроглифах Байкала.

Существовал, следовательно, в лесах Евразии своего рода второй коридор, параллельный степному, по которому распространялись культурные влияния, протекал процесс взаимосвязей и взаимодействия.

Без учета такого взаимодействия не понять и столь важное явление в духовной жизни лесных племен, как шаманизм. Не случайно же и в бронзовом литье, и на

петроглифах-писаницах именно в этом направлении, вдоль пути «сейминских бронз», обнаруживаются образы шаманов и шаманских духов в характерном облачении, с рогами на головных уборах. Писаницы с шаманами встречаются на скалах у Байкала, в низовьях Ангары, на реке Томи и в Приуралье. Такие же образы видны на керамике: рогатые человечки с поднятыми вверх руками, адоранты. В бронзовом литье литые маски, личины.

Как ни далек от нас бронзовый век, но и тогда, вероятно, мир был тесен для людей и для идей. Иначе как бы могли появиться на скалах Ангары и Лены фигуры ряженных танцоров с длинными хвостами и воздетыми к небу в молитве руками, точь-в-точь такие, как на петроглифах далекой Скандинавии, Швеции и Норвегии! Или процессии лодок, правда, более схематичные, но так живо напоминающие нам наскальные композиции с лодками в Скандинавии и Карелии?

Таков этот удивительный бронзовый век, время бронзовых копий и топоров, продолжающий волновать нас, как и поколения наших предшественников, своими тайнами и загадками, тем, что скрыто в монументальных курганных насыпях степей и в кладках тайги, в ее жертвенных местах — настоящих ритуальных музеях лесных племен.

За бронзовым веком следует железный, не менее, если не более, насыщенный событиями. Народы Сибири теперь не только вступают в новую индустриальную эру — в железный век, но с течением времени создают и собственную государственность.

Факт существования таких государственных образований известен давно, но из него не было сделано сколько-нибудь широких выводов. Более того, имела место и принципиально неправильная его оценка: мысль о том, что государственность была привнесена извне. А между тем для истории народов Сибири и Дальнего Востока в целом он имеет исключительно важное значение. Прежде всего как свидетельство закономерности исторического процесса и как выражение их творческой силы.

Четко выделяются два принципиально важных, а вместе с тем и качественно отличных этапа. Первый соотносится со временем возникновения первых государств рабовладельческой Евразии и Переднего Востока. Второй средневековый.

Что касается первого периода, то обращает внимание такой феномен, каким являются наземные саркофаги — плиточные гробницы Забайкалья и Монголии. Конечно, эти могильники тотально и неоднократно задолго до археологов раскопаны алчными до золота грабителями. Но и то немного, что сохранилось внутри них, а также сам по себе характер могильных сооружений могут многое рассказать об исчезнувшей некогда культуре. Замечательно уже то, что плиточные могилы охватывают поистине колоссальную территорию степной полосы Евразии. Их граница на юге заканчивается у Тибета и Великой китайской стены. На севере самые отдаленные от центра плиточные могилы обнаружены к западу от Байкала, на горе Манхай и Кудинской степи. На западе они простираются по крайней мере до Тувы. На всем этом пространстве, где позже разворачивается начальная история и тюрков и монголов, плиточные могилы обнаруживают поразительное единообразие ритуала и погребального инвентаря, а также искусства, представленного такими эффектными образцами, каковы «оленные камни» и родственные им по стилю и сюжету петроглифы «скифосибирского круга».

Здесь нет монументальных единичных захоронений. Погребения «плиточников» строятся одинаковыми параллельными рядами, состоящими из равных друг другу ящиков. Такое единообразие свидетельствует о прочности родовых связей, о социальном единообразии, о равенстве погребенных. Но что это за равенство, кто кому равен?

Судя по немногим сохранившимся, но все-таки изредка присутствующим даже в ограбленных могилах украшениям из камней-самоцветов, по дорогим «импортным» бусам, бронзовым кинжалам, золотым украшениям, плиточные могильники принадлежали не просто родовой общине, а малой общине. Притом богатой, аристократической. Неизвестно, правда, где хоронилась и как погребалась основная масса общинников. Но не для всех же строились монументальные сооружения из огромных

каменных плит, доставлявшихся нередко издалека, за многие километры. Не все имели в изобилии золото, драгоценные бусы и другие вещи.

Примерно во второй половине II тысячелетия до нашей эры в степях Забайкалья и Монголии уже сложилось, должно быть, огромное по территориальным масштабам племенное объединение. Оно имело однородную внутреннюю структуру. Вело одинаковый образ жизни. Создало единую духовную культуру, свидетельством чего служит единство искусства, своеобразный «звериный стиль» с образом солнечного золоторогого оленя в своей основе.

Из Забайкалья перейдем к Алтаю, к алтайским скифам. Новые раскопки в Туве, возглавленные тончайшим знатоком культуры степных племен эпохи раннего металла М. Грязновым, снова потрясли нас не только выразительностью и монументальностью изученного погребального сооружения, но и тем ярким светом, который брошен на социальные проблемы древнейшей, как оказалось, скифо-сибирской культуры.

Огромный курган Аржан, представляющий собой единый и вполне законченный в архитектурном плане комплекс, был последним пристанищем множества захороненных в нем людей. Он прочтен Грязновым как красочное повествование о социальных отношениях у местных скифов, свидетельство о структуре скифского общества, документ о его политическом строе.

Могильник имел в центре саркофаг главного лица, даже не вождя, а царя скифов. От него в строгом порядке радиально, как лучи от солнца, отходили полосы — ряды других захоронений. При этом захоронения видных и богатых лиц, одетых некогда в роскошные одежды иноземного, древневосточного, происхождения, доставленные из далеких стран войной или торговлей. По мысли исследователя, это были не насильственно умерщвленные жертвы, не рабы, не военнопленные, а добровольно «соумиравшие». Такие же, как в исторических, засвидетельствованных письменными источниками случаях. Например, в раннефеодальной Японии покойного императора Тенно добровольно сопровождали самые близкие, наиболее преданные ему соратники.

И, соответственно, нужно сделать общий заключительный вывод: на Алтае в VIII веке до нашей эры существовало не простое родовое сообщество, а уже достаточно развитое раннеклассовое общество с главным вождем — царем — во главе, как это было и на западе у причерноморских скифов времен Геродота.

Самое главное заключается в том, что скифское общество Тувы, как и Алтая, на этой ступени принадлежит неожиданно раннему этапу, оно много старше, чем царские курганы Причерноморья.

Отсюда следует и другой важный для археологов Сибири вывод. О том, что глубинная азиатская Скифия Аржана и Пазырыка представляла собой не какое-то захолустье, а видный и влиятельный центр социального и культурного развития во всем сакском и скифском мире.

Примерно на том же уровне находилось гуннское объединение, о жизни и судьбах которого подробно сообщают древние китайские летописи. И не менее наглядно гуннские могильники Северной Монголии и нашего Забайкалья.

Важным вкладом в понимание гуннского общества явились, в частности, новейшие раскопки огромной княжеской могилы в Ильмовой пади около Кяхты, проведенные Бурятским институтом общественных наук. Из этих раскопок, осуществленных впервые в таком масштабе и так методично, получены новые представления не только о сложном архитектурном устройстве этого монументального сооружения, но и социальной структуре самого общества гуннов.

В тесной связи с гуннами Монголии и Забайкалья находились енисейские кыргызы, образовавшие на юге Западной Сибири государство, которое проявило удивительную стойкость и жизненную силу на протяжении более чем полутора тысяч лет до монгольского завоевания, которым оно было уничтожено. В стране кыргызов согласно письменным источникам уже около двух тысяч лет назад и позже имелись

административные ставки-центры, существовала аристократическая верхушка и государственный аппарат во главе с правителем, носившим титул ажо.

Большим успехом сибирской археологии стало открытие в Хакасии монументальных сооружений дворцового типа, в том числе исследованных недавно Л. Кызласовым зданий вблизи Абакана. Очень важно, что государство хакасов проявило большую устойчивость и жизненную силу, оно окончательно пало, как полагает Л. Кызласов, лишь после карательной экспедиции юаньского военачальника Тутухи не в 1207-м, а в 1293 году, то есть спустя 86 лет.

На более низком уровне развития социальных отношений находились, по-видимому, соседи кыргызов, тюркоязычные курыканы на Ангаре и Верхней Лене. Однако и там, судя по наскальным рисункам Шишинских скал и руническим надписям, была властная аристократия. Существовал союз трех племен, во главе которых, как у хазар на Волге, стояли два вождя, сыгиня.

В Шишкине на Лене на скалах изображены сцены военных столкновений. Видны конные воины на богато украшенных лошадях, со знаменами в руках.

Зачатки государственности у курыканов, нужно думать, были такими же в принципе, как у их современников и соседей в Центральной Азии, орхонских тюрков первого и второго каганатов. В них причудливо сочетались, должно быть, элементы древнего патриархально-родового слоя и нового, классового, скорее всего феодального, общества.

Вторым центром государственности Северной Азии были Приморье и Приамурье, где существовали государства бохайцев и киданей, а затем возникла могущественная империя тунгусов-чжурчженей, овладевшая в XII—XIII веках половиной Китая и создавшая высокую самобытную культуру.

Об истории и культуре средневековых государств нашего Дальнего Востока выразительно и полно говорят археологические памятники, в том числе грандиозные развалины городов и крепостей, которые вызвали раздумья Пржевальского о былой славе и величии древних народов Приморья.

В распоряжении историков имеются и богатые письменные документы, в том числе летописи.

Есть в ней и в полном смысле этого слова таинственные места, неразгаданные страницы.

Один такой загадочный, но яркий, можно сказать, удивительный памятник — пещера, которая получила романтическое название «Спящая красавица», хотя это, может быть, вовсе не красавица, а скорее мужчина...

ПЕРВЫЕ РУДОКОПЫ СИХОТЭ-АЛИНЯ

Ярким подтверждением ленинского интернационалистического взгляда на историю народов земного шара стали археологические памятники нашего Дальнего Востока. Каждый народ, даже самый маленький, вносил во всемирную историю, в мировую культуру нечто свое собственное.

Это не исключает, разумеется, взаимодействия, взаимного оплодотворения культур. Но такое взаимодействие еще полнее, глубже оттеняет самобытные, характерные черты каждой культуры, историческое своеобразие того пути, который проходили части великого целого — человечества в планетарном масштабе. Археология нашего Дальнего Востока дает тому многочисленные примеры.

Именно поэтому археологические памятники Дальнего Востока всегда останавливали внимание исследователей, а особенно в наше, советское, время, когда ленинская идея дружбы народов, их взаимодействия и взаимопомощи легла в основу нашей жизни.

Итак, археология Дальнего Востока. Когда она сделала первые свои шаги? Мало кому было до недавнего времени известно, но это бесспорный факт, что памятники древней истории дальневосточных племен привлекли внимание русских людей еще три века тому назад! Первыми археологами Дальнего Востока стали русские казаки-землепроходцы, первооткрыватели северных областей Азии.

В 1701 году выдающийся русский географ и историк С. Ремезов — он записал и легенды о Ермаке — заканчивал «Чертежную книгу Сибири», первый монументальный труд по географии края, обессмертивший имя своего создателя. И сегодня ученые с интересом рассматривают ветхие листы этого удивительного атласа. На одном из них изображены низовья Амура, рядом с которыми имеется неожиданная и загадочная на первый взгляд надпись: «До сего места царь Александр Македонский доходил и ружье спрятал и колокол оставил». Около надписи нарисован город с башнями, а при нем предмет, изображающий, очевидно, колокол, о котором рассказывает надпись.

Историки, читавшие эту надпись, не раз задумывались, пытались понять, каким образом попало на чертеж сибирских земель имя Александра Македонского и почему в устье Амура оказался этот не ведомый никому город с башнями и мифическим колоколом. Правда, Ремезову, читавшему фантастическую средневековую повесть о походах Александра Македонского на край света, его имя было, видимо, хорошо известно. В повести этой, между прочим, рассказывалось, как Александр построил на краю земли высокую каменную стену, которой оградил два мифических народа «Гога и Магога», грозивших гибелью всему человечеству. Наверное, нет ничего удивительного в том, что именно здесь, на крайнем востоке, вблизи берегов Тихого океана, по понятиям людей XVIII века, и должно было находиться место, у которого великий полководец построил свою легендарную стену.

Однако самое интересное заключается в том, что город, отмеченный на ремезовской карте, все-таки существовал. В 70-х годах XVII века знаменитый русский дипломат и ученый того времени Н. Спафарий писал, что за двенадцать лет до его приезда на Восток, то есть в 1655 году, казаки нашли около устья Амура место, где было «во утесе аки бы копано», а рядом колокол и в трех местах «каменные скрижали». Впоследствии было установлено, что казаки открыли древние памятники с надписями и остатки храма XV века на Тырском утесе против устья реки Амгуни. Все эти сведения, сместившись по времени и смыслу, нашли свое отражение в «Чертежной книге» Ремезова.

У этого храма есть история: он свидетель и своего рода участник бесславной авантюры минских императоров Китая, неудачно пытавшихся вслед за Чингисханом покорить вселенную. Но нас интересует не этот эпизод, а сам по себе факт, что начало дальневосточной археологии положили наши смелые землепроходцы.

Два века спустя появился на земле Дальнего Востока молодой тогда наш знаменитый путешественник, исследователь Азии Н. Пржевальский. В 1868 году он побывал в деревне, находившейся на месте нынешнего города Уссурийска. У самой деревни он увидел поразившие его стены когда-то мощных древних укреплений, возвышения вроде курганов, каменные изваяния животных, плиты с отверстиями и высеченное из гранита гигантское изображение черепахи.

«В глубоком раздумье, — пишет он, — бродил я по валам укреплений, поросшим кустарником и густой травой, на которой спокойно паслись крестьянские коровы.

Невольно тогда пришла мне на память известная арабская сказка, как некий человек посещал через каждые пятьсот лет одно и то же место, где встречал попеременно то город, то море, то леса и горы, и всякий раз на свой вопрос получал один и тот же ответ, что так было от начала веков».

Как оказалось впоследствии, это были остатки поселений, принадлежавших древним бохайцам и чжурчжэням, создателям двух могущественных государств, оставивших глубокий след в истории Восточной и Центральной Азии.

С широким освоением Приамурья и Приморья связаны дальнейшие археологические исследования в бассейнах Амура, Уссури и Раздольной, предпринятые Н. Пржевальским, И. Лопатиным, Ф. Буссе, В. Кропоткиным и А. Федоровым. В низовьях Амура первые разведки производили Л. Штернберг, В. Арсеньев. На Сахалине трудился выдающийся зоолог и первооткрыватель палеолита в Костенках И. Поляков. На Среднем Амуре подобные работы проводили по поручению Академии наук С. Широкогоров и его сотрудник А. Гуров, но по-настоящему археологические исследования, призванные решить большие проблемы истории Дальнего Востока, развернулись после Октябрьской революции.

Первой академической археологической экспедицией на Нижнем Амуре была экспедиция 1935 года, направленная туда Институтом этнографии АН СССР по инициативе выдающегося исследователя культуры северных племен В. Богораза.

В 1953—1963 годах на Амуре и в Приморье работала Дальневосточная археологическая экспедиция Института археологии Академии наук и Сибирского отделения АН СССР. С работой этой экспедиции связана организация первого научного центра по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока — специального отдела Дальневосточного филиала АН СССР. Затем был образован Отдел истории и этнографии Северо-восточного комплексного института Сибирского отделения АН СССР в Магадане. Оживилась деятельность краеведческих музеев в Анадыре, Магадане, Благовещенске, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре. Повысился интерес дальневосточной общественности к изучению истории своего края.

В археологические работы на Дальнем Востоке и в Монгольской Народной Республике включилось Сибирское отделение АН СССР.

Все это, естественно, дало толчок развитию дальневосточной археологии. По берегам Амура у Благовещенска и села Кукелево у Хабаровска, Комсомольска (село Кондон), Мариинска и в других местах произведены широкие раскопки поселений и могильников. Такие же работы проведены по берегам рек Уссури и Зеи. Добытые в этих местах материалы позволили получить ясное представление о древних культурах и основных этапах древней истории Приамурья.

Аналогичные работы производились в Приморье. Здесь исследовали такие важные памятники ранней истории Приморья, как древнее поселение на полуострове Песчаном вблизи Владивостока, поселения в падах Семипятной и Харинской, у озера Ханка, на реке Кроуновке, в бухте Рудная Пристань, у деревни Осиновки, в устье реки Гладкой, поселения раннего железного века на Синих скалах в Ольгинском районе. Новые данные были получены и об археологических памятниках в таких отдаленных районах, как остров Сахалин, Магаданская область, Чукотское побережье, Камчатка.

Накопленный советскими исследователями огромный материал потребовал обобщения фактических данных, разработки важнейших исторических проблем прошлого народов Дальнего Востока в свете марксистско-ленинской теории развития общества. Первая такая проблема — периодизация археологических культур и выяснение последовательности культурно-этнических этапов на Дальнем Востоке.

Значение этой работы определяется тем, что старые взгляды на последовательность культурных этапов уже не соответствуют вновь накопленным фактам: история народов Дальнего Востока оказалась несравненно длительнее и сложнее, чем представлялось раньше. В разных районах (озеро Ханка, окрестности города Уссурийска — бассейна Раздольной, Средний Амур, район Хабаровска, Нижний Амур, Лазовский район, район озера Хасан — село Краскино) выявлены серии разновременных археологических памятников и локальных культур, сменявших друг друга. Одновременно стало возможным проследить и последовательную смену больших исторических этапов, в той или иной степени общих для всего Дальнего Востока.

Исключительно важно, что для определения возраста археологических памятников и древних культур, помимо обычных типологических сравнений, использовались

современные физические методы радиоуглеродной датировки. Это позволяет уверенно строить общую хронологическую шкалу исторического процесса. За последние десять лет впервые получена серия абсолютных дат для ряда археологических памятников ключевого значения. В нашем распоряжении сейчас есть около десяти датированных радиоуглеродным методом памятников.

Одним из крупнейших достижений дальневосточной археологии стало открытие в районе города Уссурийска, в долине реки Осиновки, у села того же названия, и в некоторых других местах Приморья древнейшей пока для Дальнего Востока осиновской культуры. Она характеризуется орудиями из оббитых галек, напоминающих ручные рубила Европы, а также нуклеусы-ядрища. Поселения этой группы концентрируются главным образом собственно в Приморье, в Славянском и Михайловском районах, а также у озера Ханка. Молодой тогда археолог Э. Шавкунов нашел изделия, похожие на осиновские, и на Верхнем Амуре, в селе Кумарском. Стоит сказать несколько слов о том, как была открыта знаменитая ныне осиновская культура.

На дороге лежал маленький обломок камня с характерным раковистым изломом. Так расколоть камень могла только рука человека, и при этом мастера, в совершенстве владевшего своим ремеслом (или скорее искусством). Неподалеку оказались еще три таких же отщепа, очевидно, доставленных вместе с породой из какого-то карьера для добычи щебня. Оставалось найти сам карьер, что, вообще говоря, было уже делом нетрудным. Он отыскался у деревни Осиновки, которая стала благодаря этому известной на весь мир.

Первое, что обнаружили в отвесной стенке карьера, был предмет, который так упорно и настойчиво и вместе с тем, казалось, безнадежно искали: крупное орудие из зеленого яшмовидного сланца, вытесанное из целого булыжника. Поблизости оказались и другие, совершенно такие же орудия. На одном конце все они имели массивное и широкое выпуклое лезвие, которым можно было наносить удары большой силы, подобно лезвию топора или секиры. Противоположный конец этих орудий оставался нетронутым и мог служить удобной рукоятью.

Следующий культурно-исторический этап — мезолит представлен прежде всего огромной стоянкой-мастерской у выходов вулканических туфов на реке Зеркальной вблизи села Устиновки. Этот уникальный памятник был открыт и впервые описан геологом Г. Петрунем. Об этом стоит сказать подробнее, потому что там работали первые «рудокопы» горняцкого края, искатели подземных соковок в горах Сихотэ-Алиня...

Вова-Политэн (так ласково зовут в нашей экспедиции студента Хабаровского политехнического института В. Чайко) вздрогнул и замер от волнения. У самых его ног в облаке пыли шло настоящее сражение, битва не на жизнь, а на смерть! Маленькая храбрая ласка сражалась с родичем гремучей змеи, щитомордником. Отвратительное пресмыкающееся, свернувшись кольцом, то втягивало голову, то стремительно выбрасывало ее вперед, стараясь укунить противника смертоносными ядовитыми зубами. Ласка так же стремительно отскакивала назад, а затем снова бросалась в атаку, в свою очередь, пытаясь схватить змею за шею, чтобы перегрызть ее.

Студенту повезло. За всю свою долгую походную жизнь я не видел такой битвы ни разу. К его радости, ласка одолела щитомордника: она изловчилась, схватила яростно извивающегося врага за шею у самой головы и утащила в густую траву, чтобы там с ней окончательно разделаться. Вскоре произошла и вторая встреча с рептилиями Уссурийского края, с третичным реликтом, огромным амурским удавом — полозом Шренка, как его называют зоологи в специальной литературе. Красавец полоз длиной более полутора метров и толщиной в руку полз около палаток, как бы нарочито играя на солнце блестящим ковровым узором. Змея эта безвредна, у нее нет яда. Но зато сколько шума поднялось!

Но не только этими таежными происшествиями встретил экспедицию давно знакомый ручей за деревней Устиновкой на горной реке Зеркальной. Жизнь тайги шла

своими привычными путями. На хребте у высоковольтной линии кабаны нахально на глазах у пасечника изрыли весь склон сопки. В кустарнике трава была истоптана и измята, а на кустах висела прядь шерсти, не кабаньей — густой и жесткой, и не оленьей, а мягкой и даже шелковистой, как у кошки. Здесь, видимо, шел и прилег отдохнуть владыка тайги «амба» — тигр. Недаром, как рассказывали местные жители, старая тигрица незадолго до нашего приезда будто бы задавила стельную корову у самого села, что, впрочем, скорее всего было лишь фольклорным сюжетом.

Не только животный мир, но и лес, густой, широколиственный, шумел листвой не такой, как в Сибири. Все здесь было ново для северян: высились дубы и бархатное дерево с пробковой корой. Гибкие лианы вились по деревьям. На них уже созрели в багряной листве ягоды лимонника и дикий виноград. Береза и та была не белой, а с темной шершавой корой — камчатская береза Эрмана.

Одним словом, с первых же шагов лагерь охватила атмосфера тысячелетий. Как и во времена В. Арсеньева и М. Венюкова — пионеров исследования горной страны Сихотэ-Алиня. В их честь на перевале у села Кавалерова воздвигнут высокий обелиск. Обелиск известен каждому, кто проезжает теперь по отличному шоссе этот перевал на автобусе.

Это теперь, а когда-то, лет 100 назад, по непролазной тайге, облепленные гнусом, искусанные слепнями и оводами разных калибров, здесь вели своих измученных лошадей прославленные путешественники. Однако в Устиновку нас привело вовсе не стремление повторить легендарные маршруты наших предшественников, не жажда новых приключений и даже не тоска по голубым далям, по аромату тайги, так хорошо знакомая всем, кто хотя бы раз побывал в этом удивительном крае и дышал летом его пряным, пьянящим воздухом.

Еще в 1963 году наша экспедиция по следам Петруня пришла на высокий, круто обрывающийся берег реки Зеркальной, и прямо на полотне недавно проложенной широкой автомобильной трассы мы увидели множество острых осколков белой или зеленоватой и желтой плотной породы. Это были осколки вулканического туфа, прочного и твердого камня, который служил первобытным обитателям Приморья и Приамурья превосходным заменителем кремня, того универсального в каменном веке природного сырья, из которого наши далекие предки повсюду, от Гренландии до Танганьики и Нила, выделывали свое оружие и орудия труда.

Вулканический туф, а вместе с ним и вулканическое стекло, смоляно-черный и голубоватый обсидиан издревле, были излюбленными материалами людей каменного века на Дальнем Востоке. Но, как правило, вулканический туф встречался лишь в виде готовых, вполне законченных изделий или единичных осколков, отбросов производства. Здесь же рядом с отщепами лежали большие куски вулканического туфа, можно сказать, глыбы, в том числе со следами искусственной обработки руками человека. Человека той далекой поры, когда наши предки еще не имели понятия о металлах, не знали ни меди, ни тем более железа.

Рядом с крупными кусками поделочного камня лежали сколотые с них отщепы, и на каждом таком отщепе заметны были хорошо известные нашим студентам по учебникам следы искусственной обработки. Выпуклые ударные бугорки, величина и крутизна которых варьировала в зависимости от силы удара. Характерные метки от удара — маленькие фасетки на месте приложения силы каменного отбойника или костяной палочки-отжимника. Наконец, не менее выразительные свидетели целенаправленной творческой силы человека-мастера ударные волны расходились по плоскости откола плавными параллельными дугами, пока, наконец, сила удара не затихала окончательно.

Количество обработанного камня на полотне дороги и в кювете не оставляло никакого сомнения в том, что здесь находилась не обычная стоянка каменного века, не стойбище бродячих охотников на месте случайного пиршества по поводу удачной охоты, а нечто совершенно необычное и редкое в практике археологов.

Это явно была мастерская, где шла массовая обработка ценного по тем временам сырья. И даже не просто мастерская, а место, где находились залежи такого сырья и где его добывали из земли в большом количестве, чтобы затем унести заготовки-полуфабрикаты или вполне законченные изделия на сотни или даже тысячи километров. Одним словом, уже после первых ударов лопаты можно было убедиться, что мы наткнулись на следы деятельности первых горняков Приморья, с которых, по справедливости, и следует начинать историю освоения горных богатств Дальнего Востока...

Но кто конкретно были эти первые испытатели недр природы нашего чудесного края, его пионеры? Ведь каменный век, а эти находки бесспорно принадлежали ему и никакой другой эпохе в истории Азиатского материка, длился сотни тысячелетий!

Вопрос о возрасте устиновских обработанных камней приобрел особую остроту, когда в местных газетах появилось сообщение о том, что их следует отнести... если не за 300, то, во всяком случае, за 100 тысяч лет назад, то есть ко времени, когда существовала ашельская культура и выделялись ручные рубила.

Это было тем более неожиданным, что над витриной в музее во Владивостоке, где были выставлены сборы с этого места, раньше висела надпись: «неолит», иначе говоря, 5 или 6 тысяч лет назад.

Конечно, открытие на Дальнем Востоке культуры такого возраста означало бы настоящую сенсацию. Еще более сенсационным было бы появление здесь культуры, которая известна в Европе как ашельская.

Ведь до сих пор на всем огромном пространстве Северной и отчасти Восточной Азии не было найдено ни одного ашельского рубила. И большинство серьезных исследователей, начиная с крупнейшего знатока палеолита Юго-Восточной Азии, члена Национальной Академии наук США профессора Х. Мовиуса, считают, что эти области Азиатского материка уже с нижнего палеолита развивали культуру по иному пути, отличному от европейско-африканского. Здесь, как полагают, существовала техника рубящих орудий с поперечным лезвием — «чопперов», буквально «сечек».

И вдруг ашельские рубила в Приморье на реке Зеркальной!

Итак, встал вопрос: 5—6 тысяч лет или 300 тысяч? А может быть, ни то и ни другое! Ведь при первых наших находках, при раскопках не обнаружили ничего такого, что можно было бы назвать ашельским рубилом, а в специальной статье, посвященной находкам на реке Зеркальной, опубликованной в 1963 году, этот памятник датирован переходным временем от палеолита к неолиту.

И вот мы снова на этом месте, уже вошедшем в историю дальневосточной археологии и одновременно в историю древнейших культур Азиатского материка. О чем расскажут теперь эти оббитые камни, немые свидетели былого?

Первый и самый главный вывод был таким же, как и после первых наших раскопок шесть лет назад. На устиновской террасе поколениями трудились мастера обработки камня.

Мы с волнением как бы следили теперь за каждым движением древнего нашего предка. Вот он извлек из жирной вязкой глины большой кусок породы, сплошь покрытый тем, что археологи называют коркой. От долгого лежания в земле в результате воздействия влаги и почвенных кислот камень с поверхности глубоко выветрился и преобразовался. Он и на самом деле как бы покрылся рыхлой желтой корочкой, под которой скрыт первоначальный цвет камня, чаще всего приятный темно-зеленый, и сейчас ласкающий глаз. Должно быть, и нашим далеким предшественникам этот темный зеленый цвет, напоминающий яшму или даже нефрит, доставлял такое же эстетическое удовольствие, как и нам самим.

Однако прежде всего нужно удалить неприятную и совсем ненужную корку. И вот ее сбивают рядом мелких, хорошо нацеленных ударов, бережно зачищая таким образом натуральную сердцевину исходной глыбы.

В результате обнаруживается истинное качество камня, его ценность для дальнейшей творческой работы мастера. Если в нем есть трещины, если минерал слишком мягок и хрупок, его безжалостно выбрасывают, благо рядом можно найти не один десяток других таких же Камней. Не случайно же почти на каждом квадрате раскопа встречаются выброшенные за непригодностью, лишь слегка опробованные камни.

Настоящая работа мастера начинается, однако, на следующем этапе. Документами этого этапа служат нуклеусы-ядрища, то есть специально подготовленные заготовки-полуфабрикаты. От них скалывались или, точнее, отжимались уже не камнем-отбойником, а специальным отжимником из кости или рога те многочисленные отщепы и пластины, которые впервые нашел в таком большом количестве на полотне дороги Петрунь, а вслед за ним и мы сами в нашем раскопе.

Каждый такой нуклеус, каждая такая пластина или отщеп не простой отброс производства каменных изделий, а своего рода концентрированное выражение огромных усилий, производственного опыта и традиций, накопившихся тысячелетиями. На протяжении веков одни приемы расщепления камня, одни производственные навыки сменялись другими, более совершенными, а соответственно менялись формы нуклеусов, развивалась техника их оформления.

Иными словами, для археологов такой кусок обработанного камня, нуклеус, означает то же, что для палеонтолога раковины ископаемых моллюсков. Это «руководящее ископаемое». Точный индикатор уровня развития культуры. И в то же время хронологический показатель, молчаливый, но выразительный и достоверный свидетель древности наших находок.

Тем интереснее, что среди нуклеусов из Устиновки самыми характерными оказались такие, для которых мы уже давно употребляли звучное и не всем понятное слово «леваллуа». Леваллуа — небольшое местечко во Франции вблизи Парижа. По имени этого местечка, где такие нуклеусы были впервые описаны, они и названы, хотя затем были найдены и далеко за пределами Франции: в Африке, Передней Азии, Европе, наконец, в Средней Азии. Как правило, такие нуклеусы появляются еще в очень раннее время, в конце ашеля — около 150—100 тысяч лет назад. Но они встречаются в Азии и много позже, до конца палеолита.

Вместе с нуклеусами найдены и характерные пластины: широкие, правильной огранки и с такими прочными острыми лезвиями, что их можно было использовать в дело без всякой дополнительной подправки в качестве ножей, а если понадобится, и наконечников копий или кинжалов. Такие пластины тоже получили на Западе наименование леваллуазских. Однако устиновские нуклеусы особого рода. Их можно называть «эпилеваллуазскими», потому что в них видна лишь какая-то поздняя передача более древней технической традиции.

Еще интереснее, что среди множества устиновских нуклеусов такого рода встречены образцы, поразительно похожие по технике на загадочные каменные изделия из знаменитого местонахождения каменных изделий у деревни Осиновки вблизи Уссурийска.

Значит, человек поселился в Приморье несравненно раньше, чем этого можно было ожидать, еще в ледниковое или даже межледниковое время: к такому мнению пришли и авторитетные геологи-консультанты, посетившие раскопки в Осиновке.

Находки в Осиновке показали также, что в Приморье с самого начала развитие культуры шло особыми путями, каких не было в Европе. Бережно расчищая слой с каменными изделиями в устиновском поселении-мастерской, мы увидели, что своеобразные черты древней культуры Приморья не исчезли, а продолжались здесь, хотя и видоизменились. Здесь уже не было оббитых галек-рубил. Но многие нуклеусы древней мастерской обнаруживали отчетливое сходство с этими гальками. Повторяли технику скалывания пластин, свойственную осиновским нуклеусам-рубилам. Такие нуклеусы из

Усти-новки казались явно измельчавшими и преобразованными, потомками осиновских орудий, сделанных из целых галек.

Мастера каменных орудий, жившие около Устиновки, следовательно, были потомками древних обитателей оселения на холме у нынешней деревни Осиновки!

Кто же был современником наших устиновцев? Здесь перед нами встали новые, поистине увлекательные возможности проникнуть в жизнь людей далекого прошлого не только нашего Приморья, но и других стран Азии. Ведь уже в каменном веке племена, отделенные руг от друга тысячами километров, не были наглухо и навсегда изолированы друг от друга. Иначе человек не заселил бы Американский континент, иначе не были бы освоены нашими предками еще в каменном веке Японские острова, Полинезия, остров Пасхи, а также Австралия.

Конкретно наши находки в Устиновке имеют самое прямое отношение к большой и сложной проблеме заселения человеком Японского архипелага.

За последние десятилетия благодаря упорной работе японских археологов, кстати сказать, стоящих по качеству их работы и достижениям на одном из первых мест в мире, показано, что эти острова пережили в каменном веке столь же длительную, как и сложную, интереснейшую историю. Пожалуй, важнейшим достижением японских археологов в последние годы было открытие целой серии так называемых «докерамических культур». Они соответствуют палеолиту и мезолиту Запада и Сибири. Среди этих культур отчетливо выделяются такие, которые непосредственно предшествуют неолиту, когда впервые появляются глиняные сосуды. Поэтому их и называют докерамическими. Возраст древнейшей керамики в Японии, как полагают многие японские и американские ученые, достигает по крайней мере 7, даже 12 тысяч лет. Докерамические культуры Японии еще старше — им 14—15 тысяч лет.

Однако в то время, как японские археологи находили все новые и новые поселения докерамических культур, в хронологии древних культур нашего Дальнего Востока оставался зияющий пробел. Казалось, что эта территория была тогда пустой. Понятно поэтому наше волнение, когда на осиновском холме было открыто поселение каменного века, намного превосходившее по своему возрасту все известные к тому времени.

Еще большее волнение охватило нас, когда мы увидели собственными глазами докерамические находки японских коллег в Токио. Старейший археолог Японии почтенный Сугихара-сан открыл зеркальные стекла витрин своего удивительного музея в университете Мэйдзи, и можно было ощупать пальцами фасетки сколов на странных нуклеусах из его коллекции. Это были точь-в-точь те нуклеусы, которые характерны для нашего Дальнего Востока и Монголии.

В древней мастерской на реке Зеркальной рядом с нуклеусами леваллуазского облика лежали многочисленные заготовки этих гобийских нуклеусов! Но удивительные гобийские нуклеусы связывают, как сказано выше, не только отдаленные друг от друга страны Азии. Они соединяют также и два соседних материка — Азию и Америку.

Одним словом, это памятники переходной поры от палеолита к неолиту или, в крайнем случае, поздней поры палеолита, которая хронологически соответствует концу верхнего палеолита Европы, закончившегося около 15—20 тысяч лет назад.

Эти аналогии могут разочаровать тех, кто по своей простоте хотел видеть в нуклеусах леваллуа ашельские рубила. Поэтому следует сказать, что вопреки традиционно сложившимся взглядам на Дальнем Востоке, в низовьях Амура, в окрестностях центрального поселка Ульчского района в 1977 году все же поднято было и настоящее ашельское рубило небольшого размера. Сердцевидное по форме, точь-в-точь такое же по очертаниям и технике изготовления, как истинные позднеашельские рубила Франции.

Но хотя устиновским находкам не 300 и даже не 100 тысяч лет, а скорее в 10 раз меньше, они поистине замечательны еще и потому, что являются ценнейшим вкладом в раннюю историю Дальнего Востока, в историю таких отношений между древними племенами, которые можно назвать международными связями каменного века.

Так по-новому в неожиданно сложных формах раскрывается история каменного века Дальнего Востока. Уже не как простая смена стандартных этапов культуры, не как случайный рассказ об обломках камней или черепках глиняной посуды, уныло сложенных в пыльные витрины музеев, а как история неведомых по имени, но вполне конкретных обществ и племен, оставивших после себя оригинальные следы самобытной исторической жизни.

Древняя же история Приморья в целом имеет вовсе не узкий, не локальный, чисто краеведческий интерес, в ней скрыто множество важных с всемирно-исторической точки зрения событий и проблем. Недаром же этот богатый и щедрый край нашей Родины лежит у одного из двух величайших океанов, где сходятся пути из далекой Юго-Восточной Азии и островного мира Тихого океана с путями, ведущими в глубь Азиатского материка, в степи Монголии и в сибирскую тайгу.

И кто знает, может быть, устиновцы, потомки людей древнейшей пока известной нам на территории Приморья осинонской палеолитической культуры, мастера леваллуазской техники обработки камня, положили начало своеобразной докерамической культуре Японии, которая так поразила японских исследователей, когда в красной глине равнины Канто у Токио они впервые обнаружили изделия из вулканического стекла и сланца.

Во всяком случае, как учит история, чаще всего островные цивилизации зарождались на материке, а не наоборот. И лишь с течением времени достигали при благоприятных условиях высокого расцвета, даже опережали материк.

Тем более вероятно, что именно отсюда, с материнской земли Дальнего Востока, пролегали пути тех, кто восемь тысяч лет назад или даже ранее первым достиг Алеутских островов и Аляски.

В СТРАНЕ ТРЕХ СОЛНЦ

Чем ближе к современности, тем сильнее проявлялось своеобразие древних культур нашего Дальнего Востока, яснее сказывался особый дух, оживлявший все, что создавали его обитатели. И при этом повсюду на общей исходной основе складывались местные культуры со свойственными каждой характерными чертами.

По-своему жили люди на Верхнем Амуре, рядом с обитателями Забайкалья и Монголии. Основой их хозяйства были охота и отчасти рыбная ловля. Со временем они рано и, видимо, не без влияния соседей перешли к разведению домашних животных.

Иначе складывалась культура населения Приморья и Среднего Амура. Древние жители этих мест занимались не только рыболовством и охотой, но и земледелием. Выше Хабаровска и в Приморье на неолитических поселениях обычны своеобразные каменные изделия в виде сегментов из песчаника. Это куранты-терочники, которыми на каменных плитах растирали зерно. Вместе с ними встречаются и характерные мотыжки с плечиками-уступами у рукояти — ими обрабатывали землю.

Тяжелый труд земледельца каменного века щедро вознаграждался плодородием почв и теплым влажным климатом этих мест. Не менее благоприятные условия для возникновения земледельческой культуры еще в каменном веке существовали на Среднем Амуре и в бассейне реки Зеи, где позднее наблюдалось собственное земледелие дауров и дучеров.

Плодородная низменность, раскинувшаяся вдоль мощных водных артерий, богатая природа, щедро оделяющая земледельца, скотовода, охотника и рыболова своими дарами, — все это издавна способствовало здесь раннему подъему хозяйства и культуры. Археология Среднего Амура подтверждает, что так оно и было в действительности. Попытки отрицать возможность столь раннего развития земледельческой культуры на Дальнем Востоке оказались несостоятельными. Особенно после того, как в культурных слоях двух поселений — у поселка Кировского возле нынешнего города Артема и у села

Екатерининского на реке Партизанской — были обнаружены не только терочники-курранты, но и обугленные зерна проса.

Другой особенностью экономики дальневосточных племен на юге издавна было разведение домашних свиней. Свиноводство — и это подтвердили раскопки «культуры раковинных куч» — характерная черта экономики прибрежных племен Приморья. Лишь со временем, вероятно, под влиянием связей со степными народами Центральной Азии здесь начинают разводить лошадей. Иначе жили племена Нижнего Амура, о которых нужно сказать подробнее. У них была своя, особенная экономика, обусловленная природой этих мест.

В определенное время года реки Дальнего Востока переполняются косяками кеты и горбуши. Достаточно интенсивно поработать во время рыбачьей страды, чтобы обеспечить весь род или племя пищей на всю зиму. Так возникли на берегах Амура оседлые поселения. Целые деревни каменного века, состоявшие из больших — по сто и более квадратных метров площадью полуподземных жилищ с углубленным в землю основанием. В заполнении котлована и особенно на полу жилищ лежали многочисленные каменные изделия. Часты шлифованные тесла для обработки дерева, ножи для разделывания рыбы, скребки, вкладные лезвия для составных кинжалов, наконечники копий, а также сверленные палицы, которыми, видимо, глушили крупную рыбу. Вдоль стен нередко располагались глиняные сосуды, часто снабженные отверстиями, которые нужны для скрепления треснувших сосудов.

В закономерной связи с развитием рыболовства и оседлостью у амурских племен находилось разведение собак. Собака была у речных рыболовов единственным домашним животным. Ее использовали, по-видимому, и как тягловую силу, и как источник пищи: собачье мясо на Амуре даже в XIX веке было любимой пищей. Собаку приносили в жертву во время самых различных обрядов, так же как оленя у оленеводов, лошадь и овцу у степняков.

Самое замечательное в культуре неолита Нижнего Амура даже не мастерски выполненные из кремня наконечники стрел, нож и вкладыши или до зеркального блеска отшлифованные тесла и топоры, а образцы искусства в полном и настоящем смысле этого слова.

Еще сто лет назад на берегу Амура около старинного нанайского селения Сакачи-Алян были обнаружены и частично описаны удивительные валуны с древними рисунками. На валунах выгравированы загадочные антропоморфные изображения, в подавляющем большинстве не целые фигуры, таких вообще здесь нет, а маски-личины.

В далеком уже 1935 году наша маленькая экспедиция из четырех молодых людей причалила к берегу немного выше домов Сакачи-Аляна, где тогда еще стояла древняя многосемейная постройка нанайского типа.

Так же как и наших предшественников, в том числе Л. Штернберга, В. Арсеньева, американского востоковеда Б. Лауфера и японского этнолога и археолога Р. Тории, нас влекли сюда огромные глыбы базальта, которые длинными валами громоздятся вдоль скалистого берега Амура. Несколько миллионов лет назад из недр земли, из жерла давно исчезнувшего вулкана, вылился поток раскаленной магмы. Затем он застыл, потрескался и наконец, подточенный рекой, рассыпался на множество глыб.

И сейчас весь в брызгах и пене из волн выступает огромный, многотонный отторженец скалы, черный, изъеденный временем, почти такой же старый, как и сам Амур и голубое небо над ним. Этот одинокий кусок базальта, как сотни других таких же, был когда-то, в незапамятные времена, оторван от соседних скал и принесен сюда ледоходом. На первый взгляд здесь нет ничего примечательного, ничего особенного. Но подойдите поближе и увидите, что на отлогом песчаном берегу Амура в Сакачи-Аляне лежит не простая глыба дикого камня.

Грубая первозданная глыба, свидетель детства нашей планеты, несет на себе печать творческого замысла. Она открывает странный и вместе с тем увлекательный,

фантастический мир древнего искусства. Века, а скорее всего тысячелетия сгладили острые грани этой базальтовой глыбы, как и сотен других, отшлифовали ее поверхность, но не смогли стереть глубокие полосы, выбитые рукой неведомого художника древних времен.

С илистого дна реки, из мутной воды как будто всплывает само подводное страшилище, властитель Амура, «Черный Дракон». Его узкие, по-монгольски раскосые глаза смотрят на пришельцев с немой угрозой. Голова этого странного и загадочного существа, явившегося перед нами из тьмы времен, увенчана пышной короной торчащих кверху густых волос; внизу видна такая же пышная борода и, что всего удивительнее, густые усы.

Нижняя часть рисунка утрачена еще в древности, должно быть, в то время, когда глыба с изображением передвигалась вместе с другими камнями и сталкивалась с ними в потоке ледохода. Но и то, что уцелело, производит неизгладимо сильное, необычное впечатление. Взглянув на это удивительное, непохожее ни на что другое произведение древнего искусства, его уже нельзя забыть. Сколько потребовалось труда и усилий, чтобы выбить в неподатливом диком камне эти желобки! Может быть, даже с помощью простой гальки, которая валяется на влажном речном песке?!

Но еще удивительнее мудрая лаконичность и простота, а вместе с тем фантастическая изощренность рисунка и, наконец, то острое композиционное чувство, с которым древний мастер, а лучше сказать, художник, разместил его на боковой плоскости камня. Он, этот рисунок, органично слит с шершавой глыбой. И не только глыбой, но и со всем окружающим ландшафтом уссурийской тайги, с ее опьяняющими запахами, с необъятными просторами великой азиатской реки.

Когда уровень Амура повышается, волны лижут бороду чудовища и его косые глаза. Волны поднимаются все выше и выше, пока, наконец, весь камень не скрывается под водой. Затем через месяц, два или три погруженный в воду камень снова поднимается над зеркалом вод. И так из года в год, из века в век...

Образ чудовища, выбитый на сакачи-альянском камне, рожден как будто самой матерью-землей, создан ее стихийной творческой силой, той, что гонит из своих глубин весенние бурные соки и дает начало всему живому на свете.

Не случайно, должно быть, в первый раз, когда мы увидели и обводили пальцем полустертые линии рисунка, он вызвал в памяти что-то очень старое и очень близкое. Вспомнился древний греческий миф о детстве вселенной и богов, о порожденных богиней земли Геей чудовищных исполинах, многоруких и змееногих титанах. Вспомнилась битва олимпийцев с сынами земли, высеченная на мраморе Пергамского алтаря! Не таким ли древнейшим мифом о детстве земли рожден и этот загадочный образ древнего чудовища на Амуре?

В самом деле, как ни далек древний Пергам от Сакачи-Аляна, мы еще увидим, что у жителей Сакачи-Аляна до сих пор живет такой же миф о первых днях вселенной, о мифических героях-полубогах. Миф, который служит ответом на вопрос, как появились рисунки на камнях Сакачи-Аляна.

Неподалеку и тоже наполовину в воде лежал второй камень с выбитым на нем изображением еще одной маски или личины, но без такого пышного обрамления, как в первой фигуре. Лицо это имело яйцевидную правильную форму. На нем резко выступали раскосые глаза с отчетливо выбитыми в камне круглыми зрачками, широкий расплывчатый нос. На щеках и подбородке виднелись параллельные дуги — возможно, татуировка.

Всюду в этом районе, начиная с села Малышева и кончая последними вниз по Амуру домами нынешнего Сакачи-Аляна, встречаются древние изображения — настоящий музей первобытного искусства амурских племен далекого прошлого. Общее количество древних изображений в Сакачи-Аляне можно установить лишь приблизительно: часть года Амур перекрывает свои песчаные берега, а вместе с ними и

валунные россыпи, среди которых находятся камни с личинами. Многие из них, вероятно, погребены в песке. По крайней мере в процессе изучения сакачи-альянских рисунков, нам не раз приходилось производить небольшие раскопки, чтобы освободить от песка ту или иную часть расписанной глыбы.

Рисунки на валунах Сакачи-Аляна несут в себе признаки глубокой древности. Они нередко сглажены и стертые до такой степени, что на глаз трудно определить контуры отдельных фигур и их детали. В ряде случаев желобки рисунков удается проследить сначала только пальцами, осязанием, на ощупь. Выбитая в древности поверхность камня ровнее и глаже, чем первоначальный фон на валуне, не тронутый рукой человека, неровный и шероховатый.

Всего в Сакачи-Аляне около ста пятидесяти рисунков.

Второй крупный центр наскального рисунка Дальнего Востока находится на скалистом правом берегу реки Уссури выше села Шереметьева.

Третий на скалах в долине реки Кия по дороге из Хабаровска во Владивосток.

Во всех трех местонахождениях петроглифов абсолютно преобладают антропоморфные изображения-личины. Но вместе с ними на тех же скалах и валунах видны фигуры животных, похожих на лосей или лошадей, несомненно диких, водоплавающих птиц, лебедей или уток, змей.

С первой встречи с сакачи-альянскими личинами исследователей занимал один и тот же вопрос: когда и кем они были созданы, кто выбивал на базальтовых глыбах эти странные лики?

Ответ получен был, когда начались широкие систематические раскопки древних поселений на берегах Амура, в том числе в непосредственной близости к петроглифам у тех же базальтовых глыб с изображениями.

Проходя по высокому правому берегу Амура в 2,5 километра выше села Вознесенки, в местности, которая прежде называлась «Старый станок», мы увидели в обрыве что-то необычное. Это был обломок глиняного сосуда, ярко лощеного, красного, который силой окраски и своим блеском вызвал в памяти такие же лощеные краснолаковые вазы древнегреческих мастеров.

Конечно, это был не лак, а своего рода ангоб, то есть тонкий слой специально отмученной красной охры, по которому затем прошелся шлифовальный камень. Сосуды с такой обработкой, краснолощенные, не раз уже встречались на Амуре. Они были найдены впервые еще в 1935 году на острове Сучу у Мариинска. Но на этот раз обнаружилось нечто в полной мере потрясающее: из обломков неолитического сосуда на нас смотрели круглые большие глаза, совсем человеческие... Рядом с глазами виден был скульптурно вылепленный и еще более человеческий нос с ясно выраженными ноздрями, а под ним рот, четко оформленный глубоким надрезом в мягкой глине. Одним словом, эта была личина, такая же, как личины Сакачи-Аляна и Шереметьевских скал на реке Уссури!

На замечательном сосуде из Вознесенки была не одна только личина. На нем уцелели остатки целой серии таких личин, которые, должно быть, сплошным поясом, своего рода хороводом, охватывали всю верхнюю половину сосуда. Художнику, который создал это удивительное произведение неолитического гончарного искусства, а вместе с тем и образец своего творчества, мало было одних личин: он посадил их на туловища. Для полноты картины дал им руки, воздетые вверх в молитвенном жесте, как у киевской богородицы — «Нерушимой Стены», Оранты. Правда, руки эти, а заодно и ноги заканчивались не пальцами, а скорее острыми когтями, как на звериных, скорее всего медвежьих, лапах. Необычна и поза этих странных антропоморфных фигур. Насколько можно судить по уцелевшим обломкам сосуда, фигуры эти сидят на корточках. Чтобы усилить декоративный эффект, древний мастер противопоставил малиново-красный блестящий фон, на котором выполнены антропоморфные изображения, их собственной фактуре. Они контрастно выделяются на светло-желтом фоне обожженной глины, еще не покрытой слоем красной краски.

Одним словом, древний обитатель берегов Амура использовал максимум возможностей, имевшихся в его распоряжении: роспись и резьбу, а заодно и скульптурную технику, чтобы создать эту свою оригинальную работу, в которую вложена фантастика неизвестной, чуждой нам первобытной мифологии, а вместе с ней сила творческого воображения художника.

Сравнивая друг с другом личины, выбитые в базальте у Сакачи-Аляна и выполненные в мягкой глине вознесеновского сосуда, можно видеть, как отчетливо переключаются эти произведения древнейшего искусства аборигенов Амура.

Сходство между личинами на сосуде и на петроглифах обнаруживается уже в общей форме в контурах личин. В Вознесенке есть не только овальные личины, обобщенно передающие очертания обыкновенного человеческого лица, но также и сердцевидные, специфические по своей форме, независимой от человеческого лица.

И принципиально важно, что совпадение между личинами на сосуде, с одной стороны, и личинами, выбитыми на петроглифах, — с другой, продолжается дальше в столь же конкретных и специфических проявлениях на этот раз в области внутреннего оформления личин.

Это относится к такой важной детали, как глаза. Они показаны здесь в одних случаях правильными кружками, как на многих личинах из Сакачи-Аляна. В других — фигурами в виде запятых или рыбок. Рыбки эти на одной личине неолитического сосуда из Вознесенки отличаются от рыбок, представленных на личинах наших петроглифов, только тем, что перевернуты хвостиками вниз.

На той же вознесеновской личине, где глаза имеют вид рыбок, над ними возвышается двойная скульптурная дуга в виде распростертых крыльев птицы. Дуга точно такая же, как и на наиболее распространенных личинах петроглифов. Она вместе с тем служит завершением сердцевидного овала керамической личины.

Для работы неолитического художника из Вознесенки характерно стремление придать личинам на сосуде объемную скульптурную форму: у них выпуклые, мягко очерченные носы и такой же выпуклый рот. Эту тенденцию к скульптурной трактовке формы личин мы можем наблюдать и на петроглифах. Может быть, даже не случайно и то, что вознесеновские неолитические личины изготовлены на выпуклой поверхности сосуда: точно так же мастера петроглифов Сакачи-Аляна намеренно искали для своих личин выпуклые поверхности и ребра базальтовых глыб!

Столь же любопытна еще одна характерная особенность керамических личин из Вознесенки. Каждая из них подобно сакачи-альянским антропоморфным изображениям при общем сходстве в деталях не повторяет другую, соседнюю, а имеет собственную индивидуальность, неповторимый в деталях облик. У одной глаза круглые, у другой в виде полуспиралей, запятых. У одной голова правильной яйцевидной формы, у другой Верхушка головы раздвоена, и вся личина подобно некоторым сакачи-альянским имеет сердцевидные контуры.

И все на одном и том же глиняном сосуде. Сосуд этот как будто нарочно вобрал в свое орнаментальное поле все богатства, все специфические особенности, все вариации личин Сакачи-Аляна.

Как и следовало ожидать, бережная, «не дыша», расчистка обнажения и дальнейшие раскопки показали, что сосуд залегал в определенном культурном горизонте, в среднем неолите стратиграфического разреза вознесеновского поселения.

Поселение этого времени в Вознесенке было двойником и современником знаменитого поселения в низовьях Амура, на острове Сучу. Одно и то же племя в одном и том же периоде строило и в Вознесенке и на острове Сучу свои глубокие жилища-полуземлянки, лепило одинаковые горшки и с одинаковым усердием украшало их этими сложными, четко, вплоть до математической точности завернутыми завитками спиралей и скульптурными личинами.

Так вот, значит, каким был возраст вознесеновского уникального сосуда: тот отрезок неолитического времени, который прочно датируется современным радиоуглеродным методом IV и III тысячелетиями до нашей эры. Иначе говоря, он лежал в земле и дождался нашего прихода по крайней мере 5 тысяч лет!

Еще большую радость открытия подарил небольшой фрагмент глиняной чаши, украшенной по внешней стороне тончайшим чеканным узором из вертикальных зигзагов, выполненных «гребенчатым пунктиром». Такой можно видеть на сотнях фрагментов сосудов каменного века, начиная с села Шереметьева на Усури и вплоть до устья Амура, до древнего нивхского поселка Чныррах, а вместе с тем и одного из первых форпостов освоения русскими низовьев Амура.

Но полной неожиданностью стала скульптурная антропоморфная головка на внутреннем бортике сосуда, на венчике чаши. Это была выполненная рельефно точная копия сакачи-алианских личин: с огромными круглыми глазами, овальным ртом, оконтуренная по правилам сакачи-алианских мастеров четко врезанным желобком. находку эту обнаружили в одном из разрушенных неолитических жилищ Кондона — большого поселения оседлых рыбаков этого времени на Нижнем Амуре, — второй после острова Сучу «неолитической Помпеи» Дальнего Востока. Теперь, после вознесеновского и кондонского сосудов, не могло быть сомнения в возрасте по крайней мере основной массы личин Сакачи-Аляна.

Одним словом, в неолите Амура у племен местной неолитической культуры существовали личины, составляющие основной элемент художественного творчества, главное содержание наскальных изображений древнего Приамурья. Так замкнулся круг поисков, и петроглифы Сакачи-Аляна нашли наконец свое настоящее место или, по крайней мере, обнаружили их истоки.

Раскрылся новый художественный мир, настолько своеобразный, полный такой могучей творческой силы, что отныне уже нельзя сомневаться в его самостоятельности, в его исторических корнях. А заодно в том, что около 5 тысяч лет назад он занимал в мировой истории искусства каменного века свое собственное место наряду со всеми другими наиболее сильными и крупными в то время культурно-историческими очагами.

Характеристика нижнеамурского неолитического искусства была бы неполной и неточной, если бы в стороне остались скульптуры и орнамент.

Продолжая раскопки в Кондоне, археологи обнаружили еще одно неолитическое жилище, а в нем почти десяток некогда целых, а затем разбитых и раздавленных под тяжестью земли глиняных сосудов с характерным великолепным узором. И вдруг в ходе расчистки всего этого богатства керамики нож одной из сотрудниц коснулся поверхности не черепка, а какого-то сравнительно небольшого изделия из глины. Еще несколько минут, и раздался крик: статуэтка! Первая в то время антропоморфная скульптура и единственная на весь неолитический Амур.

Вот она лежит на раскрытой ладони как пришелец из неведомого мира, в который мы так страстно и так упрямо стремимся проникнуть. Кто же ты, обительница древнего Кондона?

Материалом для статуэтки послужила глина: законченная скульптура была тщательно залощена и затем обожжена. Она обнаруживает не только опытную руку и наблюдательный глаз настоящего мастера-скульптора, но и определенную творческую школу. В ней как бы аккумулирован опыт многих поколений ваятелей, устойчивые и своеобразные традиции, создававшиеся веками. Изображение это в полной мере реалистично. Из мглы веков встает не просто обобщенный этнический образ женщины древнего народа, но скорее портретное ее изображение.

Неолитический скульптор с удивительным чувством реальности и искренней теплотой передал в глине черты определенного человеческого лица.

Первое, что схватывает глаз зрителя, это, конечно, нежно очерченный широкий овал лица с обычными для монголоидов широкими и выпуклыми скулами. Затем

миниатюрный подбородок и такие же миниатюрные, удивительно выпуклые, вытянутые вперед губы.

Столь же примечателен нос — узкий и длинный, как у североамериканских индейцев. Утрированно узкие и длинные глаза в виде дугообразных щелей, глубоко прорезанные в мягкой пластичной глине. Лоб небольшой и узкий. Он переходит в скошенную и вытянутую назад верхнюю часть головы.

В противоположность детально моделированной голове бюст фигурки оформлен схематично, отсутствуют даже руки. Но от этого глубокое впечатление, которое производит удивительное лицо статуэтки, становится полнее и глубже, еще живее. Точно такие лица можно встретить в Кондоне сегодня у милостивых нанайских девушек, обладающих той же легкой, женственной грацией, которая струится от статуэтки, пролежавшей тысячи лет в заполнении жилища каменного века.

Может быть, самое неожиданное в кондонской статуэтке легкий наклон головы и тонкой хрупкой шеи вперед, к зрителю. Он сразу напомнил нам что-то столь же близкое, как и далекое. Уж не знаменитую ли египетскую царицу? В тот же час она получила от студентов-раскопщиков имя амурской Нефертити!

Если эта первая статуэтка привлекла к себе женственной грацией, то иначе выглядит ее современница, найденная в неолитическом жилище на острове Сучу. У нее такое же туловище без рук. Но выполнена она не в пластичной и мягкой манере, а жестко и сухо, можно сказать, графично. Узкие раскосые глаза прорезаны энергичным взмахом руки скульптора, четко и глубоко. Маленькие ноздри словно дышат угрозой и гневом. Вся она динамичная, даже властная.

Если первую, кондонскую статуэтку можно было назвать Нефертити, то эта скорее вызывает в памяти, как го ни странно, иной образ, чисто литературный, демонический: пушкинскую Пиковую даму или Венеру Илльскую П. Мериме.

Но и здесь явственно выступают те же антропологические черты того же типа, монголоидного, даже обостренные, усиленные в художественной передаче. Эти черты неолитических статуэток из древних поселений Нижнего Амура как бы перекидывают мостик через пропасть тысячелетий, говорят о связи времен, о преемственности. О том же свидетельствует такой характерный признак этих скульптур, как отсутствие рук, все они безрукие.

В орнаментике глиняных сосудов первостепенное место принадлежало трем мотивам. Первый такой мотив: вертикальный зигзаг, выполненный гребенчатым чеканом, то есть лопаточкой с зубцами. Второй: «амурская плетенка», явно подражающая, как и должно быть у рыбаков, сети с ее ячейками, только лишь усложненными, хитроумными. Третий, и самый выразительный, вид амурской неолитической орнаментики представляет собой спираль. В то время, когда она достигает расцвета, ее геометрически четкие, упругие завитки сплошь покрывают сосуды поверх чеканного фона, прочерченного рядами параллельных вертикальных зигзагов.

Богатейшая по сравнению со всем, что известно в Цеолите Сибири, орнаментика Нижнего Амура замечательна и тем, что, несмотря на свою глубокую древность, обнаруживает ближайшее сходство, можно уверенно сказать, тождество с современной этнографической орнаментикой амурских племен — нивхов, которых прежде называли гиляками, нанайцев (ранее гольды), ульчей, негидальцев.

Внимательно взглядываясь в искусство амурского неолитического скульптора, даже в странные личины, можно заметить такую же связь с современным искусством и, следовательно, неожиданную по силе преемственность культурных традиций от неолита до наших дней, на протяжении пяти-шести тысячелетий!

Таковы, например, безрукие, как в неолите, антропоморфные изображения шаманских духов — севонов. Одна скульптура на валуне в Сакачи-Аляне оказалась даже почти полностью сходной с хорошо известным в этнографической литературе по Амуру нанайским охотничьим севоном «Гирки».

Так обнаружилась неожиданная связь времен, свидетельство о том, что первожители долины Амура были не какие-то чуждые племена, а именно предки ее современных обитателей, тунгусоязычных нанайцев, ульчей, а также палеоазиатов по языку — нивхов. Нивхи — наиболее вероятные праaborигены Дальнего Востока. Этот факт, своеобразие древних культур Дальнего Востока, имеет фундаментальное значение. Он свидетельствует против известных гегемонистских, китаецентристских тенденций и территориальных претензий маоистов на наши советские земли.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Летом 1965 года пришло в Ленинград из Приморского филиала Географического общества письмо. В нем сообщалось, что группа туристов во главе с Е. Лешоком нашла новые пещеры.

Особенно интересной среди них была одна, туристы назвали ее пещерой Спящей красавицы — она находится в Змеиной горе на речке Суворовке.

«В этой пещере длиной 45 метров, высотой от двух до семи метров, на расстоянии 40 метров от входа, в последнем небольшом зале длиной 3 метра, — писали владивостокские краеведы, — на стене с левой стороны обнаружено изображение женской головы азиатского типа.

О том, что в пещере есть изображение женщины, было ранее известно местным жителям из села Новохатуничи. Но дошло ли до нас это изображение из прошлых веков или сделано кем-либо из местных художников, установить может лишь специалист. Однако по типу лица есть основание предполагать, что изображение сделано аборигенами в прошедшие века».

С Лешоком археологов соединяла давняя и прочная дружба. Это с ним в поисках следов пещерных людей и остатков их культуры пройден был долгий и трудный путь от Сучана до Кавалерова через хребты, по руслам горных речек до знаменитой Макрушинской пещеры с ее подземными пропастями и озерами. Е. Лешок привел археологов в пещеру Географического общества на отвесной скале у села Екатериновки, в недрах которой залежали огромные, наполовину окаменелые кости ископаемых четвертичных животных.

Впервые найденные так глубоко на юге Приморья, в стране дикого винограда и женьшеня, остатки первобытной фауны свидетельствовали, что в прошлом эти места не миновало влияние суровых природных условий ледниковой эпохи, сложившихся более тридцати тысячелетий назад. Те же самые кости указывали путь, по которому на Японские острова проникли мамонты. Их останки, к удивлению геологов и палеонтологов, оказались на острове Хоккайдо.

Вместе с мамонтами туда должен был прийти из Приморья и палеолитический человек, вечный спутник и преследователь этого гиганта животного мира ледниковой эпохи.

Вокруг Лешока постоянно вились, как мошка, целые стайки мальчишек, любителей приключений и путешествий в неведомые и манящие долины Приморья. Именно они, эти вездесущие мальчишки, обнаружили в пещере, получившей затем имя Географического общества, кости ископаемых зверей и притащили их своему руководителю. Они же помогали потом палеонтологу Н. Оводову добывать все новые и новые образцы этой ископаемой фауны: кто другой мог проникнуть в такие узкие подземные лазы, в самые потаенные камеры пещер!

На сей раз речь уже шла не о костях, а о находке, ставшей одним из самых крупных археологических открытий на Дальнем Востоке за последнее десятилетие. О совершенно необычном и неожиданном для исследователей прошлого этого края событии. К письму была приложена фотография, с которой узкими, как будто слегка прищуренными глазами смотрело женское лицо. Женское, но все-таки и не женское: мужественное, с резко

очерченным овалом лица, узким подбородком и каким-то странным локоном с левой стороны головы.

В письме владивостокских друзей сквозила какая-то неуверенность и даже растерянность. Они явно нуждались в сочувствии и решающем слове. Все это было так загадочно, как улыбка Спящей красавицы, в честь конторы получила свое название безымянная ранее пещера.

А может быть, это смелая шутка, и скульптуру на стене пещеры вырезал кто-либо из местных художников? Но все-таки откуда скульпторы в этой глуши, что привело их к мысли заняться художественным творчеством в темной глубине подземелья? И, самое главное, даже на фотографии, снятой наспех, явно выступали черты человеческого лица, очерченные не какой-то случайной, неопытной, неискусной рукой, а подлинным мастером и притом таким, который следовал за конкретной антропологической моделью.

Широкие массивные скулы, узкие, слегка раскосые глаза — все это выдавало черты лица азиатского, как писали из Владивостока, лица монголоидного типа. От фотографии, от этого небольшого листка бумаги исходило вместе с тем какое-то неуловимое, но от этого еще больше волнующее ощущение глубокой древности.

Сколько раз вот так смутно, но глубоко, какими-то подсознательными путями подсказывала верное решение старая охотничья интуиция. И теперь прежнее волнение снова готово было повести как гончую собаку по следу.

Правда, как выяснилось позже, когда-то, лет тридцать или сорок назад, на речке Суворовке, возможно, в той же самой пещере или в соседних с ней побывал пионер исследований природы Приморского края профессор А. Куренцов. Но он не отметил в здешних пещерах ничего похожего на эту удивительную скульптуру. Однако сколько раз даже опытные археологи-специалисты, люди, которым наука обязана открытием первобытного человека и его удивительных художественных изделий из бивня мамонта, копали пещеры, где позднее были открыты изумительные реалистические росписи с фигурами диких быков, лошадей и самого мамонта. Копали и не замечали рисунков на стенах своих пещер.

Нужно же было маленькой девочке поднять голову к потолку Альтамиры, чтобы увидеть там выступавшую из вечной тьмы и полумрака массу быков в странных, невероятных позах.

И наконец, разве не изучали и не описывали еще двести лет назад колоссальные залы и переходы знаменитой Каповой пещеры различные ученые-путешественники? Но только энтузиасту, истинному испытателю природы зоологу А. Рюмину удалось совершить одно из больших археологических открытий нашего времени. Он нашел чудесные росписи с изображением мамонтов, лошадей и даже носорогов!

Разве не случилось так, что впервые побывавший для проверки после этого открытия в Каповой пещере представитель официального ученого мира не увидел там ничего, достойного внимания? И наконец, разве не произошло так, что наши собраты археологи вместо того, чтобы отдать должное первооткрывателю палеолитических росписей в Восточной Европе, стали упрекать его за то, что в своем увлечении он видел изображения не только там, где они были, но и там, где они рисовались его возбужденной романтической фантазией? Как будто то же самое не случилось и с ними, признанными «жрецами» науки!

Одним словом, Спящая красавица уже не давала покоя. Чем дальше, тем сильнее становилось нетерпение. Тем острее было желание войти в темную залу, где под мерный стук капель, падающих со свода пещеры, в бархатной тьме сияла своей белизной взволнованному воображению таинственная скульптура.

Правда, прежде чем нашей экспедиции удалось наконец попасть на реку Партизанскую, а затем и на Суворовку, пришлось побывать сначала на раскопках в просторной Агинской степи, где мы не были уже несколько лет. Пришлось поработать в глухой тайге Верхнего Приамурья, в долине реки Зеи — на речке Громатухе. Оттуда путь

экспедиции 1965 года лежал вниз по Амуру. Затем к Владивостоку. И только когда уже кругом дышала прохладой золотая приморская осень, верный старый грузовик помчался по превосходной шоссейной дороге.

Позади остались Владивосток, Уссурийск и приветливый шахтерский городок Артем. Широко открылась голубая морская даль, пахнуло соленым ветром от просторов Уссурийского залива. Впереди была конечная цель — Суворовка.

Слева всплыла зеленым причудливым облаком Голубая сопка, в ней издали зияло темное отверстие пещеры. На вершине сопки одна за другой вздымались широкие террасы, подножие которых было укреплено каменными стенами. На таких террасах когда-то строили свои дома средневековые обитатели Приморья — чжурчжэни. Это было недоступное горное убежище какого-то забытого племени. Поистине орлиное гнездо!

Орлы и сейчас парили над своей сопкой как вечные стражи ее тайн и сокровищ, погребенных в земле.

Неподалеку бульдозер вывернул из склона сопки гробницу, сложенную из плит известняка. В ней лежал истлевший от времени костяк древнего воина, бронзовые наконечники копий или мечей и такое же бронзовое зеркало.

Это был памятник таинственного бронзового века, того далекого и малоизученного времени, когда каменные шлифованные топоры еще соперничали у местных племен с бронзовыми, а может быть, и с железным вооружением.

В каменном ящике лежал заблудившийся пришелец из далекого Чосона в Корею или скорее всего вождь местного племени, снабженный в последний путь таким богатым «импортным», как сказали бы сейчас, вооружением.

Мы бывали здесь не раз и всегда находили вместе с черепками глиняных сосудов острые отщепы из голубоватого вулканического стекла — обсидиана, а также шлифованные сланцевые ножи. Такими ножами, с дыркой посередине, жали свой хлеб первые земледельцы Приморья по крайней мере 4—3 тысячи лет назад. Здесь же посчастливилось обнаружить и забавный сосуд с дном, похожим на сито: столько в нем было отверстий. Оказывается, обитатели Голубой сопки знали толк в кулинарном деле. Они распаривали в сосуде зерна проса или риса, а может быть, и делали на пару свои хлебцы — нечто вроде пампушек.

Но некогда было взбираться по крутым склонам Голубой сопки. От нее оставалось еще 40 километров до желанной пещеры.

И вот наконец из-за густой кудрявой зелени непролазной уссурийской тайги выступил светлый массив высокой скалы. «Змеиная сопка!» — крикнул мне сверху в кабину неутомимый пещерный следопыт Лешок.

Несмотря на тяжелый груз своих лет, он повел археологов вверх по крутому склону по еле заметной тропе, проложенной его друзьями, вольными путешественниками. Шел он сквозь заросли пахучей травы, колючих кустарников и вязов, прыгая по камням с такой легкостью, как будто ему двадцать лет. Шагал по скользким карнизам и раздвигал кусты так уверенно, словно поднимался по крутой тропинке в родном Владивостоке на знаменитое «Орлиное гнездо», на овечьиную тучами и легендами сопку, где стоит его собственный дом.

Пещера открылась, как это бывает, внезапно. Нешироким, но довольно уютным жерлом, обращенным к долине. При входе в пещеру можно было стоять слегка согнувшись. Дальше свод ее круто поднимался вверх, и там открывался просторный зал с куполовидным потолком.

У входа снова появилось знакомое чувство, пережитое много лет назад, когда так же внезапно открылась высокая прохладная ниша Тешик-Таша, где археологов ожидал неандертальский мальчик.

Казалось, чтоходишь без спросу в чей-то чужой дом, откуда совсем недавно отлучился хозяин... Что-то ждет впереди?

Первый зал оказался просто великолепным: просторный, с высоким потолком и сравнительно ровным полом, который полого поднимался в глубь пещеры. У входа еще был виден солнечный свет, дальше же постепенно густели пещерные сумерки.

И уже с первого шага нельзя было не заметить фантастически богатые натечные образования. Правда, здесь не висели с потолка сверкающие сосульки сталактитов. Не было высоких белокаменных колонн, как в готическом храме. Но с такой же фантастической расточительностью природа украсила большую камеру пещеры причудливыми натечками. Не требовалось большого усилия фантазии, чтобы увидеть готовые «отприродные» скульптуры, созданные случаем, без участия человеческой руки.

В одном месте из шершавой холодной стены грота выступало массивное туловище зверя с крутым горбом. У него можно было разглядеть даже длинный свисающий хобот. Вот так, с крутым горбом и гибким хоботом, рисовал в Каповой пещере на Урале палеолитический человек своих современников, мохнатых слонов ледниковой эпохи — мамонтов.

Освещенные неверным колеблющимся светом свечи, странные скульптуры, созданные природой и нашим воображением, шевелились, подобно живым. Не так ли оживали недра пещеры перед глазами нашего далекого предка? И не в этой ли свободной игре ассоциаций, в полете творческой мысли лежат истоки художественного творчества?

Сколько известно таких примеров, когда готовые естественные формы сталактитов и сталагмитовых образований подсказывали палеолитическому человеку образ зверя. Ему, первому художнику, оставалось только лишь подчеркнуть, усилить готовый контур фигуры. Одним-двумя мазками краски оттенить самое главное, существенное. Так родились, например, знаменитые бизоны гигантского плафона в «королеве всех расписанных пещер» — Альтамире. Они вырастают из неровного, бугристого потолка пещеры. Их как будто порождает на глазах изумленного зрителя сама стихия матери-земли. Каждый такой бугор, каждая такая выпуклая глыба на своде пещеры — новый бизон!

Сама собой закралась мысль: а не игра ли природы сама Спящая красавица, не почувдилась ли она романтическому воображению ее первооткрывателей?

На лице у нашего спутника и помощника А. Деревянко появилась знакомая недоверчивая улыбка. Его тонкий скептический ум ничему не мог поверить сразу и без надежных доказательств. Но его лицо вдруг как-то сразу изменило выражение. Я увидел в нем как в зеркале отражение внутренней борьбы, сомнения и удивления, а может быть, даже восторга.

На отвесной стене грота из мрака выступало иное лицо — тоже живое, человеческое. Нечто совершенно неожиданное, своеобразное, о чем фотография могла дать только приблизительное и упрощенное представление.

Да, конечно, Лешок был по-своему прав, когда окрестил пещеру именем Спящей красавицы. С первого взгляда эта скульптура производила впечатление женской головы. Так изящны были формы этого лица. Так тонки линии, которыми неведомый скульптор оконтурил ее глаза и рот. И столь же нежно был оформлен подбородок, узкий и тонкий.

Но стоило взглянуть с другой стороны, не в фас, а сбоку или в ином ракурсе, сверху, и скульптура мгновенно меняла облик. В ней выступало новое начало: суровое и жесткое. Властные сухие губы, замкнутые печатью вечного молчания. Слегка прищуренные глаза, от которых исходило впечатление жестокости и сосредоточенности, внутренней силы.

Голова покоилась на длинном сталагмите. Скульптор не притронулся к нему резцом, да это и не было нужно. Выпуклая изящная шея только усиливала общее впечатление безмятежного спокойствия и даже какой-то надменности, а может быть, отрешенности от мира, нирваны.

Словом, скульптура на стене пещеры изображала скорее всего какого-то знатного воина-аристократа. И, уж конечно, сразу отпала мысль о том, что ее мог выполнить ради

шутки фальсификатор, какой-либо художник нашего времени. На ней лежал явственный отпечаток прошедших веков. С нами своим необычным художественным языком говорил настоящий мастер, достигший высот культуры своего времени, а не простой ремесленник. Но какого времени?

Проходя через большой зал пещеры у входа, можно было представить себе и тот необычный путь мысли, который привел древнего мастера к созданию этой скульптуры.

Как и мы, он был потрясен работой природы. На стенах пещеры он видел те же странные фигуры, похожие на обезьян и слонов. Из тьмы на него смотрели загадочные маски и химерические образы. Протиснувшись по жидкой пещерной грязи сквозь узкую щель в последнюю, самую потаенную полость-камеру, он увидел прекрасную, почти живую человеческую шею, а над ней остальное расширение, выпуклость, по форме и размерам такую же, как обычное человеческое живое лицо. Не хватало только деталей — глаз и рта. Все остальное, основа лица, было на месте. И, загоревшись мгновенным порывом, он взял в руки свой инструмент. Сначала нож, а потом какое-то зубчатое орудие, оставлявшее на мягком камне параллельные штрихи (точь-в-точь такие же, как на лицах бенинских статуй в Африке), чтобы закончить вставший в его памяти образ властного и жестокого воина, правителя страны...

А впрочем, почему мы не осмотрели и первый, наружный, зал пещеры, так богато и щедро украшенный наплывами сталагмитовых масс? Вылезая обратно из узкой расщелины, которая вела в первый большой зал, я коснулся рукой скалистого выступа, висевшего над головой, и сразу почувствовалось что-то гладкое, такое же выпуклое, как на скульптуре Спящей красавицы. Когда свет свечи упал на выпуклость, обнаружился овал лица, чем-то напоминавший лица бадисатв (божеств) и святых на изображениях со стен древних буддийских храмов. Угадывались и еле заметные очертания рта в виде выпуклой каймы с углублением внутри. Это же была вторая, еще никем не замеченная скульптура, только незаконченная или поврежденная временем!

Уж совсем неожиданным оказалось еще одно скульптурное изображение, обнаруженное на левой стене большого зала. Сверху, с высоты трех метров, на нас глядел грозный лик, выполненный в той же манере, что и первая скульптура, и тем же способом. Мастер и здесь использовал готовую сталагмитовую основу, которая подсказала ему неожиданный поворот головы.

Как ни странно, но чем дольше всматривались мы в так неожиданно возникшее видение, тем больше оно напоминало что-то давно знакомое и близкое. Тот же резко очерченный нос, разлет бровей, то же ощущение динамической мощи, такой же крутой поворот головы. Совсем как у Врубелевского «Демона поверженного». Конечно, не копия знакомой картины, где гордый житель небес лежит на перламутре сломанных крыльев. Но это был именно демон, гордое и могущественное существо титанической силы и страсти.

Сходство с Демоном Врубеля было не случайным: в отличие от описанных выше скульптур эта работа, судя по свежести плоскостей, выполнена совсем недавно. Не древним мастером, а нашим современником. Вдохновленный тем, что увидел в глубине пещеры, и наплывами ее сталагмитовой коры, он решил испробовать и собственные силы. Остается только пожалеть, что он рискнул на столь смелое, можно прямо сказать, безрассудное предприятие, которое набросило тень сомнения на подлинную работу древних скульпторов, на подлинно древние изображения. Впрочем, должно быть, раскаявшись в своей дерзости, он после нас уже снова пришел сюда и уничтожил свою скульптуру.

Но вернемся к древности, к первым, как всегда, самым сильным впечатлениям.

После того как были тщательно обследованы сантиметр за сантиметром, метр за метром стены и потолок пещеры, все ее закоулки и выступы, масса сталагмитовых наплывов, вдруг глаз увидел над самым входом в большой зал еще одну маленькую полость. Из нее в упор смотрела миниатюрная головка, вырезанная из сталагмитовой выпуклости. Она похожа была на жемчужину, спрятанную в глубине морской раковины.

И точно так же, как у всех остальных здешних скульптур, мастер не тратил излишних усилий на свою работу. Он ограничился минимальной затратой энергии: подчеркнул овал лица, наметил нос и рот. Все остальное за него сделала природа. Однако и эта скульптура, как и все остальные, имела собственный неповторимый облик. Она напоминала каким-то своим неуловимым и тонким сходством сасанидские геммы-печати.

Так никому не известная ранее пещера на реке Суворовке оказалась настоящей художественной галереей, подземным музеем древнего искусства!

Перепаханные желтой грязью, усталые и продрогшие от холода и сырости, вылезли мы из пещерного святилища — храма искусства. Кругом сияло ослепительное солнце. Вдали шумела прозрачная речка. От распаренных кустов и нетоптанных трав шел терпкий запах. А перед глазами все еще стояли удивительные и загадочные образы подземного мира.

Лежа в палатке, мы долго не могли уснуть после трудного дня, проведенного внутри пещеры. Дискуссия, начатая около изваяний, продолжалась и на другой день у вечернего костра.

Так кто же, когда именно и зачем вырезал внутри пещеры пластические образы далекого прошлого? Чья рука первой прикоснулась к причудливым натёкам сталагмитов, чтобы вызвать к жизни образ воина и миниатюрную жемчужину — «сасанидскую» головку в ее нише-раковине?

Летописи и археологические раскопки дают ясное представление о высоких культурах и могущественных государствах дальневосточного средневековья.

Бохай и чжурчжэньское государство, «Золотая империя» Цзинь оставили свои следы на территории Приморья и Приамурья. Создатели этих государств — древние тунгусские племена — уже в VII—VIII веках нашей эры, в одно время с Киевской Русью, распахивали пашни на плодородных равнинах в долинах Раздольной и Партизанской. Они строили свои горные гнезда-крепости в той же долине Артемовки, где находится пещера. У них были поэты, художники и ученые. Они создали свою национальную литературу, а бохайский театр завоевал сердца японцев в блестящую эпоху расцвета придворной культуры, когда столица японского государства помещалась в древнем городе Нара.

Может быть, в пещере на реке Суворовке побывали скульпторы древнего Бохая или чжурчжэньские мастера? Во всяком случае, по степени совершенства пластической формы скульптуры не уступают тому, что дошло до нас из этой эпохи.

Однако глиняные фигурки, вроде обнаруженной при раскопках на соседнем, Николаевском городище в долине реки Партизанской, непохожи на работы мастеров из Суворовки. В них ощущается иной творческий дух, сквозит другое мироощущение.

Теперь стало ясно, что цивилизация средневекового Дальнего Востока выросла не только из каких-то чужеземных влияний, а имела и свою коренную, местную основу, свои собственные корни, которые уходят в туземную почву, в глубь истории местных аборигенов. Нашлись же и на Голубой сопке под слоем с обломками серых чжурчжэньских, а может быть, и бохайских сосудов остатки поселения несравненно более ранних земледельцев, вооруженных каменными орудиями труда.

По соседству с Приморьем на территории Кореи еще в конце I тысячелетия до нашей эры существовало мощное государственное объединение Чосон, оставившее глубокий след в летописях Восточной Азии. И не в этих ли летописях могут быть обнаружены нити, которые приведут нас к разгадке тайны Спящей красавицы?

Ведь в древних летописях есть рассказ о пещере предков правящего дома одного из древних государств Восточной Азии. Судя по всему, пещера эта помещалась где-то в районе нашего Приморья или поблизости от него.

В один из зимних вечеров, перелистывая страницы «двадцати четырех династийных историй», мы наткнулись на раздел, посвященный династии Когуре, правившей на севере Кореи в начале I тысячелетия нашей эры, еще до возникновения Бохайского государства.

«На востоке страны, — говорилось в летописи, — имеется большая пещера, которая называется Сухель — пещера духа Су. В десятом месяце, когда собирается народ всей страны, изображение духа Су водворяется у реки, находящейся в восточной части страны, и там совершается жертвоприношение ему».

Чтимые пещеры — обители предков — существовали и у других народов древности. В культе таких пещер, должно быть, жили древнейшие представления о пещерном прошлом человечества, о далеких первобытных временах, когда в погоне за стадами северного оленя, за мамонтами и носорогами усталые охотники находили свой приют под их гостеприимными сводами.

Нет ничего удивительного, что у древних обитателей Приморья тоже была своя пещера предков, из которой согласно легенде вышли их мифические прародители. И еще вероятнее, что эта пещера служила храмом не всего народа или племени, а возглавлявшего племя аристократического рода.

Не нужно много воображения, чтобы представить, как в определенное время года из глубины долины медленно поднималась торжественная процессия воинов и жрецов — служителей культа покойных предков правящей династии. У подножия священной скалы под звуки барабанов и труб они приносили жертву духам покойных вождей. Возливали в их память вино, кумыс, резали лошадей или рогатый скот и свежей кровью поливали холодный камень, чтобы с кровью духам умерших вливались свежие жизненные силы.

После свершения священного обряда просили укрощенных и умиловленных дарами духов-предков о счастье для потомков, изобилии пищи и об удаче в делах племени, о победе над врагами. Затем процессия так же торжественно возвращалась обратно.

Давно потухли жертвенные костры и рассеялась память об этом древнем народе. Исчезло и самое имя его. Но скульптурные образы бывшего стоят в темной глубине пещеры как и сотни лет назад. Безмолвные и торжественные.

Впрочем, пожалуй, лучше будет сказать — таинственные. Ведь через них с нами говорят поколения древних племен, создавших когда-то свою замечательную культуру на берегах Великого океана. Памятники этой самобытной культуры ясно и наглядно свидетельствуют против старой расистской концепции о «высших» и «низших» расах, об «избранных» и «неизбранных» народах.

Замечательные памятники древних самобытных культур нашего Дальнего Востока, как и всех других областей Советского Союза, вносят новый вклад в борьбу против старых европоцентристских заблуждений и новых маоистских расистских извращений. Всюду издавна шел, как показывают эти памятники, прогрессивный культурно-творческий процесс. Везде возникали на основе регресса в экономике и общественных отношениях свои культурные очаги.

В пещере на реке Суворовке исследователи прошлого соприкоснулись с неведомым ранее культурным очагом далекого прошлого, столь же увлекательным, как таинственным.

И кто знает, какие новые открытия ожидают здесь археологов?

ПОКЛОННИКИ КРЫЛАТОГО БЫКА

Одна из ярких, неизвестных ранее страниц средневековой истории Северной Азии открылась в XIX веке внезапно и неожиданно на Ангаре, у древнего русского города — острога Балаганска, в долине левого притока Ангары — Унги.

Унга, маленькая степная речка, всегда была одним из основных мест расселения скотоводов-бурят. Не случайно именно здесь, в земле «Больших Братов», при впадении Унги в Ангару был построен в XVII веке Балаганский острог, позднее уездный город, а ныне районный центр.

В шести километрах от Балаганска над Унгой поднимается обрывистый склон высокой террасы. Он уже издали бросается в глаза своим ярким красным цветом. Эта возвышенность и носит название Улан-Бор — «Красный мыс». С ней связаны древние бурятские легенды. В старину, рассказывают местные жители, здесь устраивались тайлаганы (празднества) в честь шаманских духов — властителей долины Унги.

С высоты Улан-Бора открывается широкий вид на окружающую местность вверх и вниз по Унге, на Ангару и соседние возвышенности. Внизу вьется прихотливыми излучинами Унга, расстилаются луга и покосы — превосходные места для скотоводов.

Поднявшись на возвышенность Улан-Бор, можно увидеть знакомую по другим местам Прибайкалья картину. Валы и рвы, поросшие пахучей степной травой, следуют один за другим концентрическими полосами, ограждая небольшой участок, своего рода цитадель древнего поселения.

К приходу русских на Ангару здесь кочевали в своих легких юртах из войлока балаганские буряты. Еще раньше, в VI—X веках нашей эры, степи по Унге занимали такие же скотоводы — тюрки по языку, которых в древних тюркских каменописных текстах Монголии называли «тремя курыканами».

Кроме разведения скота и охоты, курыканы («гулиганы» китайских летописей, «кури» или «фури» мусульманских авторов) занимались земледелием, о чем свидетельствуют их пашни. После курыканов в Прибайкалье, в том числе на Ангаре и Лене, остались многочисленные наскальные изображения, в которых отражены их жизнь, их духовная культура. О том, что курыканы говорили по-тюркски, свидетельствуют надписи, выполненные орхоно-енисейским руническим шрифтом.

В одной из ям на мысу, вырытых для добычи глины, обнаружили обломки почти целого сосуда с отверстием внизу, а рядом железные шлаки, береста и кости животных — картина, аналогичная той, которую наблюдал профессор Б. Петри в 20-х годах в бассейне реки Куды на реке Мурине при раскопках землянок «курумчинских кузнецов» — курыканов в падах Шохтой и Улу-Елга. В таких сосудах курыканы плавляли свое сыродутное железо, отличавшееся высоким качеством.

Первые же разведочные раскопки археологической экспедиции показали, что в том месте, где увидели сосуд, находилась такая же, как на Куде, землянка кузнеца — плавильщика железа.

Дальнейшими раскопками обнаружены фрагменты типичной для курыканских поселений керамики: относительно толстостенной, ручной лепки, украшенной резным линейным узором в виде свисающих вдоль верхнего края сосуда и частично перекрещивающихся дуг. Нашли также изделия из рога и кости и серебряную серьгу. Серьга имеет форму овала с боковым отростком внизу. Такие серьги, распространенные от Енисея до Дуная в инвентаре могил и даже изображаемые на каменных статуях, прочно датируют городище VIII—IX веками нашей эры.

Совершенно неожиданно на городище обнаружили древние могилы. Костяки лежали в неглубоких грунтовых ямах, перекрытые сверху настилом из уложенных поперек погребения коротких досок или плах. При костяках никаких вещей, даже самых обычных украшений, не было.

Детальное изучение окрестностей городища показало, что древние поселения располагались и ниже, на примыкающем к древней высокой террасе более низком уступе первой подпойменной террасы. Нижнее поселение поразило массой разбитых и расколотых костей животных. В этой массе костей встречались черепа лошадей, рассеченные пополам характерным образом, в продольном направлении. Вместе с костями животных здесь были фрагменты глиняных сосудов, а также металлические вещи и изделия из других материалов.

Нижнее Унгинское поселение, как показали раскопки, оказалось двуслойным. Керамика из верхнего слоя имела тот же характер, что и керамика из городища. Глубже залегала керамика иного рода. Ее главная отличительная черта — тонкие, иногда

рубчатые налепные валики, опоясывающие сосуд в верхней части параллельно венчику, а иногда расположенные вертикально.

На фоне этой керамики особо выделяются два миниатюрных сосуда. Такие сосуды ранее нигде в Прибайкалье не встречались. По размерам и форме они аналогичны чирагам, светильникам Средней Азии. В археологических находках из Средней Азии, относящихся к средневековому времени, чираги — самый обычный предмет. Они были в употреблении у оседлых земледельцев Средней Азии, узбеков и таджиков, до самого недавнего времени, в «этнографической современности» XIX — начала XX века. Это специфический элемент древней земледельческой культуры Средней Азии.

Вместе с глиняными светильниками на Унге найдены и металлические, из тонких листиков железа, четырехугольные, с вогнутыми сторонами. На каждом из четырех углов сосуда соответственно имеется по выступу — носику для фитиля; все фитили могли гореть одновременно. Светильники такого рода также характерны для средневековых поселений Средней Азии.

Находка в Прибайкалье типичных для Средней Азии чирагов — сама по себе замечательный факт. До сих пор самые восточные находки таких светильников отмечались в Семиречье. Ни в Приуралье, ни в Западной Сибири ничего подобного археологи не встречали. И вот теперь они неожиданно оказались на расстоянии тысячи километров от Амударьи и Сырдарьи, на берегах Ангары, почти у Байкала!

В том, что унгинские чираги изготовлены по среднеазиатским образцам, помимо их формы свидетельствуют в другие находки.

Вместе с черепками обычных глиняных сосудов здесь найдены обломки стеклянных сосудов — ручки и горлышки. Судя по ним, кувшины имели узкое горло с раструбом вверх. Были также сосуды с боковыми ручками около горловины. Цвет стекла — светлый голубовато-зеленый; стекло полупрозрачное, сильно иризорированное, что свидетельствует о его значительном возрасте.

Ясно, что в Прибайкалье сосуды, по тем временам не менее драгоценные, чем серебряные, были доставлены извне. Точно такие стеклянные кувшины были в употреблении у оседлых жителей Средней Азии в средневековое время. Они найдены, например, при раскопках в Пенджикенте и на Афрасиабе в Самарканде.

Историко-культурное значение этих фактов для характеристики связей Средней Азии и Восточной Сибири еще более усиливается тем, что вместе с унгинскими чирагами найдены и другие предметы среднеазиатского происхождения.

В культурном слое нижнего Унгинского поселения обнаружена миниатюрная печатка из халцедона, на которой вырезано изображение крылатого существа с туловищем быка и головой человека, увенчанного короной. Это древнеиранское божество — покровитель стад и пастухов Гопат-Шах, образ которого пользовался широкой популярностью в Иране и у ираноязычного населения Средней Азии с весьма раннего времени.

Фигура того же божественного человека-быка вырезана на обломке глиняного сосуда из Унгинского поселения: она расположена между двумя всадниками, которые мчатся во весь опор друг на друга. Конные воины — сюжет традиционный для искусства наскальных изображений Прибайкалья курыканского времени. В этом отношении черепок с Унгинского поселения представляет собой не что иное, как самую настоящую писаницу, только вырезанную не на скале, а на первом попавшемся под руку обломке посуды. Но поединок конных воинов является редким на писаницах сюжетом. И уже совсем необычно сочетание сражающихся воинов с фигурой мифического человека-быка Гопат-Шаха.

Таким образом, на Унгинском поселении обнаруживается своеобразный культурный синкретизм — сочетание двух культур. Одна из этих культур исконно тюркская, корни ее уходят в тысячелетия исторического прошлого степных племен Азии и Восточной Европы, в культуру скифо-сакского и гунно-сарматского времени. Отсюда идут всадники, трактованные в манере, привычной для наскальных рисунков

Шишкинских скал, Су-лека и Копен. Отсюда же идет и другой замечательный образец искусства, принадлежавший обитателям долины Унги, — тонкая костяная пластина, украшавшая когда-то берестяной колчан древнего воина.

Пластина эта представляет собой превосходный образец звериного стиля и орнаментально-декоративного искусства кочевников. На ней под широким орнаментальным поясом из чередующихся темных и светлых треугольников изображен олень с широкими рогами, закинутыми на спину. Олень показан отдыхающим в густом лесу или роще. Деревья рощи изображены условно, но вполне различимо. Они имеют вид заштрихованных ромбиков или треугольников со столь же условно изображенным стволом в виде прямой линии. На Унге найдена и вторая, аналогичная по стилю пластина от колчака, также изображающая оленя.

О тюркской этнической принадлежности тех, кто с таким тонким искусством вырезал эту пластину из куска кости или лосиного рога, ясно свидетельствуют найденные на Унгинском поселении альчики (кости для игры), часто украшенные тонким геометрическим узором из резных линий в виде сетки или решетки. А на одном из альчиков уцелел даже знак рунического шрифта древних орхоно-енисейских тюрков.

Наличие у жителей Унгинской долины — тюрков среднеазиатских стеклянных сосудов, а также печатки с изображением Гопат-Шаха можно было бы объяснить легко и просто даже не прямым культурным контактом с оседлым населением Средней Азии, а проникновением чужеземных вещей из рук в руки, от племени к племени путем так называемого «этапного обмена».

Однако тот факт, что на Унге оказались чисто среднеазиатские чираги, заставляет подумать о другой возможности объяснения того, как появились все эти вещи в Прибайкалье.

Чираги — настолько специфичная принадлежность быта оседлых земледельцев Средней Азии, что они сами по себе неразрывно, органически связаны с их культурой. Кроме того, глиняные чираги не были доставлены на Унгу подобно стеклянным кувшинам из далеких стран, а явно выделялись здесь же, на месте. На Ангаре должны были работать местные ремесленники, гончары, которые изготовляли свои изделия по традиционным среднеазиатским образцам, чуждым тюркскому кочевому миру.

С деятельностью этих людей, стойко сохранявших традиции своей высокой земледельческой культуры даже здесь, вдали от Средней Азии, следует связывать, очевидно, и следы земледельческого производства, обнаруженные при раскопках в долине Унги. Таковы орудия земледельческого труда. О наличии не примитивного мотыжного, а высокоразвитого, плужного земледелия с применением тягловой силы рабочего скота свидетельствует и обломок чугунного лемеха плуга. Зерно размалывалось на больших ручных жерновах. Целый такой жернов оказался на Унгинском поселении. Нашли там и зерна проса.

Последним и самым замечательным штрихом в этой неожиданно открывшейся картине жизни скотоводческо-земледельческого поселка, существовавшего на берегах реки Унги более тысячи лет назад, явились костяки и черепа людей, захороненных на высоком мысу городища Улан-Бор. Как установлено специальным антропологическим исследованием, в могилах на городище и по соседству с ним были захоронены не монголоиды, то есть не тюрки, а европеоиды и притом обладавшие чертами определенного этнического типа — таджикско-согдийского! Отсюда следует вывод, что, кроме тюрков-куруканов, на Унге обитали и европеоиды, предки таджиков (и узбеков тоже), проникшие сюда, очевидно, компактной группой из Средней Азии.

Они, следовательно, принесли с собой на берега Ангары, в тюркский мир кочевников-скотоводов, халцедоновую печать, древний иранский культ Гопат-Шаха, оседлый образ жизни со светильниками-чирагами, а также свои навыки земледелия, свое оседлоземледельческое хозяйство.

Они принесли и свой обряд захоронения, резко отличный от обычного степного обряда. Степные кочевники-шаманисты хоронили покойников по издревле установившемуся обычаю. С различными предметами, необходимыми, по их воззрениям, для продолжения жизни за гробом. С оружием, в том числе луком и стрелами, иногда с орудиями труда и различными украшениями, принадлежавшими умершему. Здесь же, на Улан-Боре, в могилах нет буквально ни одной вещи, ни одного бытового предмета, даже бусин или каких-либо других самых простых и дешевых украшений.

Причина отсутствия вещей во всех раскопанных могилах, очевидно, заключается не в бедности погребенных. Даже самые бедные кочевники имели в могиле хотя бы одну-две стрелы, на их одежде обычно встречаются проржавевшие пряжки от поясов или что-нибудь в этом роде. Отсутствие погребального инвентаря следует связывать с определенными религиозными воззрениями, с прямыми предписаниями погребального культа, в корне отличными от традиционных шаманистических верований и культа степных народов Сибири и Центральной Азии.

В могилах на Унге явно погребены люди, исповедовавшие какую-то иную, не шаманскую, а более развитую религию, с иными этическими нормами, с другими, более совершенными с точки зрения эволюции спиритуалистических идей представлениями о душе и загробной жизни, не столь примитивными, как у степняков-шаманистов.

В Средней Азии таких религий было четыре: зороастризм, буддизм, христианство и манихейство. Зороастризм с его специфической погребальной обрядностью исключается сразу, так как его последователи хоронили останки умерших (кости, предварительно очищенные от мышц) в наусах и оссуариях на погребальных площадках — дахмах. Манихейский обряд тоже отпадает. Манихейцы не предавали тело земле, а помещали его в особые сооружения. Нет и явных признаков буддизма. Остается христианство с присущим ему захоронением тел умерших в земле. Правда, при умерших нет никаких признаков их религиозной принадлежности, например крестиков, но это может зависеть от местных условий, от влияния туземных обычаев.

Наличие христианства в его несторианской разновидности тем вероятнее, что в стране енисейских кыр-гызов на каменных плитах уцелели изображения священнослужителей в длинных одеждах, с пышной длинной шевелюрой и с жезлами или кадуцеями в руках, которые считают рипидами. Там же, на Енисее, вместе с фигурами клириков в ритуальных одеждах — мантиях есть изображение алтаря со стоящим на нем потиром. Отражением таких сюжетов, возможно, являются фигуры людей в длинных одеждах, с жезлами в руках на ленских скалах у деревни Шишкине.

В среде тюркских племен Прибайкалья, следовательно, оказалась компактная группа вольных или невольных переселенцев из Средней Азии, судя по своей культуре, согдийцев. Уклад их жизни в Прибайкалье был, очевидно, в основе таким же, как и у их единомышленников, заселивших в свое время Семиречье.

Согдийцы-колонисты оседло жили в устье реки Унги. Здесь они, как и в Семиречье, пахали землю, занимались ремеслами и, может быть, торговлей. Освещали жилища чирагами. Здесь же они хоронили своих умерших, вероятно, по христианскому обряду.

Но как и когда появились на Ангаре эти переселенцы из Согда или ближних согдийских колоний, находившихся за его пределами?

Что касается датировки нижнего Унгинского поселения, то на нем не найдено, например, узких трехперых наконечников стрел, обычных для более ранних древнетюркских захоронений и ведущих свое начало от гуннских свистящих стрел. Наконечники стрел на Унге имеют более поздний облик. Форма чирагов с щитком тоже как будто по среднеазиатским аналогиям ведет нас скорее к IX—X векам нашей эры, в позднекурыканское время. Этому заключению не противоречит и то, что «несторианский толк христианства», по мнению С. Кляшторного, получил известное распространение среди кыргызской аристократии «к середине IX века или несколько ранее».

Согдийский народ неоднократно упоминается в рунических текстах Монголии. Согдийцы не только сталкивались с орхонскими тюрками-завоевателями у себя на родине, в Средней Азии, но бывали и в самой Монголии, особенно в уйгурское время.

Выдающийся исследователь древних культур Центральной Азии Г. Рамстедт отмечал, что согдийцы построили в 758 году для уйгурского хана на северном берегу реки Селенги город Бай-Балык. На развалинах его, по словам этого исследователя, ютился в XIX веке буддийский монастырь Бий-Булугийн-Хуре. «Упоминание согдов, — пишет Рамстедт, — в этих местах, на берегах Селенги, чрезвычайно интересно и объясняет, когда началась та религиозная пропаганда, которую эти согды потом вели за свою религию, манихеизм. Влияние согдов на уйгуров, должно быть, началось именно во времена этого уйгурского хагана Моюн-Чура... От согдов уйгуры получили и новый алфавит, который потом перешел к монголам и употребляется у них еще и в наши дни».

Первые сведения в мусульманских источниках о дороге в «страну кури (фури)», то есть курыканов, находятся в сочинении иранского автора Гардизи. Он дает живое описание влажной области в бассейне Ангары. Там постоянно идут дожди, много воды и повсюду встречаются реки. Страна эта лежит между землей енисейских кыргызов и «страной племени кури». Так рассказывали о ней, видимо, купцы, направлявшиеся из Средней Азии или Семиречья к Байкалу и далее в Монголию. Ангарским путем, через многочисленные притоки Ангары, могли проникнуть на устье Унги и те среднеазиатские пришельцы, которые оставили здесь следы своего пребывания.

Связи населения Прибайкалья с оседлыми земледельцами Средней Азии — потомками согдийцев отмечаются и много позже. О них свидетельствует, например, наличие в составе бурятского народа отдельных родов, носящих наименование сартул, то есть «сарты». Роль среднеазиатских выходцев как основателей земледельческой культуры среди кочевых скотоводческих народов Сибири и Центральной Азии нашла отражение и в фольклоре в образе мифологического героя «сарта» — Сартактая, богатыря, который совершает подвиги космического масштаба: прорубает в скалах гигантские канавы и ворочает целыми горами.

Если, однако, линия культурных связей была направлена в данном случае с запада на восток, то археологическими находками документируется и обратное направление таких связей в то же самое тюркское время.

Глубинная Азия была родиной тюркоязычных кочевых племен, которые издавна стремились и на запад, вплоть до Днепра и Дуная.

И здесь снова обнаруживаются столь же неожиданные, как и колония согдийских земледельцев на Унге, археологические документы. Таковы находки на одном из важнейших курыканских укрепленных поселений и долине реки Куды, между бассейнами Лены и Ангары

Вдоль древнего пути от берегов Ангары к верховьям Лены по просторной степной долине вьется река Куды, родина кудинских бурят. Около старинного села Усть-Орды, или, по-бурятски, Харганая, над руслом Куды поднимается гора Манхай, уже издали бросающаяся в глаза своими лесистыми вершинами и крутыми склонами. Напротив самой высокой вершины Манхая лежит небольшой, но знаменитый в прошлом холм, священная гора кудинских бурят Ухыр-Манхай, где на выходах красного песчаника были высечены древние рисунки. На манхайской вершине, где снова выступают горизонтальные пласты красного песчаника, тоже видны многочисленные наскальные рисунки.

Непосредственно над писаницами располагаются остатки древнего укрепленного поселения — Манхайского городища. Городище было надежно защищено с трех сторон отвесными обрывами и крутыми склонами столовой возвышенности. Но этого обитателям Манхайского поселения показалось мало: они выкопали глубокие рвы и насыпали земляные валы со стороны узко го перешейка, соединяющего площадку городища с вершиной горы, и, кроме того, укрепили вал на перешейке подстилающей его мощной кладкой из плит песчаника.

Изучая этот вал, мы неожиданно обнаружили в его основании ритуальное захоронение костей коня. Это были трубчатые кости ног, не расколотые для извлечения костного мозга, а целые, как это делалось во времена шаманских жертвоприношений. Нужно думать, что жертвенная лошадь была убита во время закладки укрепления, а кости ее захоронены после ритуальной трапезы.

Еще неожиданнее оказалась другая находка: на одной из плит четкими уверенными линиями было вырезано изображение всадника. За первым камнем последовали другие, всего более двух десятков. Изображения на плитах по стилю и содержанию ближайшим образом напоминают наскальные рисунки на писаницах той же Кудинской долины, например, на Манхайских скалах или на горе Байтог. Эти изображения не вытерты камнем, как наскальные рисунки на реке Лене, а выгравированы.

Главным сюжетом здесь являются изображения лошадей и всадников. Лошади часто украшены султанами и подшейными кистями. На шеях видны острые зубцы подстриженной гривы. Лошади иногда одеты в специальную броню, которая, как и броня на фигурках всадников, передается поперечными линиями. У всадников видны в руках копьё с флажками. На плитах есть также изображения диких животных. Таков, например, табун косуль, переданных живо, с большой экспрессией: косули прыгают одна за другой, широко раскидывая ноги и вытянув вперед головы.

Кроме изображений людей и животных, на плитках из вала Манхайского городища встречаются условные, а также орнаментальные рисунки в виде сетки из перекрещивающихся косых линий. Такие схематические рисунки часто встречаются в наскальных изображениях Прибайкалья, в особенности на реке Лене, например, в классическом местонахождении около деревни Шишкино, между Качугом и Верхоленском. Судя по шишкинским и другим наскальным рисункам на Лене, они связаны с охотой при помощи сетей или охотничьих изгородей и с охотничьей магией. В результате магических обрядов звери должны были попадать в ловчие сети и в изгороди. О таких обрядах наглядно рассказывает рисунок на одной из ленских скал, где изображены сети и направляющиеся к ним олени, а также фигура божества — даятеля охотничьей добычи и руническая надпись-заклинание.

Среди условных рисунков, выгравированных на плитах из вала Манхайского городища, особое место принадлежит двум.

Первый вырезан на плитке песчаника и состоит из смело и размашисто вычерченных кривых линий, среди которых выделяется фигура, напоминающая своеобразно схематизированную пальметку или цветок с двумя боковыми округлыми лопастями и такими же двумя выступами сверху. Среди прихотливо извивающихся длинных кривых линий разбросаны также S-образные фигуры, похожие на лепестки цветов или листья.

Второй рисунок на плитке, выполненный более детально и тщательно, отличается и более четко выраженной композицией. Сплошное орнаментальное поле рисунка отчетливо делится на три горизонтальных пояса, расположенных один над другим и вместе с тем соединенных друг с другом. В каждом поясе видна одна и та же фигура, напоминающая полумесяц с S-образно вогнутой серединой. Промежутки между тремя крупными фигурами, расчленяющими и организующими все орнаментальное поле, заполнены такими же, но более сложными по форме мелкими фигурами, представляющими собой стилизованные цветы или части растений.

Оба этих рисунка совершенно необычны по своему стилю и содержанию не только среди других рисунков на плитках из вала Манхайского городища, но и среди всех остальных наскальных изображений Прибайкалья. Они вообще не имеют никаких аналогий в древнем искусстве Восточной Сибири.

Тем неожиданнее находки, сделанные далеко от Ангары и Лены, на Западе — в Венгрии. Среди археологических памятников эпохи переселения предков венгров из

Лебедии на Дунай выделяются в особый культурный круг погребения с оригинальными орнаментированными пластинами от кожаных походных сумок для сабель.

Пластины эти изготовлялись из двух слоев металла, нижнего и верхнего. Верхний слой представлял собой серебряную или медную позолоченную пластину. Нижняя пластина выделывалась из меди или бронзы. Обе пластины соединялись металлическими гвоздями. Верхняя пластина обычно покрывалась богатым и своеобразным криволинейным орнаментом. Его характерная особенность — своеобразная сетка из переплетающихся выпуклых линий, образующих иногда как бы рамки, внутри которых заключены растительные узоры типа пальметок или цветов. Каждая такая рамка напоминает по форме ромб.

Достаточно сравнить этот узор с рисунками на манхайских плитках, чтобы убедиться в их сходстве. Узор манхайских плит является как бы упрощенной, «скорописной» копией того же изображения: те же медальоны из широких изгибающихся полос, те же растительные элементы, похожие на пальметки, цветы, листья, та же композиция в виде горизонтальных поясов.

Металлические орнаментированные пластины найдены в Венгрии в погребениях конных воинов. При костяке человека всегда есть кости лошади, причем не целой, а расчлененной (хоронили только череп и длинные кости, то есть голову и ноги лошади). Именно так вместе с головой и костями ног приносились в жертву шаманским духам и божествам у сибирских народов шкуры жертвенных животных. Следовательно, ритуал захоронения с металлическими пластинами для сумок типично степной, тюркский, шаманский, связанный с древними ша майскими представлениями.

Вместе с пластинами в таких могилах встречались железные сабли, различные украшения конской сбруи, железные наконечники стрел, поясные бляшки, наконечники от поясов и другие предметы, образующие определенный выдержанный комплекс. Время этих погребений определяется найденными в них монетами, в первую очередь диргемами саманидского чекана начала X века кашей эры.

Погребения с металлическими пластинами для сумок вне пределов Венгрии неизвестны, а сами эти пластины в Европе представляют действительно изолированное художественное явление. Нужно считать вполне обоснованной мысль о принадлежности этих памятников конным кочевникам — предкам венгров, вышедших и конце IX века (896 год) из Лебедии на Дунай.

В Лебедии, как полагают исследователи памятников древневенгерской культуры, и возникли замечательные металлические пластины для сумок с их богатым орнаментом, представляющие собой подлинно выдающееся явление в средневековом ювелирном искусстве. Вполне возможно, что происхождение орнамента пластин для древневенгерских сумок связано с распространением восточных, иранских и среднеазиатских тканей, украшенных растительными в своей основе узорами.

Однако вывод о возникновении такой орнаментики и всего «искусства сумок для сабель» именно в Лебедии, есть между Днестром и Доном, в VIII—IX веках, а также о принадлежности его только предкам венгров не может быть принят в такой категорической формулировке. Действительная картина истории орнамента древневенгерских металлических пластин для сумок значительно сложнее. Об этом свидетельствуют совпадения между ними и рисунками на плитах из вала Манхайского городища. Такое сходство орнамента на вещах, разделенных более чем пятью тысячами километров, можно объяснить конкретными культурно-этническими связями.

Оригинальная орнаментика «сабельных сумок» возникла, очевидно, не на Западе, в Лебедии, и не в VIII—IX веках, а раньше и на Востоке — там, где складывались тюркские народности и их культуры. За такое решение вопроса свидетельствуют драгоценные по их значению для истории культуры Сибири находки в древнекыргызских чаатасах (могильниках) на Енисее. На роскошной золотой тарелке и на сосуде с птицами из Коденского чаатаса орнамент имеет вид такой же сетки из выпуклых линий, образующих

фигуры в виде медальонов-ромбов с округленными углами, а в них и в промежутках между ними размещены пальметки и фантастические фениксы.

Новая находка плит на Манхэе, орнаментированных таким же узором, не только подтверждает живые связи тюрков Прибайкалья с Западом, но является дополнительным доказательством важного значения культурных элементов, зародившихся на Востоке, для сложения культур степных племен Восточной Европы первой половины I тысячелетия нашей эры, в том числе культуры древних венгров в Лебедии и на Дунае.

О том же, кстати, свидетельствуют и сами условия, в которых оказались изображения с Манхэя. Они были найдены в оборонительном валу городища. Точно так же и на стенах нижнедонских городищ, принадлежавших хазарам, были найдены камни и кирпичи с изображениями животных и всадников, аналогичными по содержанию и стилю прибайкальским писаницам. Такие же изображения имеются на кирпичах из древнеболгарской столицы Преславы и среди наскальных рисунков Болгарии.

Таков неожиданный на первый взгляд размах культурно-этнических контактов племен тюркской эпохи в Северной Азии, в том числе прибайкальских курыканов с Европой.

Древняя тюркская Сибирь оказывается также теснее связанной с Западом, чем с Востоком. Ее культуры оказались много богаче и ярче, чем можно было полагать ранее. У берегов Байкала, на Ангаре и Лене, сходились и расходились пути древних культур Востока и Запада, существовали мощные по тем временам самобытные культурные очаги, без учета которых история Евразии не может быть полностью понятой. Как мы видим по находкам на Унге и в Манхайском городище — крепости тюрков Прибайкалья, курыканов, эти связи ведут на Дон и на Дунай, к венграм и болгарам.

ОДИССЕЯ ЗЕМЛЕПРОХОДЦА ПЕНДЫ

Шел тринадцатый век, бурный и кровавый. Под копытами монгольских коней гнулась, стонала земля. Яростью и кровожадностью монгольские завоеватели превзошли самого Аттилу — «Бич Божий», как о нем писали средневековые хроники.

Планы у монгольских феодалов вызрели грандиозные. Они стремились создать мировую империю, покорить и поработить всю известную тогда вселенную. На карту была поставлена судьба не только Азии, но и Европы: монгольские феодалы в своих завоевательных походах дошли до Кавказа, Черноморья и Адриатики.

Первыми испытали на себе силу монгольских армий, естественно, их ближайшие соседи в Азии.

Сначала были тотально уничтожены государство и народ тангутов-сися, близких соседей монголов. После сопротивления, длившегося четверть века, такую же судьбу испытала Золотая империя чжурчжэней. Монгольские войска уничтожили богатое государство чжурчжэней и их культуру.

В трагическое для народов Азии и Восточной Европы время тяжелый удар в спину чжурчжэням, представлявшим заслон для Китая, нанесла Сунская династия. Когда после падения царства тангутов-сися смертельная опасность нависла и над страной чжурчжэней, последний ее император отправил своего посла к сунскому двору со словами: «Монголы, истребив 40 княжеств, дошли до царства Ся. Уничтожив царство Ся, они пришли в наше государство. Если положат конец нашему царству, то непременно достигнут и царства сунского. Естественно, что когда нет губ, тогда мерзнут зубы». Но ослепленные старой враждой сунцы заключили союз с монголами и вместе с ними выступили против чжурчжэней.

Затем наступила очередь самого Китая. Он оказался под властью монгольских завоевателей, поработивших народы Восточной Азии.

Последствия сокрушительного удара, нанесенного монгольскими завоевателями, продолжали сказываться и в последующие столетия, вплоть до образования в

Маньчжурии нового, маньчжурского государства во главе с Цинской династией. Едва успев возникнуть, это новое государство устремилось на завоевание Китая.

Увлеченные борьбой за овладение Китаем и Монголией, маньчжуры оставили без внимания никогда реально не принадлежавшие ни им, ни Китаю северные области — Амур и Приморье, граничащие с Маньчжурией. Это в полной мере обнаружилось, когда русские землепроходцы начали освоение Амура и вышли на берега Тихого океана. Единственное, что попытались сделать маньчжуры, — это обезлюдить район Амура, увести оттуда туземное население дауров и дучеров. Так эта область, по существу, оказалась нейтральной, «ничейной» зоной.

Испытали сходную судьбу и народы Северной Азии. Монголы уничтожили существовавшее более полутора тысяч лет на Енисее государство кыргызов. Монголы обрушились на них внезапно, как образно сказано в источнике, словно из дымового отверстия в юрте. То же самое случилось и с родственными по языку монголам «лесными народами», жившими у Байкала,

Тотальный разгром монгольскими феодалами политических центров старой Сибири, жестокая эксплуатация аборигенов завоевателями вызвали резкое снижение уровня производительных сил. Суровая сибирская природа и после распада мировой державы преемников Чингисхана не позволяла народам Сибири вырваться из тупика собственными силами. Для ликвидации все углублявшейся отсталости объективно нужна была внешняя прогрессивная сила, мощный стимул извне. Таким стимулом стало присоединение Сибири к могучему централизованному русскому государству.

Показателем исторической закономерности, назревшей необходимости этого великого исторического процесса, который А. Радищев метко назвал «приобретением Сибири», служат уникальные по скорости и глубине темпы продвижения русских в Северной Азии. В самом деле, за какие-нибудь сто лет русские перевалили через Каменный Пояс — Урал, поднялись по Енисею и Ангаре до Байкала, вышли в Якутию и на Амур. Прошло полвека, и по рекам Дальнего Востока землепроходцы достигли берегов Тихого океана, а там и продвинулись еще дальше — «оседлали» острова Тихого океана, включая Курилы. Вышли со временем и на самый материк Америки, основали Русскую Америку, включавшую и Калифорнию.

Многие исследователи искали движущую силу этого процесса в деятельности торгового капитала, в «погоне за соболем», в активности промышленников и купцов. Отсюда следовали и еще более широкие общие выводы. Процесс освоения Сибири русскими отождествлялся с историей заморских колоний таких стран, какими в эпоху первоначального накопления капитала были Испания и Англия. Освоение Сибири неправильно называли завоеванием.

На самом деле в Сибири все шло иначе, наоборот.

Принципиальное, определяющее значение имело обстоятельство, на которое указал В. Ленин. По его определению: «Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии».

Что касается географии, то Урал никогда не был реальной границей Азии и Европы. Это не Гималаи. Через Урал проходили долины таких рек, как Кама и Чусовая. Урал больше связывал Азию и Европу, чем разъединял их. Об этом свидетельствуют и первые походы русских на Урал и к востоку от него, предшествующие походу Ермака.

В экономическом отношении Сибирь не была для России такой заморской колонией, как американские владения для Англии или Испании. Присоединение Сибири к русскому государству, ее освоение были обусловлены закономерным процессом расширения его территории в ходе складывания русского национального рынка. Вовлечение в этот процесс обширных пространств в Приуралье и далее на восток являлось прямым продолжением земледельческого освоения территории Европейской России. Русская колонизация, следовательно, была не узкоколониальной, рассчитанной

только на ограбление коренного населения и безжалостное расхищение природных богатств, а аграрной в своей основе.

Конечно, носителями колониальной эксплуатации в классовом обществе неизбежно были торговый капитал метрополии и военно-феодалный государственный аппарат царизма. Тем не менее известно, что Московское государство, заинтересованное в сборе ясака и вообще в использовании человеческих туземных ресурсов, всячески, хотя и не всегда успешно, пыталось оградить аборигенное население от хищничества своих местных эксплуататоров, от лихоимства администрации и купцов.

Главное же в том, что активная творческая работа по освоению Сибири велась непосредственным производителем русского феодального общества — крестьянством, творцом материальных и духовных благ. Крестьянин строил деревни и города, рубил высокие стены острогов, заводил пашню и обеспечивал надежное, навечно закрепление вновь приобретенных государством земель. Не менее существенно для аграрной политики России то, что попытки крепостников перенести на восток в неизменном виде свои порядки не удалось. В Сибири так и не возникло помещичьего хозяйства, не появились классы помещиков и крепостных крестьян.

Тем самым крестьянская колонизация Сибири означала резкий прогрессивный сдвиг в экономике новой окраины, освоение неиспользовавшихся естественных ресурсов, подъем производительных сил на новую, высшую ступень. Исключительное значение имело то, что русские принесли в Сибирь свою передовую европейскую культуру, материальную и духовную. Это благотворно сказалось на уровне культурного развития сибирских народов, привело к его повышению и взаимному обогащению духовной жизни русских и аборигенов.

Мысль В. Ленина о связи Сибири с Россией раскрывается в историческом плане на всей массе известных нам фактов. Сибирские племена и народы, начиная с палеолита, развивались не в отрыве от всего остального человечества, продвигались вперед не только собственными усилиями. История культуры Сибири с самого начала пронизана взаимодействием с культурами Востока и Запада, Юга и Севера. И конечно, Европейской России.

Бурно растущее могущественное русское государство в XVI—XVII веках было многонациональным по своему составу. Оно представляло руководящую, прогрессивную силу не только в политическом, но и в экономическом и культурном плане по отношению к обширным соседним территориям Восточной Европы и в особенности Азии. Играло здесь, по словам К. Маркса, цивилизующую роль. Включение народностей Сибири в это грандиозное политическое целое отвечало жизненным потребностям не только русских, но и народов Сибири. В конечном счете это была новая, более высокая ступень в их развитии.

Взаимодействие с русским трудовым народом содействовало распространению более развитой экономики, в первую очередь земледелия, а также более высокой культуры.

Этим в конечном счете обусловлены и неожиданно быстрые, необъяснимые на первый взгляд темпы продвижения русских на восток от Урала. Такие темпы издавна объясняли преимуществом вооружения, превосходством «огненного боя» казаков над луком и стрелами. Однако располагавшие боевой техникой каменного века чукчи сумели устоять в единоборстве с отрядами Павлущкого, вооруженными тем же оружием, которым войска Петра громили шведов. Еще характернее другое: сопротивление продвигающимся казачьим отрядам носило эпизодический характер. Во многих же случаях и как раз там, где дело касалось наиболее высокоорганизованных скотоводческих обществ, например бурят, имели место добровольные соглашения о подчинении русской администрации. Так, еще в 1484 году, задолго до Ермака, пришли к великому князю Московскому и просили принять их в подданство вогульские и югорские «князи», а вместе с ними и некий «сибирский князь».

Отсюда следует и дальнейший вывод, имеющий важное значение для всего хода последующего исторического развития: сближение народов Сибири и других братских народов Советского Союза опирается на старые прочные традиции, имеет глубокие корни в истории.

Были и другие причины, не внутренние, а внешние, коренившиеся в международной ситуации того времени. В ходе дальнейших исторических событий после крушения мировой державы Чингисханидов появилась новая грозная опасность для народов Сибири. На Востоке Азии сложилось маньчжурское государство, возглавляемое Цинской династией. Покорив Китай, поработив китайский народ, агрессивная Цинская династия в союзе с китайскими феодалами устремилась на новые завоевания, жертвой которых стала в первую очередь Монголия.

На стороне завоевателей была не только созданная ими сильная военная организация маньчжурских племен, но и неисчерпаемые людские массы глубинного Китая, а также экономический потенциал этой части Азии. Вся эта мощь была поставлена на службу невиданного по масштабам авантюризма новых правителей Китая и Маньчжурии — Цинской династии.

После Чингисхана и до Гитлера история не знает примеров такого тотального разрушения производительных сил, уничтожения культурных ценностей, населения, какое было произведено этой агрессией.

Всюду, куда достигали цинские армии, господствовали жестокий террор и национальный гнет, представленные в наиболее грубых и варварских формах. Укреплялись и насаждались самые отсталые, чисто азиатские феодальные порядки. Достаточно вспомнить горькую судьбу ойратов-калмыков в XVIII веке, которые оказались на грани полного физического уничтожения и нашли спасение только под защитой России. В ходе подавления восстания цинские войска уничтожили почти поголовно все население Джунгарии. Очевидцы писали: «Кто б им из зенгорцев в руки ни попал, то уже как мужчина, женщина, большой или малый, ни единого не упущая на голову побивают», «люди и скот здесь вырублены без остатку, так что и в плен их не брали». Согласно исследованиям советских историков завоевателями было истреблено от 600 тысяч до миллиона человек.

Зверства цинских войск отмечаются и современными китайскими историками. Вот одно из свидетельств: «Эта победа была одержана путем самого безжалостного, почти поголовного истребления населения Джунгарии».

Присоединение Сибири к России поставило преграду на пути новых завоевателей Азии, угрожавших прогрессу и самому существованию ее народов. Не случайно же неколебимо стойкими союзниками и защитниками государственных границ России на Востоке оказались в это время бурятские и тунгусские воины.

В конкретную историческую ситуацию героического века русских пионеров Сибири входит один сравнительно небольшой, но характерный эпизод. Это рассказ о забытом историками, но замечательном путешественнике начала XVII столетия Пенде.

Одним из важнейших этапов продвижения русских в глубь Сибири было открытие ими великой сибирской реки Лены, за которым последовало освоение обширного Ленского края, второй Мангазеи и новой «златокипящей государевой вотчины», как писал в свое время А. Палицын — мангазейский воевода и один из образованнейших государственных деятелей первой половины XVII столетия.

Образное выражение Палицына вовсе не было простым риторическим оборотом книжной речи того времени. Оно в полной мере соответствовало реальному значению вновь открытых земель для русского государства. От Байкальских гор и до Студеного океана через горы, леса и тундры, заселенные неведомыми племенами и народностями, широкой лентой протянулась одна из величайших рек Азиатского материка. Почти на всем ее протяжении, на расстоянии четырех с лишним тысяч километров, густые леса изобиловали цепным пушным зверем, суровые пространства по берегам и островам Сту-

денного моря хранили в своих ледяных толщах неисчислимое количество дорогого «рыбьего зуба» (клыки моржей), мамонтовых бивней.

К востоку от Лены простирались новые, еще более обширные и не менее заманчивые пространства — одна за другой открывались неизвестные раньше долины Яны, Индигирки, Колымы и наконец Охотское побережье, за которым лежал далекий край кочевых оленеводов тундры и оседлых «зубастых» обитателей крайнего Севера-Востока Азии.

Честь открытия реки Лены и первых путешествий в ее долине обыкновенно приписывается в нашей общеисторической и научно-популярной литературе казачьему десятнику В. Бугру и сотнику П. Бекетову, основателю первого острога на месте будущего Якутска.

Деятельность В. Бугра и тем более П. Бекетова, бесспорно, имеет большое значение. Она заслуживает всяческого внимания. Но не меньшего внимания достоин и другой русский деятель, землепроходец XVII столетия, несправедливо забытый и обойденный в нашей литературе, и притом не только в научно-популярной или учебной, но и в специальной исторической. Землепроходец этот — Пенда.

О нем первый и чуть ли не единственный раз в нашей специальной исторической литературе упоминает в связи с историей открытия Ленского края И. Фишер в своей «Сибирской истории».

В полной мере оценил значение похода Пенды, в сущности, один только Л. Берг в своем очерке «История географического ознакомления с Якутским краем», опубликованном в сборнике «Якутия» в 1927 году. «Это путешествие, — пишет Берг, — составляет поистине необычайный географический подвиг». Но, «к сожалению, — указывает он далее, — никаких других подробностей о нем не сохранилось».

Между тем даже то небольшое, что нам известно о Пенде, интересно и важно не только для истории первоначального освоения русскими Ленского края, но и для общей характеристики деятельности русских землепроходцев XVII столетия, для надлежащей оценки их дел и их эпохи — этого замечательного века великих открытий на Севере Азии. Чтобы оценить значение похода Пенды, достаточно и того, что говорит о нем Фишер в связи с военными экспедициями Бекетова, Ермолина и Бугра. После короткого перечня первых походов на Лену этих служилых людей Фишер писал о Бекетове: «Намерение свое произвел он с таким малым числом людей, что почти невероятно показалось бы, как россияне могли на то отважиться».

Далее Фишер отметил, что путь казакам на Лену проложили промышленные люди: «Так же и сибирские промышленные оказали в обысканиях на Лене немалые успехи. Сии отваги, которые сами от себя таскались повсюду, так что их не могла утратить никакая опасность, когда они могли где-нибудь получить себе корысть... Сказывают о некоем, именем Пенда, что с 40 человеками, собранными из Туруханска, препроводил три года на Нижней Тунгуске, прежде нежели пришел к Чечуйскому волоку. Перешед его, плыл он рекою Леною вниз до того места, где после построен город Якутск: откуда продолжал он свой путь сею же рекою до устья Куленги, потом Бурятскую степью к Ангаре, где, вступив на суда, чрез Енисейск прибыл паки в Туруханск. Единственно надежда прибыти побудила сих людей к такому путешествию, какого чаятельно никто ни прежде, ни после их не предпринимал».

Краткий рассказ Фишера передает историю небывалого до тех пор, по его же словам, путешествия в слишком общих чертах и оставляет необъясненным тот любопытный факт, что Пенда провел три года на Тунгуске, прежде чем достиг долины Лены.

Значительно полнее другой рассказ, приведенный И. Гmeliным. Рассказ этот содержит много красочных деталей и, что особенно важно, рисует в совершенно ином свете мотивы, руководившие самим Пендой в его головокружительно смелом по тому времени путешествии. Гмелин указывает и на источник, из которого он извлек

опубликованные факты, — это была устная передача мангазейскими казаками из поколения в поколение рассказов о подвигах Пенды.

«Теперь мог бы я закончить эту книгу, — пишет Гмелли в конце той части своего дневника, где говорится о Якутске и Якутии. — Но так как я из Якутска еще не вернулся, то должен вернуться к тому пути, который я сделал уже сюда. В этом должен мне помочь один русский предприниматель, который, как говорят изустные рассказы мангазейских казаков, передававшиеся от отца к сыну, впервые открыл отсюда якутские местности.

Пенда, некий русский гуляющий человек, хотел с 40 человеками частью в России, частью в Сибири собравшегося народа искать свое счастье в Сибири, ибо он так много о захвате земель слышал и свое имя, тоже как и другие, о чьих больших делах рассказывали, хотел сделать знаменитым.

Он приходит на Енисей, идет по нему вниз до Мангазеи, слышит там, что Нижняя Тунгуска, которая не вдалеке выше в него впадает, очень заселена чуждыми народами и что против ее начала есть другая очень большая река, по которой тоже много народов живет. И вскорости он решает идти вверх по этой реке и всю эту страну исследовать.

Он строит себе необходимое для этого число судов, но в первое лето доходит не далее чем область Нижней Кочомы реки. Вслед за тем тунгусы преградили ему дорогу сваленными через реку многими могучими деревьями и не пропустили его суда.

Он должен был, таким образом, решиться провести зиму в той же самой области, для чего он и построил себе хижину, чтобы жить в ней, которая еще и в настоящее время известна под именем Нижнего Пендина зимовья. Тунгусов, однако, не остановила даже и хижина, и они делали частые набеги на нее. Но Пенде было нетрудно отгонять их обратно огнестрельным оружием, которым он был вооружен, так часто, как он этого хотел, поскольку они не имели ничего другого, кроме лука и стрел.

Следующим летом он отправился опять на суда. Но чем далее тунгусы прошлой зимой были им отогнаны назад и чем более они узнавали его силу, тем более считали они в высшей степени необходимым препятствовать во всех его предприятиях, чтобы он не мог приблизиться к ним еще ближе и стать полным хозяином над ними. Они мучили его так, что он летом никак не мог дойти до Средней Кочомы и был вынужден снова остановиться и построить хижину, в которой прожил всю зиму. Она известна под именем Верхнего Пендина зимовья.

Тунгусы увидели, что они ему ни на воде, ни в его хижине ничего сделать не могут. Они оставили его в его зимнем лагере в покое и, как он третьим летом опять вверх шел, не мешали ему нимало.

Он достиг без всякого сопротивления области Нижней Тунгуски, от которой берет свое начало Чечуйская волость, или район между Тунгуской и Чечуйским острогом на Лене. Отсюда он, по-видимому, или через ловких лазутчиков, или через других людей имел безопасные сведения, ибо едва он об этом позаботился, как сразу же выступил в сухопутное путешествие.

Однако же не знал он, что тунгусы всю их силу собрали. Они оказали ему такое большое сопротивление, на какое только были способны, и вынудили его на горе Юрьев, которая находится на том же участке, построить зимнюю хижину, в которой он свою судьбу, что предстояла ему зимой, должен был ожидать...

Итак, пришел он в четвертую весну на Лену. Как только он построил необходимые суда, пошел вниз по Лене до области города Якутска. Он должен был затем идти оттуда обратно вверх по Лене до области Верхолеска, а оттуда через степи на Анггару и по ней и по Тунгуске в Енисейск, где он о своих открытиях письменное известие составил и через то дал повод к заселению помянутых областей».

Сообщение Гмелина в некоторых частных деталях дополняется более скудным сокращенным рассказом Г. Миллера, помещенным в его «Истории Сибири».

Миллер писал о Пенде: «Пенда, или Поянда, промышленный человек из России, отправился в старые времена из Туруханска водою вверх по Нижней Тунгуске с

собранными из разных мест 40 человеками, желая открыть новые земли. В первое лето он дошел до речки Нижней Кочомы, где тунгусы загородили реку, навалив в нее множество деревьев. Так как он не мог пройти дальше на своих судах, он построил там зимовье, которое до сих пор известно еще под названием Нижне-Пендинского зимовья. Зимой он провел за соболиной охотой, а когда тунгусы делали попытки напасть на него, он без труда прогонял их огненным боем. Следующей весной, когда полая вода снесла сделанную тунгусами преграду, он снова двинулся в путь на своих судах, но встретил такое сильное сопротивление, что это лето и всю зиму ему пришлось провести в тамошних местах. Свидетельством этому якобы служит построенное им в расстоянии всего ста верст от предыдущего, недалеко от устья речки Средней Кочомы, Верхне-Пендинское зимовье.

Наконец, третий год был для него настолько благоприятным, что он достиг той части реки Тунгуски, где от нее шел небольшой волок на реку Лену, который назывался Чечуйским волоком, по реке Чечую, впадающей в Лену. Несмотря на это, Пенда не решался сразу же перейти волок, так как думал, что на Лене его караулят тунгусы, собравшиеся в большом числе. Действительно, он имел с ними несколько столкновений.

Возможно, однако, что третье зимовье он построил на этом волоке для соболиного промысла и прожил в нем до открытия водного пути. В четвертый год он проехал по Лене до тех мест, где после был построен Якутск. Тою же осенью или же следующей весной он возвратился обратно и пошел затем вверх по Лене до реки Куленги, откуда степью перешел на реку Ангарау и далее через Енисейск снова вернулся в Туруханск».

Из рассказов Гмелина и Миллера следует, во-первых, что источником сведений о походе Пенды явились рассказы мангазейских казаков, передававшиеся из уст в уста, от отца к сыну на протяжении целого столетия, с начала XVII века и до 30-х годов XVIII столетия, когда их и записал Гмелин.

Этот факт замечателен сам по себе. Перед нами единственный в своем роде образец исторического фольклора русского старожилого населения Сибири — прямых потомков первых землепроходцев. Он засвидетельствован в записи XVIII века и притом в записи ученого-наблюдателя.

Старая русская Сибирь, несомненно, располагала обширным и своеобразным по характеру запасом собственных исторических преданий, в которых по-своему преломлялось прошлое русских пришельцев и ее коренного населения.

Это был, с одной стороны, казацкий исторический фольклор, являвшийся своего рода устной летописью первых походов и завоеваний. С другой стороны, крестьянский фольклор, повествовавший о ходе земледельческой колонизации, возникновении новых деревень и сел, о жизни крестьян в старину. Существовал, несомненно, и городской, купеческий и мещанский, исторический фольклор.

Первым исчез, по-видимому, ранний казацкий фольклор, распавшийся вместе с разложением прежнего казачьего уклада жизни и утратой казаками их прежнего значения в новых условиях. Тем ценнее опубликованный Гмелиным рассказ о походе Пенды.

Из повествования Гмелина следует также, что длительное сохранение рассказа о Пенде объясняется особым отношением к нему земляков-мангазейцев. Мангазейские казаки восхищались и гордились своим героем. Подвиг Пенды поражал их воображение на протяжении многих десятилетий. Он удивил даже всегда сдержанного в своих суждениях Гмелина.

О том, что Пенда действительно побывал в центре Якутской земли, свидетельствует и якутский исторический фольклор. В некоторых вариантах преданий о знаменитом кангаласском вожде Тыгыне говорится о том, что в последние годы его жизни во владениях Тыгына появились никому не ведомые пришельцы — первые русские. Эти новые люди, поразившие бесхитростного якутского вождя своим искусством работать и мудростью, появились неожиданно и так же неожиданно исчезли.

Существенно и то обстоятельство, что в якутском предании ясно и определенно говорится о мирном характере первой встречи русских пришельцев с якутами Тыгына. В

устной повести мангазейских казаков о приключениях Пенды очень подробно излагается борьба с тунгусами, но нет ни одного слова о каких-либо стычках с якутами или бурятами. Такое полное совпадение вряд ли может быть случайным. Очевидно, оно соответствует действительному ходу событий.

Точность устного рассказа мангазейцев о путешествии Пенды и его 40 товарищей подтверждается тем что здесь с полной определенностью указаны главные вехи длинного пути Пенды, особенно вверх по Нижне-Тунгуске, в том числе оставленные им по дороге зимовья, в которых землепроходцы отсиживались от тунгусов.

Особенно важно, что в совершенно новом свете изображены Гмелиным и внутренние мотивы, вызвавшие экспедицию Пенды на Лену. По мнению Фишера, единственной причиной, заставившей Пенду совершить такое путешествие, была жажда прибыли. Гмелин же прямо и определенно указывает, что совсем не это было главным и тем более единственным стимулом для подвигов Пенды и его 40 товарищей в Восточной Сибири.

Пенда, как рассказывали Гмелину мангазейские казаки, которым, несомненно, была ближе, чем кому-либо другому, психология храброго путешественника XVII столетия, так много слышал о больших делах русских землепроходцев на Севере, что и сам захотел сделать свое имя таким же знаменитым. Жажда великих дел и славы у потомства, а не одно лишь только простое желание разбогатеть вооружило Пенду такой негибимой волей, таким упорством и смелостью.

Еще более важно то обстоятельство, что храбрый Пенда, по словам Гмелина, достаточно широко понимал свою роль пионера в этих новых и никому еще из русских не известных странах. Дойдя до крайних пределов известной в то время русским Восточной Сибири — устья Нижней Тунгуски, — Пенда согласно прямому и точному выражению Гмелина «решается итти вверх по этой реке и всю эту страну исследовать».

Более того, вернувшись обратно, Пенда оставляет первое письменное известие о своих открытиях, которое и явилось, по указанию Гмелина, поводом к дальнейшему исследованию и заселению новых областей Сибири. Нельзя не вспомнить в этой связи об известной докладной записке мангазейского воеводы А. Палицына, где говорилось о намечавшемся присоединении Ленского края к русскому государству. Вполне вероятно, что, кроме различных сообщений тунгусских князцов, Палицын мог использовать при составлении этого интересного документа и доставленные ему как мангазейскому воеводе письменные известия Пенды о путешествии по Нижней Тунгуске, Лене и Ангаре. В этом смысле и следует понимать слова Гмелина о том, что именно сообщения Пенды дали повод к заселению русскими Ленского края.

Изложенные факты убеждают нас в том, что землепроходец XVII столетия Пенда, один из многих безвестных русских первооткрывателей новых земель, память о котором случайно сохранил Гмелин, вполне заслуживает внимания наших современных историков.

В заключение следует остановиться на одном очень важном факте, подтверждающем необычайное путешествие Пенды. Это вещественный памятник деятельности Пенды — построенное им на Нижней Тунгуске зимовье. В одном из документов, скопированных в Мангазейском музее для Г. Миллера, сказано: «В 7132 году (от «сотворения мира». — *А. О.*) в Нижней Тунгуске в Пендинском зимовье с новых людей с Оленьи реки: род Ачаны девять человек, платят ясаку по 2—8 соболей, 1 — 2 недособолей...»

Как следует из документа, Пендинское зимовье существовало и действовало как опорный пункт ясачного сбора уже в 1624 году, то есть за 4 года до первого похода В. Бугра. Само собой разумеется, что возникнуть оно должно было еще раньше, вероятнее всего около 1620 года, когда в Мангазее были получены первые более или менее точные сведения о Нижней Тунгуске и Ленском крае.

В связи с вопросом о походе Пенды на Лену исключительный интерес представляет следующий отрывок из неопубликованного дневника И. Сулова:

«Поиски известняка затянули нас еще дальше по Тунгуске, и мы сделали еще десять километров до левого притока Тунгуски, маленькой речки Гулями. Я интересовался этим названием, так как гуля — по-тунгуски — изба. Оказывается, здесь, в устье речки, находятся древние казачьи избы. Поспешили осмотреть их. Здесь оказался чуть ли не целый острог с очень оригинальными постройками.

Центральный дом имеет в длину пять сажен и в ширину три сажени и делится на две половины. Кругом него глаголем расположена галерея мелких клетушек с маленьким окном и одной дверью в каждой клетушке...

Вместо ворот построены в галерее с обеих сторон по одной клетушке. Таким образом получается узенький дворик. Все постройки сделаны из толстого лиственничного леса. Потолки давно уже обрушились и провалились вместе с крышным желобником внутрь помещений, из которых растут высокие лиственницы и березы.

Возле центральных построек находится оклад какого-то небольшого строения, по-видимому, это была баня. Сажень в пятидесяти вниз по берегу уцелел еще один оклад какого-то строения. Могил поблизости не видно. Раскопок я не производил. Ограничился лишь четырьмя фотографическими снимками. Больше фотографировать не мог за отсутствием пластинок».

В дополнение к выписке из дневника Суслов устно сообщил, что обнаруженные им остатки строений находились на берегу Нижней Тунгуски примерно километрах в 900 от ее устья. Он полагает, это действительно могут быть остатки Среднего Пендина зимовья.

Как видно из приведенного в дневнике Сулова плана этих строений, галерея из клетушек соответствует стене, оберегавшей главную постройку со стороны леса, в то время как противоположная сторона защищена самой природой — рекой. Это, по-видимому, было действительно небольшое укрепление типа острожка или зимовья, заложенное Пендой, а впоследствии расширенное мангазейскими сборщиками, собиравшими здесь ясак с тунгусских родов.

Насколько известно, казачье зимовье на реке Гулями (если обнаруженные Суловым строения действительно являются им, а это более чем вероятно) представляет собой единственный в своем роде памятник такого рода, а других зимовий, уцелевших там с начала XVII столетия, как будто бы до сих пор в литературе не отмечалось.

Таковы сохранившиеся спустя три века документальные свидетельства о деятельности нашего отважного землепроходца, от которых веет атмосферой века замечательных, но далеко еще не выясненных в исторической науке подвигов и открытий русских людей.

Если о смелом, поистине головокружительном путешествии храбреца Пенды дошли до нас письменные и фольклорные свидетельства вместе с археологическими остатками зимовьев, то о другом не менее смелом и еще более раннем путешествии русских землепроходцев XVII столетия в глубь арктической Сибири рассказывают только археологические реликвии. Так и остается загадкой, волнующей воображение историков, удивительная находка гидрографов на пустынном берегу Таймырского полуострова в заливе Симса и ее двойник на заброшенном в Ледовитом океане неподалеку от залива Симса, маленьком островке, который носит имя Фаддея. Двойник потому, что обе находки, поразившие гидрографов — первооткрывателей этих сокровищ, представляют части имущества неизвестной русской полярной экспедиции, свидетельства трагедии, разыгравшейся у берегов Таймыра более 350 лет назад. История открытия такова.

14 сентября 1940 года отряд Гидрографического управления Главсевморпути в составе топографа Е. Линийка, гидрографа А. Касьяненко, матроса П. Кирина и моториста Е. Истомина находился на острове Фаддея. Неожиданно П. Кириин увидел между разрушенными каменными глыбами какие-то старинные медные котлы. В таких котлах в современной Арктике давно уже не варят пищу.

Первой мыслью было, что они остались после экспедиции Норденшельда. Это было и неожиданно и интересно. Но когда полярники начали ворошить камни, то

обнаружили старинный топор, ножницы, сковородки, а также голубые бусы, которым не было места в инвентаре экспедиции Норденшельда. Затем были найдены серебряные монеты, не круглой, как ныне, формы, а овальные и неправильные по очертаниям. Тут же лежали медные котлы и оловянные тарелочки. И наконец, целая, но погнутая пищаль.

Такую пищаль можно видеть на известной картине В. Сурикова в руках у Ермаковых казаков!

Еще более поразило гидрографов то, что дальше стали попадаться мелкие безделушки: серьги, перстни, нательные кресты, голубые бусы разной величины...

Нужно отдать должное первооткрывателям: они сумели сдержать вполне понятный пыл копать дальше, ибо это должны делать специалисты, археологи и историки!

Спустя год гидрографы с судна «Якутия» побывали в заливе Симса и нашли там остатки покинутого зимовья, а в нем и около него обнаружили такие же предметы, как и на острове Фаддея. В том числе серебряные монеты, позволявшие сделать вывод, что оба памятника принадлежат XVII веку и, вероятно, связаны по своему происхождению с одним и тем же событием. Учитывая важность находок на острове Фаддея и в заливе Симса для истории освоения Сибири и русского полярного мореплавания, Арктический институт Главсевморпути и Институт истории материальной культуры Академии наук (ныне Институт археологии АН СССР) направили на Таймыр экспедицию в составе А. Окладникова и В. Запорожской вместе с двумя молодыми рабочими-десятиклассниками.

Первыми, кого они встретили на берегу острова Фаддея, были белые медведи, в том числе огромный старый самец и медведица с медвежонком.

Каждое утро показывал из воды свою усатую голову тюлень. Несколько минут смотрел с любопытством на палатку, а затем нырял. Вероятно, мы заняли единственное место на камнях, удобное для отдыха.

На дальнем берегу от залива Симса в глубь материка расстилалась необъятная дикая тундра, которая поразила своей неприютностью даже отчаянных море ходов Х. Лаптева. Сто лет спустя А. Миддендорф выразительно описал тот край как истинное «медвежье царство». Он добавил также, что жители Таймыра, нганасаны и тавгийцы, панически боятся тамошних белых медведей.

Когда же и каким образом здесь оказались люди, имущество которых обнаружилось в заливе Симса и на острове Фаддея?

Об этом рассказали сами находки.

Первое, что стало очевидным, когда коллекции были доставлены в Ленинград и разобраны: обнаружены остатки древнерусской мореходной экспедиции, торговой и промышленной, снаряженной по тем далеким временам превосходным образом, с знанием и учетом условий Севера, готовой ко всем неожиданностям, к борьбе с суровой стихией.

О том, что они были русскими, а не чужеземцами, свидетельствовали превосходно выполненные нательные кресты. Ни один русский человек не расставался в старину с нательным крестом, нередко богато украшенным филигранью. Именно такие кресты были найдены на острове Фаддея и в заливе Симса.

На затейливо украшенной тонким орнаментом деревянной рукояти ножа славянской вязью была вырезана короткая, но четкая надпись: «Акакий Мураг» (иначе говоря, Мурманец). Она свидетельствовала, что в экспедиции был грамотный человек, который и вырезал на рукояти свое имя. То было, конечно, прозвище, замена фамилии, как это было принято в старой, допетровской Руси. В ножнах одного из ножей уцелел кусочек бумаги, по-видимому, жалованной грамоты хозяину судна, богатому и знатному.

Судно, на котором они шли по морю, несомненно, погибло. Но на берегу острова Фаддея лежали обломки шитика. Эти довольно крупные лодки назывались так потому, что были именно сшиты, а не сколочены гвоздями. В уцелевших досках сохранились специальные отверстия — держатели для еловых корней, заменявших гвозди.

Древние мореходы имели в своем распоряжении солнечные часы и компас. При раскопках были обнаружены уникальные мореходные инструменты, с помощью которых

опытные и смелые путешественники прокладывали дорогу по бурным волнам мимо ледяных полей и грозных льдов к намеченной цели.

Вполне вероятно, что все имущество принадлежало не одному человеку, а коллективу участников, компании. Иначе почему бы богатая денежная казна оказалась разделенной на две почти равные части, которые были найдены на острове и в заливе.

Каковы же были цели мореходов? Что влекло эту группу вдаль, на север и на восток?

Конечно, слово «экспедиция» здесь нельзя понимать в современном смысле. Ее участники занимались охотой и промыслом пушных зверей. Иначе зачем им было везти с собой столько насторожек — ловушек для охоты на песцов. Они вступали и в торговые отношения с коренными жителями Арктики, имели стеклянные бусы — «одекуй», а также явно туземные по происхождению изделия и одновременно вещи для натурального торга с аборигенами, в том числе замечательное по художественному оформлению бронзовое литое зеркало. На нем изображен мифический кентавр — герой любимой русскими книжниками повести об Александре Македонском. Античный кентавр-кентаврос стал, как известно, в русской повести «китоврасом». Такие зеркала бойко шли в продажу от Таймыра и до Байкала. Для коренных сибиряков «китоврас» был изображением их собственного небесного божества, солнечного всадника.

О близких отношениях с туземцами Сибири можно судить и по таким предметам, как орнаментированная сумочка для хранения огнива. Узор на ней выполнен в технике аппликации из разноцветного сукна и полностью повторяет мотивы (треугольники и стилизованные олени рога), которые свойственны ненецкому национальному искусству.

Такие сумочки служат своеобразным индикатором культурных контактов: огниво также необходимо было в повседневной жизни Древней Руси в быту простого русского человека, как и нож.

Отсюда следует, что уже тогда имело место и взаимодействие, взаимопроникновение художественных традиций. Не исключено, что владелец сумочки был даже женат на ненецкой женщине, которая и сшила ему такую сумочку, тем более что в числе оставленного имущества есть и предметы, которые составляют часть традиционных принадлежностей именно женского туземного костюма: полулунные металлические подвески.

Остается вопрос: когда вышли в путь безвестные мореходы? Крупнейший исследователь монетного дела на Руси профессор Г. Спасский тщательно изучил уникальное собрание монет — сохранившуюся в мерзлой почве Арктики денежную казну. И пришел к выводу, что ее начали собирать не позже первой четверти XVII века, при первом царе из дома Романовых, Михаиле Федоровиче.

Решающее значение для определения возраста коллекции (1901 монета из залива Симса, 1435 — с острова Фаддея, а всего 3336 монет), как ни странно, имеют фальшивые легковесные монеты с именем Василия Шуйского, которые чеканились шведскими захватчиками в Новгороде во время оккупации новгородской земли. Шведские фальшивомонетчики выпускали такую монету с 1611 до 1617 года.

В составе коллекции нет еще денег Михаила Федоровича, чеканившихся в Новгороде с 1617 года. Нет в ней и копеек Христиана IV, чеканенных по типу и весу русских копеек в 1619 году согласно договору с русским правительством для торговли с русскими пограничными областями. Псковские монеты Михаила Федоровича, которые могли быть выпущены лишь в те годы, когда завершилось Смутное время и улеглась тревога в западных областях государства, тоже отсутствуют.

Соответственно уникальную коллекцию монет, представляющую русский монетный чекан за несколько десятков лет, кончили собирать около 1617 года. Тогда же, следовательно, вышли в далекий поход участники этого мореходного предприятия. Всего вероятнее, из Мангазеи. За такое решение «голосует» и упомянутая сумочка для огнива, весь ее типично ненецкий орнамент.

В письменных документах нет прямых указаний на состав и судьбу этой торгово-промышленной экспедиции самого начала XVII века. Но она хорошо вписывается в известия о том, что русские издавна ходили морем вдоль северных окраин Сибири, с запада на восток. Еще в 1525 году один из образованнейших людей своего времени, новгородец по происхождению, прибывший послом в Рим к папе Клименту VII, сообщил, что «Двина, увлекая бесчисленные реки, несетя в стремительном течении к Северу и что море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китай». Занятые поисками прямых путей в Китай и Индию англичане и голландцы не раз слышали в том же XVI и XVII столетиях от русских мореходов и охотников, с которыми встречались в арктических морях, что к востоку от Ямала и Новой Земли лежит хорошо известная русским морская дорога вплоть до устья Оби и даже далее.

К 1609 году относится известие И. Массы о походе экспедиции морехода Луки, отплывшей еще в конце Смутного времени. Она нашла «много различных и редких островов, рек, птиц, диких зверей — все это далеко за Енисеем».

Согласно письменным источникам уже в 1010 году в районе устья Енисея и Пясины появились кочи двинянина Куркина с товарищами. Тогда же, в 1610 — 1616 годах, мангазейские казаки открыли путь на реки Пясину и Хатангу. Одними из тех, кто прокладывал эту дорогу, и были, очевидно, мореплаватели, которые, может быть, впервые обогнули Таймыр и самую северную оконечность материка Азии, мыс Челюскина. Обогнули и тем самым более чем на два века опередили знаменитого путешественника А. Норденшельда, того, что, дойдя до мыса Челюскина, воскликнул: «Мы достигли великой цели, к которой стремились в продолжение столетий! Впервые судно стояло на якоре у самой северной оконечности Старого Света!»

В архивах не сохранилось или пока не найдено письменных документов о большинстве таких отважных путешествий с запада на восток. Однако кто знает, может быть, со временем мы узнаем из письменных источников не только об именах отважных путешественников, но и об их трагической судьбе, об их подвиге.

В 40-х годах наша экспедиция верхом на оленях путешествовала по Жиганской тайге — стране моховищ и «травяных речек», искала новые материалы для ранней истории Якутии.

Охотник и оленевод колхозник Николай Курилов из Олерского (прежде Хангайского) наслега в низовьях Лены рассказал, что некий человек, охотившийся зимой на песцов, обнаружил на берегу моря следы чело века. Ступив на след, охотник увидел, что тот равняется нескольким харысам (четвертям). Следы шли в море

Охотник встал рано утром и поехал по следам. По еле двух суток езды он увидел ночью перед собой гору, возвышавшуюся сквозь морозный туман, как остров. Перед горой следов стало много. Навстречу ему вышла женщина высотой в несколько сажен. Она взяла охотника за руку и повела в дом. В доме находился также и мужчина.

Мужчина сказал охотнику: «Я сам виноват, что показал свои следы, иначе бы ты не пришел сюда... Теперь отправляйся назад в свою землю, только никому не рассказывай. А я тебе помогу вернуться. Сейчас же не выходи, пока я не приготовлю нарту. Выйдешь потом сразу». Через некоторое время тот человек зашел снова в дом и сказал: «Все кончено, теперь выходи». Кругом был сплошной туман, ничего не видно. Хотел увидеть их дом охотник, но ничего не увидел. Великан посадил его на нарту, завязал ему глаза и сказал: «Когда доедешь до своей земли, собак отпусти».

Те места, где раньше дважды ночевал, охотник теперь прошел без ночевки, в один день. В пути охотник развязал глаза и увидел, что его везут не собаки, а два волка. Его же собаки не могли тех догнать. Дойдя до дома, охотник отпустил волков-собак, и они сразу исчезли. Его собственная собачья нарта была нагружена доверху. Когда он раскрыл груз, то увидел множество лисиц-песцов. Когда охотник был в той заморской юрте, хозяин спросил его: «Почему ты бродишь один по берегу моря». Охотник ответил, что этим мы и

живем. Пожалев его, великан дал ему так много пушнины. Дом же великана был обыкновенного, человеческого вида. До старости тот охотник никому об этом случае не говорил, а рассказал только при смерти.

В других вариантах этих легенд говорится, что охотник, попав в селение таинственных людей-великанов по следам гигантского человека, поехал с ним в открытое море. В некоторых случаях рассказывается, что люди эти уносят из человеческих костров горящие головешки. Они отличаются от обычных людей, обитателей материка, не только своим гигантским ростом, то и тем, что имеют длинные густые брови или даже сплошь покрыты шерстью; это — «бородатые» люди.

В описании же жилищ много реальных черт, много такого, что поразительно напоминает жизнь оседлых морских охотников-зверобоев арктических островов.

Дома «бородатых» расположены не по одному, а целыми поселками. Форма домов круглая, то есть куполовидная, как у полуподземных жилищ эскимосов и сидячих чукчей. Дома делятся на две части, на сени и внутреннее пространство. Так строились эскимосские зимние жилища, куда попадали через сени. Внутри дома располагались спальные пологи. Жилище освещалось не печами, а «светящимся камнем». В этом источнике света нетрудно увидеть жировую лампу, которая обогревает и освещает эскимосские жилища, а также служит для приготовления пищи. Ездят «бородатые» на собаках, похожих на огромных волков.

Таким образом, в легенде о «бородатых» людях обнаруживаются определенные элементы этнографической действительности, которые говорят о древних связях континентальных охотничьих племен с обитателями морских островов.

Со временем, когда на севере Азии появились русские, они не только легко восприняли представления аборигенов о жителях островов Ледовитого океана, но развили их дальше, придали им новую окраску соответственно своим представлениям и мировоззрению.

В их легендах о «земле бородатых» отразилась наивная крестьянская мечта о вольной земле без царя и помещиков.

В Якутске И. Сельскому в середине XIX века рассказывали о существовании «сзиздавна каких-то жителей, прежде сосланных, потом бежавших и поселившихся на неизвестных островах Ледовитого моря. В давние годы какой-то промышленник около Колымского устья осматривал на островах звероловные снасти. Там застигла его пурга, и он заблудился. Долго блуждал он по окрестным пустыням, и наконец собаки привезли его в незнакомое селение, состоящее из нескольких домов, которые все были срублены на угол. Заблудившегося приняла женщина, но она с ним ничего не говорила. Поздно вечером пришли с промысла мужики и стали расспрашивать прибывшего к ним: кто он, откуда, по какому случаю и зачем заехал к ним, не слыхал ли он об них чего прежде и наконец не подослан ли кем? Промышленника этого они держали под присмотром шесть недель, поместили его в отдельном доме и не позволяли отлучаться ни на шаг, ни с кем не разговаривать. Заключение во время пребывания своего там часто слышал звон колокола, и обитатели этого заповедного селения собирались в молельню, из чего он и заключил, что это был раскольнический скит. Наконец жители этого дикого селения согласились отпустить этого промышленника, но взяли с него при этом клятву молчать обо всем виденном и слышанном им. Затем они ему завязали глаза, вывели из селения и проводили очень далеко. При расставании подарили ему большое количество белых песцов, красных лисиц и сиводушек».

В свою очередь, верхоянский исправник писал иркутскому епископу Вениамину, что на Ледовитом океане есть «неизвестный географии остров. Он в хорошую и ясную погоду с острова Новой Сибири к северо-востоку представляется точкой. На этом острове есть жители. Их называют бородачами, потому что, говорят, народ совершенно оброс волосами. С ними весьма редко и под опасением смерти имеют сношения дикие чукчи,

которые передают о сем под секретом чукчам, платящим ясак. Они, тоже под секретом, русским...

Народное предание говорит, что бородачи на том острове проживают лет четыреста; что какой-то епископ со свитой был занесен на него и выброшен, судно разбило, и спасения не было, будто бы слышат на том острове звуки колоколов, но как в жилища свои бородачи не допускают, а ведут торговлю только на берегу, то дикие чукчи сами наверно сего не удостоверяют».

Протоиерей П. Громов допускал, что чукотский рассказ о неведомом городе «бородатых» людей, где есть христианские церкви с колоколами, может иметь связь со сказанием о гибели миссионера Флавиана (конец XVIII века) со свитой.

Остается добавить, что древние легенды оказались одним из стимулов и к географическим исследованиям в начале XIX века, к поискам загадочной «Земли Санникова»!

Не случайно, еще в конце этого века один колымский старик, услышав об экспедиции Седова на Северный полюс, сказал:

«Ну значит, беспременно к людям, что в домах с золотыми крышами, заедут», намекая на таинственных островитян, о которых согласно говорят легенды русского и коренного населения побережья Ледовитого океана.

Таким образом, если в рассказах мангазейских казаков о Пенде звучит жажда славы и богатырский размах подвига первооткрывателей для русского государства новых земель, то в цикле о «бородатых» явственно выступает более глубокая идея: о воле и свободе. Слышна исконно мужицкая тоска по свободной от крепостного ига земле.

Эту землю, страну крестьянского счастья, искали наши мужики. Она снилась им десятки и сотни лет. Они чаяли ее найти и во льдах Северного океана. Об этом и рассказывают легенды, где причудливо переплелся фантастический вымысел с этнографической реальностью.

ЯКУТСКИЙ «ЦАРЬ» ТЫГЫН. ЛЕГЕНДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Самое сильное желание историка — восстановить не только общую социально-экономическую схему исторических событий, но и встретить живых людей прошлого, сопереживать с ними их борьбу, волнения и страсти. Разумеется, осуществить такое стремление тем труднее, чем дальше отстоят события нашего времени, чем меньше документальных свидетельств, прежде всего письменных. Поскольку речь идет о народах севера Азии, эта задача особенно трудна. Даже в тех случаях, когда мы говорим о сравнительно близком времени, о первых контактах русских с коренным населением Сибири.

На западе Сибири первое лицо, которое прочно вошло в историю, — «царь» сибирских татар, сидевший в городке Искере на Иртыше, Кучум. О нем говорят и летописи и фольклор, как татарский, так и русский. Но сам он в наших представлениях остается лишь бледной и неясной фигурой.

Второй — якутский «царь» Тыгын, имя которого тоже вошло в историю Сибири, хотя он, видимо, и не дожил до присоединения Якутии к России, а остался лишь на самом пороге развернувшихся событий. Из двух туземных «царей» Тыгину повезло больше по той причине, что его образ вдохновил создателей якутского исторического фольклора.

Дорусская история племен Крайнего Севера Сибири в собственном смысле этого слова как связное повествование об определенных конкретно-исторических событиях и лицах прошлого фактически отсутствует. Она исчерпывается, как правило, отрывочными фактами, которые содержатся в сказаниях об отдельных племенных героях-хосунах, о межродовых войнах и столкновениях. Эти разрозненные факты не могут быть объединены в целостной исторической картине и в каком-либо определенном

хронологическом порядке, хотя бы они даже относились ко времени, непосредственно предшествующему появлению русских на Севере.

Картина последовательной смены исторических событий раскрывается лишь для одного из северных племен — якутов благодаря двум особым обстоятельствам, которые, несмотря на отсутствие письменных источников, позволяют с неожиданной полнотой и отчетливостью проследить историю этой народности в течение двух или даже трех веков до прихода русских на Лену. Такая сохранность фольклорных текстов — случай редчайший и удивительный.

Первое из этих обстоятельств — существование у якутов вплоть до настоящего времени удивительно богатой и стойкой устной традиции. Второе обстоятельство — замечательные записи якутских исторических преданий, сделанные еще в XVII—XVIII веках, в особенности записи участника Великой Северной (Камчатской) экспедиции, спутника академиков Миллера и Гмелина, Я. Линденау.

Записям его буквально нет цены, потому что они фиксировали живую устную традицию якутов, которая относилась всего лишь к ближайшим полутора-двум векам до этого.

Первым вождем якутов на Средней Лене согласок: записям Линденау был Баджей — дед Тыгына. В якутских легендах XIX—XX веков он носит наименование Дойдуусадархан, что, собственно, является не личным именем, а титулом. По данным С. Боло, этот Дойдууса-дархан иначе именуется Тюсюлгэ-дархан, то есть дархан с тюсюлгэ — праздничным священным алтарем, седалищем богов, устраиваемым из березок во время весеннего праздника плодородия — ысыаха. И это последнее наименование тоже, очевидно, является почетным прозвищем.

О Тюсюлгэ, или Дойдууса-дархане, Баджее в народной памяти сохранилось воспоминание как об исключительно богатом и могущественном властелине. Он имел много воинов, хамначитов (слуг) и рабов. Жил на коренных кангаласских землях, по одним данным, в современном Немюгинском наслеге бывшего Западно-Кангаласского улуса, по другим — на холме у озера Сахсары. Владения его распространялись по левому берегу Лены; от нынешнего Якутска до Покровска.

Сыну Баджея Мунджану (или Муньяну) наследовал Тыгын (или Дыгын). В наиболее распространенных вариантах легенд он изображался в виде богатыря-гиганта. Рост его был таков, что тень дерева в лунную ночь достигала лишь темной каймы грудных сосков, одно глазное яблоко весило тридцать фунтов, а расстояние между глазами равнялось двум четвертям аршина.

Таковыми же богатырями-гигантами были и сыновья Тыгына. Даже меньшие из них согласно преданиям обладали такой силой и размерами, что во время стычек с казаками отмахивались от пуль, как от назойливых насекомых.

Согласно преданиям легендарный Тыгын неустанно преследует другие роды и племена, убивает их воинов-богатырей, а то и безжалостно истребляет их жен и детей, захватывает имущество побежденных и предает огню жилища.

«Если где-нибудь, хотя бы в отдаленных улусах, появился сильный богатырь, Дыгын стремился сжить его с бела света. Для этого он посылал сильных ратных людей с приказом доставить богатыря живого или мертвого. Если посланные не имели успеха, то Дыгын отправлялся сам с войском. Таким образом, он убил многих славных богатырей». Жертвой кровожадного Тыгына стали даже самые могучие из его собственных сыновей, Тас-уллунгах и Муос-уол, предательски убитые во время сна.

А когда Тыгын встречает более сильного противника — храброго тунгусского витязя, простодушного рыбака Бэрт-хара или другого лесного богатыря, он попросту спасается от них бегством, вырезав заднюю сторону своего берестяного шатра-урасы.

Но зато впоследствии, когда Тыгын достиг глубокой старости, наступило возмездие. Когда с юга появились грозные пришельцы, слуги могущественного далекого царя, вокруг Тыгына уже не осталось прежних якутских богатырей. Одни из них

погублены Тыгином, другие сами покинули кровавого деспота-сыноубийцу, опасаясь его коварства и ярости.

Такова основная канва легендарной истории якутов, согласно записанным в XIX—XX веках преданиям. Такими предстают в них личность и судьба Тыгына.

При всех его отрицательных качествах, о которых согласно говорят легенды, реальная действительность, отраженная в легендарном образе Тыгына-насилльника и злодея, много сложнее. Попробуем в ней разобраться детальнее.

Легенды свидетельствуют о действительной трагедии Тыгына и его народа перед приходом русских, о времени кровопролитных битв и междоусобий, которое вошло в фольклор как целый век «кыргыс-уйэтэ», окутанный маревом пожаров и дымящейся человеческой крови. Путеводной нитью в запутанном лабиринте легендарных сюжетов служит самый ранний по времени записи источник — рассказ Я. Линденау о событиях, происходивших в Якутии конца XVI — начала XVII века. Как пишет Линденау, наследником титула и положения тойон-уса — главы якутов — после Муньана по собственной воле последнего остался его младший сын Тыгын. Старшие братья были крайне раздосадованы тем, что отец отнял у них преимущество в наследовании его прав, и поссорились с Тыгином. Эта ссора вызвала волнение в народе: почти все якутские роды, говорит Линденау, пришли в возмущение.

Междоусобная война между наследниками Муньана так глубоко всколыхнула якутский народ во второй половине XVI века, что отразилась даже в позднейшем фольклоре, правда, уже зашифрованная условной формой эпического трафарета.

По словам таттинского сказителя Е. Егорова, молодой богатырь Тыгын встретил в северной тайге женщину-красавицу по имени Ныырбакаан, имевшую трех сыновей. Узнав о ней, отец Тыгына просил сына привести к нему Ныырбакаая. Ныырбакаан, став женой отца Тыгына, жила отдельно от остальных его жен, а сыновья ее по-прежнему уходили охотиться на север и возвращались домой с богатой добычей.

Однажды они увидели и убили дорогую птицу Сар. «В то время, — говорит сказитель, — птица считалась очень дорогой птицей у якутов, означая либо счастье, либо что-то заветное». Сняв шкуру с птицы, охотники прибили ее для просушки к первой (главной) матице дома. Когда Тыгын вошел к ним и увидел птицу Сар, он стал просить сыновей Ныырбакаан, чтобы те отдали ему заветную шкурку, но получил отказ. Тогда Тыгын рассорился с ними, силой схватил шкурку, сел на коня и попробовал ускакать. Но в ответ сыновья Ныырбакаан стали стрелять в него из луков. Отпрыгивая и увильвая от быстрых стрел, Тыгын увидел, что острия стрел впиваются в лиственницы до самого древка. Устрашенный этим Тыгын бросил шкурку птицы Сар и поскакал домой.

Узнав о происшедшем, старуха Ныырбакаан решила, что ей с сыновьями здесь больше не будет житья, и бежала на Вилюй, где от нее произошел Нюрбинский улус.

В другом варианте рассказа о Ныырбакаан говорится, что на Вилюе во времена Тыгына, «в окрашенное алой кровью боевое время, жили племена дьырики-ней» — туматы и тунгусы. Туматы обратились к тунгусам с просьбой разрешить им поселиться рядом, но те отказали. Туматы напали на тунгусов, однако последние поголовно истребили туматов, «прикусив (их) кровью». Уцелела только одна девушка по имени Ныырбакаан, которая спаслась в яме, а затем бежала вниз по Вилюю в ветке (легком челноке. — *А. О.*) брата. По дороге девушка ловила птиц силками из собственных волос и тем питалась.

Доплыв до одиноких старика и старухи, Ныырбакаан сказала им, что ее родных истребил колдовством грозный шаман, и затем стала им вместо дочери. Здесь ее встретил Тыгын, приехавший охотиться в тайгу, и потом рассказал о ней своему отцу. По просьбе последнего Тыгын привез девушку, и отец взял Ныырбакаан побочной женой. В дальнейшем от этого брака родились дети Босхот-бэлгэтин, Тойук-булгудах, Ырыа-быр-кынга. В дальнейшем происходит ссора их с Тыгином из-за шкуры матерого зверя.

В других преданиях старуха, прародительница вилюйских якутов, называется Джардах, или Джархан-эмяхсин. Но суть преданий одна и та же: от Тыгына откальваются и уходят на Вилюю его родственники, предки вилюйских якутов.

Ход дальнейших событий, развернувшихся поело ссоры Тыгына с братьями, развивался так. Несмотря на ссору с братьями, Тыгын долгое время стремился сохранять дружбу и мир с ушедшими на Вилюю сородичами. Но зато он нещадно грабил и разорял другие роды, которые не решались ему сопротивляться. Он имел, говорит Линденау, столкновения с борогонцами на озере Мюрю и на Алдане по дороге к Верхоянску; с батурусцами на реке Татте и с бетюнцами на реке Амге у речки Хатуйа.

Указания на агрессивную войну Тыгына со всеми перечисленными племенами содержатся и в поздних преданиях, которые имеют особенную ценность потому, что в ряде случаев освещают ход событий не с точки зрения сородичей Тыгына — кангаласцев, а с точки зрения их врагов, так как записаны у потомков последних в восточных улусах.

Столкновения Тыгына с борогонцами отразились, например, в легенде о богатыре Бэрт-хара. В варианте легенды, записанном от усть-алданского сказителя Д. Говорова, о первой встрече людей Тыгына с Бэрт-хара говорится, что искавший своих лошадей парень Тыгына Бёдьёке-бёгё неожиданно увидел следы человека с днище берестяного ведра. Пройдя по богатырскому следу, он достиг борогонских земель и в местности Ханга нагнал богатыря, а затем, осмелев, толкнул его сзади грудью своего коня. Богатырь на это лишь слегка махнул левой рукой, и Бёдьёке и его конь отлетели в сторону с такой силой, что увязли в сугробе. Простодушный Бэрт-хара обернулся, вытащил их из снега и, увидев очень важного человека в дохе из черных соболей, подумал, что на него напал лесной зверь, а потому поставил на ноги и обернул его лицом на запад.

Услышав рассказ Бёдьёке, Тыгын решил «найти богатыря, попать его имя и пути, расплескать его счастье». Приехав со многими воинами к матери Бэрт-хара, Тыгын увидел огромный лук, тетиву которого не мог натянуть ни один из его воинов. Оказалось, что из этого лука Бэрт-хара стрелял в детстве. Когда богатырь вернулся, он поймал быка, положил его к себе на колени и сразу свернул ему голову, а затем тут же содрал с него руками шкуру. Когда бык варился, на колени богатыря упало горящее полено, но Бэрт-хара даже не заметил ожога.

Тыгын побоялся ночевать по соседству с жилищем Бэрт-хара и уехал на озеро Мюрю, где и зимовал. Весной Тыгын устроил там ысыях и пригласил на него Бэрт-хара, которому вручил берестяной сосуд с кумысом, куда был насыпан мелко нарезанный конский волос. В то время как богатырь сидел и пил, Тыгын ударил его мечом, целясь в основание шеи. Но Бэрт-хара увернулся от удара, даже не расплескав напиток. Когда этот предательский удар повторился, Бэрт-хара хотел в гневе заколоть пальмой (копьем. — А. О.) всех находившихся в улусе и оставил свое намерение только после долгих уговоров Тыгына. Во время празднества Бэрт-хара победил всех лучших воинов Тыгына в играх и стрельбе из лука.

После окончания игр и состязаний ночью, когда Бэрт-хара крепко спал, Тыгын разобрал половину урасы и бежал через отверстие. Погнавшись за ним, Бэрт-хара и его сородич Кылыса-сюрюк догнали людей Тыгына у озера Бёейдингё Тийт и отогнали две трети их скота, а сам Тыгын, «не заботясь о скоте — пище», пустился в бегство.

В других преданиях говорится, что на обратном пути от Бэрт-хара Тыгын все же напал на один из борогонских родов, Бес-борогон, проживавший в 30 урасах, и поголовно истребил его, кроме одного скрывшегося, под опрокинутой чашей мальчика.

В отличие от кангаласских легенд, где говорится, что Бэрт-хара подчинился, стал зятем и соратником — дружинником Тыгына, борогонские легенды подчеркивают непримиримость их вражды. По словам сказителя Д. Крылова, у них в Борогонском улусе «не было того сказа, чтобы Тыгын-бай сделал себе зятем Бэрт-хара, наоборот, сказывают, что Тыгын хотел его убить, попать его имя, отнять земли, места его; намеревался,

обманывая праздником — ысыахом, поймать, убить, но тот был лучшим из лучших, и Тыгын вернулся назад, не достигнув цели».

О борьбе Тыгына с бетюнцами рассказывают так. На Амге в местности Соморсун Арыаллаа жили шесть или семь братьев, носивших наименование «волки-бе-тюнцы», или «имеющие счастье волка бетюнцы». Поблизости обитал другой род — нахарцы. Бетюнцы находились в родстве с борогонцами, а их соседи нахарцы — с Тыгыном. Однажды ночью на озере оба рода организовали совместную подводную неводьбу. Неводьба сопровождалась играми, во время которых бетюнский парень поборол одного из молодых нахарцев по имени Бёд-жэкё. Свалив его на лед и не давая ему встать, бетюнец ради шутки набил ему в штаны снегу, а остальные бетюнцы насмеялись над ним.

По другому варианту предания, Бёд-жэкё, пораженный красотой жены бетюнца Масараха, своего дяди по матери, публично воспел ее и тем оскорбил последнего. Летом нахарцы устроили ысыах и позвали на него бетюнцев, но те, подъезжая, увидели хозяев ысыаха в блестящих от солнца боевых доспехах. Решив, что дело идет к войне, бетюнцы вернулись домой, заперлись в амбар-крепость, построенный над глубокой ямой-убежищем, и стали ожидать врагов. Появившись около бетюнцев, нахарцы начали обстреливать крепость из луков, а потом, приблизившись, подожгли ее. Не довольствуясь тем, что здание вскоре было охвачено пламенем, нахарцы подрубили большое дерево и свалили его на горящий дом. Матицы дома обрушились, и весь потолок, объятый пламенем, обвалился.

Охваченные злобной радостью нахарцы торжествовали, восклицая: «Бёре-бетюнцы! Страшные люди! Что стало с вами? Выходите сюда! Неужели вы, превратившись в пепел и дым, улетели в воздух?» Собирая валежник и сучья, они бросали их в костер, отчего пламя усиливалось, ярко вспыхивало и громко трещало. Бетюнцы же скрылись в погребке и сидели там, закрывая лица от дыма запасенным для еды конским салом.

В этот момент один нахарец стал ходить по свалившемуся на пожарище дереву, шевеля палкой пепел, издевательски восклицая: «Как тяжело и как ужасно, что наши дорогие соседи Бёрё-бетюнцы, превратившись в дым, исчезли с лица земли!» Тогда один из бетюнцев, сидевших в яме, знаменитый стрелок Егедей через щель выстрелил в него из лука так, что нахарец упал мертвым.

Решив, что сгоревшие враги и в самом деле превратились в злых духов — абаасы, нахарцы от страха убежали домой. Увидев это, бетюнцы вышли из убежища и направились за нахарцами, которые расположились ночевать на речке Хотуйа-Юрэгя. Перед тем бетюнский шаман вселил духа кровопролития — Ильбис в витязя Тэтэйбит-боотура, который обезумел от жажды крови, ночью ворвался в лагерь спокойно спавших врагов и перебил их всех, кроме одного-единственного молодого шамана.

Последний заранее, чуя недоброе, говорил, что Илби-сова дева слишком часто ходит и назойливо поет свои песни. По другому варианту легенды он прорицал: «Скоро будет страшное бедствие, богиня кровопролития, летая взад и вперед, воспекает междоусобную войну. Речка будет наполнена кровью до половины человеческой голени». Так как сородичи не послушали его, он ушел с женой и детьми и тем спасся.

Бежав на Лену к своему родственнику Тыгыну, шаман обратился к нему со словами: «Бёрё-бетюнцы, жившие по соседству с нами, теснили и угнетали нас и в конце концов истребили. Только я один и остался в живых. Будь нашим солнцем-спасителем, заступись, оберегай!» В ответ на мольбу шамана Тыгын собрал своих воинов и отправил их на Амгу, чтобы отомстить за избиение родственников.

По одному из вариантов предания, воины Тыгына, окружив юрту бетюнцев и стреляя из луков, потребовали, чтобы они выдали девятилетнего сына Масараха по имени Кис-сагыньях (соболиная шуба), родившегося от дочери нахарцев.

Вынужденные принять это требование, бетюнцы вытолкнули из юрты рыдавшего мальчика. Воины Тыгына сразу же так обстреляли мальчика, что стрелы из него торчали

во все стороны как бахрома. Израненный мальчик бегал и метался, рыдая от невыносимой боли, пока воины, окружившие его плотным кольцом, не закололи наконец свою жертву ударом копья.

После возвращения своих воинов из похода Тыгын решил предпринять второй поход против бетюнцев с тем, чтобы окончательно уничтожить их. Однако, по рассказу сказителя Филиппова, дело закончилось миром.

В том же духе и часто в тех же самых стереотипных формулах освещается в фольклоре борьба Тыгына с предками намцев и других племен, не входивших в кангалаескую группу: батурсцев, виллойчан, хоринцев.

Одно из таких преданий, записанное от сказителя М. Неустроева, поражает обилием деталей, раскрывающих традиционное языческое мировоззрение древних якутов.

Предание начинается повествованием о чудесном мальчике-богатыре, родившемся в Намцах, в местности Бетюн; мальчик этот появился на свет божий с серьгой из слитка золота величиною с яйцо чирка. Услышав о нем, старик Тыгын сказал своим приближенным: «Ребенок этот вырастет, чтобы властвовать над людьми. Идите и сотрите мальчика с лица земли, пока не окрепли его кости». Мальчику было в то время шесть лет.

Когда воины Тыгына подошли к жилищу, женщины только вышли доить коров. В юрте ребенок проснулся и, чуя беду, выскочил через их головы наружу. Гнались за ним два дня. Догнали его только у северной Почтенной горы в Одейцах, где дорогу преграждает река. Стрела витязя Бегюел-Беге пронзила ребенка, побежавшего на гору, и он голый кувырком скатился вниз. По возвращении из Намцев Бегюел-Беге, взяв свою жену, поехал к себе домой, так как все, против кого Тыгын имел что-либо, были уничтожены.

В те же времена в Намцах в Бетюнском наслеге жил шаман по имени Оборчо. Жертвуя беломордую лошадь рыжей масти, Оборчо поднялся на небо и шаманит Улуу-тойону, умоляя его усмирить Тыгына, так как он губит все живущее на земле человечество. Но Улуу-тойон устами самого шамана ответил: «Он (Тыгын) мое собственное порождение, поэтому не могу его тронуть». В великом огорчении и с плачем вернулся шаман на землю.

Через некоторое время Оборчо собрал 40 человек из своих приверженцев и сказал им: «Теперь как раз удобное время напасть на Тыгына и истребить его со всей родней, ибо с отъездом зятя Бегюель-Беге и сына Чал-лайы он ослабел и не страшен». Оборчо со своими людьми приходит к Тыгыну и говорит: «Заплати выкуп за убитых или же решайся на битву. Ты нанес нам великую обиду, убивал больших и малых, выбирай одно из двух!» Тыгын ответил: «Дайте мне время обдумать окончательное решение, а пока примите мое угощение».

Кормит и угощает их, а тем временем говорит одному из своих витязей по имени Хончой, который славился как скороход: «Иди не медля к верховьям Сун-тара и призови Чаллайы. Неужели же он продолжает сердиться на мою шутку? Пусть мрнется и берет свою жену, я все время держу ее на правах невестки. Через двое суток ты должен быть здесь!» Посланный через двое суток возвратился, призвав Чаллайы. К этому времени были сделаны нужные приготовления.

По прибытии Чаллайы все 40 человек шамана Оборчо были убиты. Ему самому удалось бежать, но его догнали в лесу налево от горы Куллаты.

Шаман пытался уйти от преследователей в глубь земли, но зацепился за корень дерева, угодивший ему как раз между ног. Поймав Оборчо, его никак не могли умертвить, застрелили лишь после того, как вывернули нижнюю челюсть. Оказывается, он носил вставную челюсть, вынутую от двухтравной коровы. Перед смертью шаман успел сказать: «Я убил деву-духа, вдохновляющую их (семью Тыгына) к кровопролитию, она скрывалась на лобном пятне (лошади) Чаллайы. Теперь им не будет удачи в войнах».

Эти последние слова, вложенные кангаласским сказителем в уста погибшего от рук Тыгиновых людей намского шамана, были, конечно, попыткой объяснить последующую

гибель Тыгына и подчинение его народа пришельцам, с точки зрения самих кангаласцев, не сомневавшихся, должно быть, в божественном происхождении своего вождя от грозного Улуу-тойона.

Вместе с тем они в полной мере показывают, какой безнадежной была, по мнению кангаласцев, борьба намцев против Тыгына.

Столь же определенно о конечной победе Тыгына свидетельствуют и материалы Линденау. По его словам, военные столкновения, происходившие многократно, привели наконец противников Тыгына к такому положению, что они, окончательно ослабев и будучи не в состоянии больше противостоять ему, должны были согласиться на полное послушание.

Успехи Тыгына были в значительной степени обеспечены помощью его сородичей, хотя и находившихся в некоторой оппозиции, но тем не менее всегда оказывавших содействие в его борьбе с чужеродцами и прибегавших к нему в случае опасности, как, например, поступили нахарцы во время их столкновения с бетюнцами.

Какими последствиями грозило его соплеменникам ослушание требованиям Тыгына в тех случаях, когда он обращался к ним за помощью, видно из рассказа о судьбе Ходоринского рода. «Якуты-ходоринцы, — говорится в легенде, записанной у потомков самих ходоринцев, — составлявшие тогда один род-аймак, жили в 33 чумах в Восточной Кангаласекой земле на аласе-летнике Кобе-дэ, что находится недалеко от теперешней речки Мыла. Главой их был старик, которому все подчинялись и слова которого выполнялись беспрекословно. Однажды летом с западной стороны этой реки (Лены) прибывает к ним с отрядом людей, с большой боевой дружиной Тыгын-Баай. Прибыв, стал жить со своими людьми и скотом в уресе на аласном косогоре. Живя так, через некоторое время просит ходоринского старика отпустить ему трех витязей в панцирях, которые бы помогли ему в битвах. Оказывается, он ехал воевать против предков абагинцев, которые жили в то время у речки Лиги. Тогда ходоринский старец вызывает к себе трех лучших витязей с панцирями и говорит им: «Вот прибыл к нам глава якутов — богач Тыгын-тойон. Он едет в Амгу, чтобы грудью встретиться с врагами, лить их кровь за кровь своих, драться с ними за честь и славу. Идите с ним помочь ему». На это те возразили: «Мы бы, если смогли, сами его попросили быть нашим помощником, не то чтобы быть его помощниками», и наотрез отказались идти с Тыгином.

После этого Тыгын устраивает пышный ысыах, на который собирает множество народу. Ысыах продолжается семеро суток. На ысыах явились все ходоринцы. Были разнообразнейшие игры и обильная еда. На исходе седьмого дня ходоринцы не выдержали и, когда настала ночь, заснули. Этого только и нужно было Тыгину. Как только те заснули, он перебил всех жителей 33 чумов, в том числе и тех трех витязей, не щадя никого, ни стариков, ни женщин, ни детей... А когда с ними было покончено, он со своими людьми спрятал всех убитых в одну общую яму». Был безжалостно уничтожен, говорится в легенде, даже и один малолетний мальчик, который спрятался на дне озера в озерной траве. Люди Тыгына взяли стрелу, плюнули на ее острие, совершили заклинание и выпустили вверх; падая вниз, заколдованная стрела впиалась в голову ребенка, который сразу же появился на поверхности озера. До сих пор в Ходоринском наслеге на косогоре аласа Кобэдэ видны глубоко погруженные в землю столбы частокола, похожие на зубчатую железную ограду; видны еще и очертания ямы, в которую закопали убитых. Нынешний же Ходоринский наслег образовался из потомков одного случайно уцелевшего человека, к которому присоединились люди из рода Еосюй-Хангалас.

Рассказ этот приукрашен трафаретными мотивами якутского исторического фольклора, как и сюжет об умерщвлении младенца заколдованной стрелой или об ысыахе, устроенном с коварной целью обмануть бдительных врагов. Основная канва его тем не менее насыщена трагической реальностью, и вряд ли можно сомневаться в том, что жестокая расправа Тыгына с непокорными ходоринцами действительно имела место.

Достигнув такого могущества и власти, Тыгын все же не мог удовлетвориться ими. Он решил, что теперь наконец-то наступил момент, когда могут осуществиться его стремления к полному господству над якутскими родами. Как говорит Линденау, «он снова страстно захотел привести в подчинение свою семью». Однако в ответ на такое требование, выраженное Тыгином в беседе с его старшим братом Каджага, последний настолько разгневался, что ударил Тыгына по лицу, и тот ушел домой окровавленным. Покинув жилище Каджага, где произошло это событие, Тыгын велел сообщить ему, что, как только выздоровеет, отомстит за свой позор. Каджага и «остальные» (его сородичи) хорошо знали, что не могут оказать Тыгину никакого сопротивления, и потому поспешили бежать от него. К ним присоединились некоторые люди из Намской волости.

Все эти беглецы пошли вверх по Лене до Олекмы, где затем и расселились. Спустя долгое время они получили известие, что Тыгын снаряжается преследовать их и здесь. Некий тунгус Чаланга дал им, однако, добрый совет, как избежать этой беды. Он был из рода Нинеган и знал, что по реке Вилюю повсюду есть хорошие места для скотоводства. Беглецы последовали совету тунгуса и пошли с Олекмы на Вилюй, причем Чаланга был в дороге их проводником и счастливо привел их на место. Однако те из них, которые пришли из Намской волости, остались на Олекме.

Поскольку беглецы достигли наконец реки Вилюя, им встретились здесь тунгусы родов Джурумджаль и Мамагир, собственностью которых была земля в этой области. Тунгусы, однако, добровольно согласились уступить часть своей земли, и якуты купили у них навечно землю около озера Тойбохой. Якуты дали за купленную землю одну женщину и 20 кобылиц. Реку Чону, которая впадает справа в Вилюй, тунгусы удержали за собой «я обладают ею и принадлежащею землей до сегодняшнего дня».

Справедливость рассказа Линденау, записанного по свежей памяти в Центральной Якутии и, несомненно, у кангаласцев, подтверждается и позднейшими фольклорными источниками в виде цитированных выше преданий.

Таким образом, после тяжелой кровопролитной войны все, к чему стремился Тыгын, было достигнуто: он действительно в какой-то мере стал повелителем большинства якутских родов и племен на Средней Лене.

Отзвуки славы Тыгына, достигшего теперь зенита своего могущества, сохранились в фольклоре как центральных, так и самых отдаленных северных районов, в частности Верхоянского, где И. Худяков записал едва ли не самую яркую характеристику якутского «царя», «господина Тыгына».

«На месте, называемом Сайсары, жил человек по имени Тыгын-господин, считая себя якутским царем. Всех ближних людей убивает и не убивает; берет себе, что увидит, и имущество и скот; а если живые (люди) останутся, то берет под страхом смерти. Таким образом, он сильно разбогател и сам не знает счета своего скота. А если сказать примерно по нынешнему, то людей у него было с половину здешнего улуса и богатства столько же». «Живет, славясь, этот Тыгын-господин. Кто бы ни пришел, никого нет такого, кто бы его мог одолеть. Считает себя вольным царем. Тогдашние якуты называли его тоеном (господином)».

Приневоленные Тыгином к подчинению люди других родов и племен, разумеется, не только боялись, но и ненавидели его. Так возникли пропитанные горечью поражений, обидой и злобой легенды намцев, борогонцев, вилюйчан и других племен о кровожадном, но трусливом и коварном деспоте, сыноубийце. Среди же собственных родичей Тыгын достиг величайшего почета, имевшего даже оттенок религиозного, культового преклонения,

М. Неустроев, один из лучших знатоков кангаласских преданий, живший на коренном месте Тыгына в Малтанском наслеге, где проживал в XVIII веке и знаменитый внук Тыгына — Масары Бозекуев и, вероятно, отец последнего Бэджэкэ, сохранил замечательные сведения об отношениях кангаласцев к Тыгину.

«Когда Тыгыну было шесть лет, он, играя, поднял копьё острием кверху и воскликнул: «Хара Суорун-тойон, создавший отец мой! Тунгусы нас невинных обидели, стерли наш род с лица земли. Если суждено мне отомстить всем врагам моим, ниспошли свыше кровавый символ духа войны и убийства — ханнах илбис!» В ответ на самом острие копья очутился сгусток крови. Младенец проглотил его и с этого момента стал быстро расти, превратился в грозного воителя. Уже с десяти лет он превосходил всех силой, умом и знаниями. Высокочтимых людей потомок, знатного рода отпрыск. Тыгын (ытык уон ыаллара, торют уон торю-охтэрэ Тыгын) — наименовала его старуха воспитательница. Когда Тыгын одряхлел и ему исполнилось триста лет, его, — говорит сказитель, — сажали тогда на высокое сиденье — помост, араангас оронгго. Все приезжие издали входили к нему, кладя поклоны, словом, обращаясь с ним, как с божеством (тангара курдук)».

Чтобы понять и наглядно представить себе обстановку, окружавшую под старость Тыгына, нужно, очевидно, иметь в виду ту своеобразную атмосферу древней языческой религии и якутского эпоса, отголоски которых дошли вплоть до XX века, несмотря на разлагающее влияние христианства и новые культурные веяния.

Фигура Тыгына — мудрого старца, владыки и грозного воина, избранника Улуу-тайона — уже при жизни сливалась на этом фоне с величественными образами эпических богатырей и языческих богов. Его рождение и юность овеяны мифологическими образами, окружавшими детство Чингисхана и еще более древних азиатских владык. В простую сюжетную ткань рассказов о борьбе Тыгына с врагами щедро вплетены обрывки таких же мифологических образов и сюжетов. Заваленный бревнами гигантской ловушки Тыгын в предсмертном томлении с горечью вспоминает погубленных сыновей, но уже слишком поздно. В столь мрачных и трагических тонах изображается этими преданиями судьба Тыгына. Сама гибель Тыгына связана была в легендах с крупнейшим историческим переломом в жизни якутов, появлением русских на Севере, и обрисована в величественных чертах эпической драмы.

Такой личность Тыгына и осталась в народном сознании вплоть до XX века.

В действительности время легендарного Тыгына окончилось не столь эффектно. Он как-то незаметно и тихо сошел с исторической арены. Русские документы даже не отметили смерти грозного якутского «царя», так недавно еще потрясавшего свою лесную страну, десятки лет державшего в страхе свой маленький народ.

В устных же летописях его сородичей сказано только, что под старость Тыгын совсем одряхлел, заболел кожной болезнью, тело его покрылось язвами. Он стал говорить невпопад, потерял разум, память и, достигнув преклонных лет, умер. Его похоронили родственники и воздвигли на месте погребения могильный памятник.

Где и как умер Тыгын, кангаласские предания, должно быть, намеренно умалчивают. Линденау же пишет, что Тыгын был взят казаками в заложники и умер как пленник перед приходом первых воевод в Якутский острог. Младший сын, Бэджэкэ, сменил его в аманатах (заложниках), а Окурей (Елькерей) в достоинстве общеплеменного главы якутов — в звании тойон-уса. Со смертью Тыгына ушла в забвение целая историческая эпоха, началось время новых людей и событий, время писаной истории.

Реальный исторический Тыгын, отец Бэджэкэ, Елькерей, Чаллайы и других якутских князцов XVII века, все же по праву занимает важное место в якутской истории дорусского периода не только благодаря своей личной энергии, бесспорным организаторским и военным способностям, но и по общей роли в социально-политической истории якутской народности.

История эта восстанавливается теперь по тем же легендам, как мы видели, в совершенно новом свете.

Тыгын унаследовал от деда и отца определенное общественное положение главы патриархально-родовой по характеру и межплеменной по масштабам организации — союза якутских племен. Вместе с тем он был, очевидно, и главой господствующего среди

них рода, который является основным носителем идеи общеплеменного единства. Организация эта возникла задолго до Тыгына; она была принесена вместе с прочими элементами древней степной культуры якутов их предками, бежавшими на север около двух веков назад из Прибайкалья. В Прибайкалье же она уходит во всяком случае в глубь I тысячелетия нашей эры.

Эпоха первоначальной суровой борьбы якутов за существование в новых условиях и вечной войны с аборигенами Севера требовала всемерного укрепления общеплеменного единства и постоянной поддержки одного рода или племени всеми остальными и наоборот. В этих условиях поддержание общеплеменной организации и авторитета ее главы не представляло большого труда.

С течением времени, однако, якуты не только прочно овладели новыми землями, но и широко распространились на север и северо-запад; они ассимилировали многие туземные племена и стали гораздо более внушительной силой, чем раньше. Внешнеполитическая необходимость в согласованных единых действиях всех якутских родов и племен фактически уже перестала существовать.

Не было и внутренней экономической основы в виде сколько-нибудь широко развитого обмена и единого рынка, которая эдогла бы закрепить единство племенного союза на новой, более прочной основе. Напротив, расселяясь все дальше и дальше по таежным речкам и долинам, разветвляясь на многочисленные отцовские и еще более многочисленные материнские роды, отдельные племена, проникаясь особыми местными интересами и сближаясь с их носителями — аборигенами, все больше и больше утрачивали сознание общеплеменного единства.

В этих условиях достаточно было даже слабого толчка, чтобы ветхое здание общеплеменной организации закачалось и развалилось. Таким толчком явилась смена Муньана Тыгыном в роли верховного вождя, совершившаяся вопреки обычаю и воле остальных сыновей Муньана.

Энергичный и настойчивый Тыгын, даже поссорившись с братьями и другими родственниками, не пожелал уступить свое звание кому-либо другому. С изумительным терпением и дальновидностью он осуществляет широко задуманный план, который должен был привести его к такой полной власти над всеми якутскими родами и племенами, какой не имели, вероятно, и его ближайшие предшественники, кроме, может быть, деда, Дойдуса-дархана, то есть Баджея.

Не щадя своих собственных сил и сил всех своих людей, Тыгын совершает походы во все концы якутской земли, где обитают непослушные ему роды, громит и разоряет непокорных, устраивает пышные ысыахи, увеличивает свое богатство и силу.

Благодаря своим выдающимся личным качествам Тыгын наконец добивается поставленной цели, хотя и ценой потери части наиболее близких ему родственников, бежавших от его мести па далекий Вилюй — «край света», по понятиям тогдашних якутов.

Но на осуществление поставленных задач, по существу, уходит большая часть всей долгой жизни Тыгына. Цель ее достигнута лишь к самому закату, когда Тыгын приближается к последней черте. Его постепенно оставляют силы, подходит то роковое время, когда язвы мучительной болезни покроят его одряхлевшее тело, когда ослабеет не только воля, но и рассудок. И здесь с полной ясностью обнаруживается, насколько непрочен был труд всей его жизни, на каком ветхом основании строил он здание своего могущества.

Как согласно говорят все предания, вновь откалывается от него род за родом, уходят самые надежные, казалось бы, витязи и иоины. А враги поднимаются совсем рядом: в Намцах — Мымак, в Борогонцах старую племенную вражду не может забыть Легой-тойон. Они предпочли Тыгыну русских и даже более того, как прямо свидетельствуют факты, сами обратились к ним с жалобой на насилия Тыгына и за помощью против него. Еще глубже была та глухая вражда, которую питали к своим

угнетателям тойонам многочисленные хамначиты — работники и рабы Тыгына, доившие его скот, косившие для него сено, чьим трудом держалась вся мощь их господ.

Конечно, не подлежит никакому сомнению, что, несмотря на все, Тыгын был для своего времени носителем определенной тенденции к объединению якутских родов и к своего рода собиранию их земель в одно целое. Такое объединение, если бы оно оказалось реальным, было бы для того времени крупным шагом вперед и прогрессивным явлением, так как оно содействовало бы прежде всего ограничению кровавых междоусобий, некоторому обузданию особо яростных грабителей-тойонов, а затем и консолидации сил народа в целом, осознанию общенародных интересов и межплеменных связей.

Однако к старому возврата не могло быть, потому что прежние условия, обеспечивавшие устойчивость старого племенного союза, исчезли. Для перехода же на новый, более высокий этап еще не было необходимой социально-экономической почвы. Скотоводческое хозяйство якутов оставалось первобытным по характеру и застойным по технике: так, например, из всех народов Сибири и Центральной Азии только они одни, кажется, сохранили специфический способ возбуждения коров при дойке для увеличения количества молока, описанный античными путешественниками у скифов Причерноморья задолго до начала нашей эры.

Ремесло, исключая отчасти кузнечное дело, не выделилось в особую отрасль производства — время второго великого общественного разделения труда для якутов не наступило. Торговля имела характер случайного и первобытного по форме обмена; настоящего рынка не было еще и в помине.

Чисто экономические, хозяйственные связи были, следовательно, слишком слабы и ничтожны, чтобы обеспечить длительное и глубокое единство различных племен. Центробежные же явления слишком крепко коренились как в экономике, так и в патриархально-родовом укладе с его волчьим законом кровавой мести и вражды к чужеродцам.

Чтобы все эти препятствия ликвидировать изнутри, нужна была, вероятно, не одна сотня лет. Да и то, конечно, еще остается неясным, как скоро удалось бы или даже вообще удалось ли бы племенам Якутии в изоляции от других более передовых народов и культур, одними только своими собственными силами подняться на более высокую ступень: ведь, как известно, якутов со всех сторон окружали еще более отсталые, чем они сами, племена тайги и тундры. Эти глубокие внутренние причины и привели в конечном счете к полному крушению объединительных усилий Тыгына, стоявшего на почве умирающих древних традиций, а не современной ему действительности и будущего!

Трагедия Тыгына была не только его личной, но и трагедией всего уходящего в прошлое якутского патриархально-родового общества. Подлинная трагедия Тыгына заключалась, таким образом, вовсе не в том, что он был будто бы сломлен мощью русских завоевателей и пал в неравной борьбе за независимость своего народа, а в том, что он в своих личных целях защищал обреченное дело, осужденное ходом истории. Трагедия заключалась в том, что в кровавой и безнадежной борьбе со своим собственным народом Тыгын напрасно стремился вернуть его назад — к пройденному уже историческому этапу, тщетно хотел реставрировать разваливавшийся племенной союз, подтачиваемый развитием экономики и классовых отношений. В том, что Тыгын шел не вперед, а назад!

В этой связи можно снова вернуться к землепроходцу Пенде и старым якутским легендам о первой встрече якутов с русскими.

В дни наибольшего расцвета могущества Тыгына в его владениях появляются небывалые люди — сероглазые, высокие и плечистые, с сильными и ловкими руками.

Тыгын согласно преданию сразу оценил эти качества.

«С выдающимися вперед носами, с глубоко сидящими глазами, должно быть они умные, рассудительные люди; они, бедняги, очень сильны, трудолюбивы и способны», — сказал Тыгын и немедленно захватил пришельцев в свои руки, чтобы превратить их в работников». Одинаково поступают позже и дети Тыгына, Чаллайы и Бэджэкэ. Захватив

казаков, они решили: «Это люди, годные для работы, они будут у нас работниками, заставим их косить сено». Чтобы уменьшить их силу, перерезали им мышцы и жилы. Летом, снабдив рабочих провизией, тушей одного быка и кумысом в двух посудах — симирах, отправили на остров Харыйалах косить сено».

Так обрисована в легенде первая встреча якутов с русскими, сила, трудолюбие и высокая культура которых сразу поразили жителей Крайнего Севера. Не менее характерно и то, что простодушные, трудолюбивые русские люди контрастно противопоставляются в легенде алчному и коварному деспоту-тойону и его сыновьям, единственным стремлением которых является угнетение людей труда.

Пришельцы затем строят судно и уплывают под парусами вверх по Лене. После первого появления русских сыновья Тыгына» как рассказывает предание, обратились за предсказанием судьбы к шаманке Таалай, жившей у нынешнего Талого озера в городе Якутске. Боясь сыновей Тыгына, шаманка всегда превращалась при их приближении в большое пламя. Но на этот раз старуха согласилась на мольбу сыновей Тыгына, затушила свое пламя и, камлая, сказала им: «Беглецы уже доплыли до верховьев реки (Лены). Сидя на облаках, я вижу, как они топорами с широкими лезвиями (у якутов топоры имели узкое лезвие. — *А. О.*) обтесывают бревна и говорят: «Поедем к старику Тыгыну, сыну Муньяна, он людям не дает житья, всех угнетает и убивает».

Русские — вот подлинные избавители от гнета Тыгына, и при этом не русский царь, Ырыхтаагыта, «далеко пребывающий», не купцы и чиновники, а сам многомиллионный, могучий и трудолюбивый русский народ, — вот кто помог якутскому народу начать подлинно новую жизнь. Таков вывод, который сделал якутский народ из бурных событий XVI — начала XVII века в этой своей легенде, верно отражающей историческую действительность. Не назад, к патриархальной старине и отсталости, куда знал Тыгын, а вперед вместе и навсегда с великим русским народом — таков был выбор, который сделал якутский народ в это переломное время своей истории.

Так, благодаря историческому фольклору облекается плотью и кровью загадочная доселе фигура одного из крупных деятелей якутской истории, а вместе с тем раскрываются происходившие в ней перед приходом русских важные события, о которых молчат или только глухо говорят письменные документы.

ТРЕТЬЕ ОТКРЫТИЕ СИБИРИ

Люди моего поколения родились в начале XX века подданными русского царя... Великий Октябрь освободил нас, как и всю страну, открыл дорогу к новой жизни.

С самого начала освоения Сибири русским народом царизм превратил ее в грандиозную «тюрьму без решеток», куда ссылал самых стойких своих противников. Сподвижники Степана Разина, московские стрельцы, за ними Радищев, декабристы, народовольцы... Эту эстафету они передали новой генерации революционеров — марксистам, соратникам В. Ленина. В далекий Минусинский край был сослан царским правительством и Ленин.

Летопись пребывания Ленина в Сибири — почетное и большое дело ученых. И не только летопись. В геле Шушенском воссоздан оригинальный по замыслу Мемориальный комплекс пребывания Ленина в Сибири. Это первый в Сибири историко-этнографический памятник, музей крестьянского быта и старой деревни, какой она была в конце XIX века.

Не только в библиотеке Юдина на Афонтовой горе в Красноярске, но и в гуще сибирской деревни, среди ее аборигенов-чалдонов Ленин изучал жизнь деревни, зорким глазом наблюдал процесс развития новых, капиталистических отношений, предвидел богатое будущее Сибири.

В этой связи стоит вспомнить рассказ А. Гастева «Сибирская фантазия», опубликованный им под псевдонимом Дозорова в 1916 году. В нем автор набросал такую картину Сибири будущего:

«От Кургана экспресс мчится по залитым солнцем пашням, где все лето бороздят и ровняют поля стальные чудовища-машины. Необитаемые прежде степи и тундра стали житницей всего света. Красноярск — центр мировой науки и культуры. У берегов Оби пристают океанские пароходы. Сюда беспрестанно подходят по сверкающим рельсам экспрессы. Тысячи заводских труб высятся над Новониколаевском».

Фантазия Гастева написана в то время, когда хозяйство Сибири было расшатано империалистической войной до основания, когда ее поля бороздили не тракторы, а деревянные сохи. И как бы удивлялся ее автор, если, проезжая по дороге из Кургана к Оби и далее к Енисею сегодня, увидел бы трубы огромных современных заводов в Новосибирске (бывшем Новониколаевске) и здешние города науки: Академгородок Сибирского отделения Академии наук СССР и оригинальный по архитектурному замыслу комплекс современных зданий Сибирского отделения Всесоюзной сельскохозяйственной академии наук имени В. И. Ленина, если бы познакомился с работой Сибирского отделения Академии медицинских наук!

И на Енисее, в Красноярске, и на Ангаре, в Иркутске, открылась бы перед ним не менее впечатляющая картина социалистических городов, центров крупной индустрии XX века, культуры и науки.

И раз уже зашла речь о городах науки в Сибири, стоит вспомнить утопию, озаренную солнцем трагического утра на острове Голодай.

Адмирал Н. Мордвинов, член верховного уголовного суда Российской империи, судившего декабристов, отказался подписать им смертный приговор. Он не только высказался против приговора, но выдвинул проект создания в Сибири своего рода сибирской Академии наук: «Получив просвещенное образование, они обладают, — писал Мордвинов, — всеми необходимыми данными для того, чтобы опять стать людьми полезными для государства. Положительные науки физика, химия, механика, минералогия будут способствовать процветанию Сибири, которую природа щедро наградила своими дарами».

То, о чем писал Мордвинов, пытаясь удержать руку палача, занесенную волей Николая I над головами декабристов, стало реальностью нашего времени. Все это результат претворения в жизнь ленинских идей. О гигантских масштабах социальных и экономических преобразований Сибири, их значения для мировой истории выразительно свидетельствует развитие производительных сил индустрии.

Сибирь прославлена на весь мир своими алмазами, нефтью, великой стройкой века — Байкало-Амурской магистралью.

До Октябрьской революции на всей территории этого обширного региона насчитывалось не более трехсот заводов и фабрик. В настоящее время здесь действует свыше тридцати тысяч промышленных предприятий. На основе использования местных ресурсов сырья и энергии созданы крупнейшие в стране территориально-производственные комплексы, такие, как Братский энергопромышленный, Новокузнецкий металлургический, Норильский горно-металлургический, Омский нефтехимический. На наших глазах непосредственно в том районе Сибири, где отбывал ссылку Ленин, создается Саяно-Шушенский энергопромышленный комплекс. Так воплотились ленинские идеи развития крупной промышленности непосредственно у источников сырья с использованием новейшей техники и технологии.

За годы Советской власти объем промышленного производства возрос в этом регионе в несколько сот раз. Такими невиданными темпами шагает в будущее разбуженная Октябрем, Лениным древняя сибирская земля, современная индустриальная мощь которой играет все большую роль в коммунистическом строительстве, экономическом соревновании с капитализмом.

Говоря о ближайшем будущем развития экономики и социального развития страны, Л. Брежнев сказал 2 ноября 1977 года: «На будущее ориентированы и другие крупные комплексные программы, выработанные в последние годы. Это прежде всего

программы развития Западной и Восточной Сибири, создания Байкало-Амурской магистрали, промышленных и лесопромышленных комплексов на Дальнем Востоке. Они призваны обеспечить будущие потребности народного хозяйства в нефти, газе, угле, черных и цветных металлах, лесе и прочих видах сырья. Осуществление таких программ имеет и глубокий социальный смысл. Оно означает освоение многих отдаленных районов страны, где поднимутся десятки новых городов, будут созданы новые культурные центры. Из нашего обихода окончательно исчезнет само понятие «необжитая окраина».

В своем докладе Л. Брежнев особо выделил значение Октября для решения «...национального вопроса — одного из самых болезненных, самых драматичных вопросов в истории человеческого общества...

Народы бывшей царской России, — говорил он, — впервые обрели возможность исторического выбора, право самим определять свою судьбу.

Они сделали свой выбор. Они добровольно объединились в могучем союзном государстве и, опираясь на бескорыстную помощь русского народа, решительно встали на путь новой жизни...

Там, где веками насаждалась психология национального эгоизма, прочно утвердился интернационализм. Новыми яркими красками засияли взаимно обогащенные национальные культуры, образующие единую советскую социалистическую культуру».

Примером тому служит судьба народов, которые принято называть коренными, аборигенами Сибири.

В исторической науке, этнографии, языкознании их история, их культура привлекает внимание с первых шагов русских в Сибирь, со сказания о «человецех неизвестных в Сибирской стране», иными словами, задолго до того, как Ермак в 1581 году перешел через Урал.

Вокруг их судеб давно идет в исторической науке идейная борьба, борьба сил прогресса и сил реакции. Не говоря уже об европоцентристах и современных азиациентристах-маоистах, напомним пессимистическую оценку прошлого Сибири прогрессивным историком этого края П. Словцовым. Он писал, что в прошлом ее «не было ничего подлинного, ничего самобытного». Смотреть на нее следует лишь как на «историю мер правительственных, а для правительства это была лишь «боковая дверь в Азию и Америку». «Падшие царства и исчезнувшие народы» — так озаглавил некогда свою статью о прошлом народов Северной и Центральной Азии выдающийся публицист-демократ XIX века Н. Ядринцев. Но время и исследования советских ученых — археологов и этнографов — внесли поправку в эту формулу.

Падшие царства — это верно. Немало их прошло на экране истории за две тысячи лет. Исчезли племенные союзы гуннов. Пали под ударами с востока один за другим два тюркских каганата. Армии монгольских феодалов разгромили государства чжурчжэней, енисейских кыргызов. Распалась и мировая держава, созданная Чингисханом и его преемниками.

Но «исчезнувшие народы» — это не совсем так!

Ранее, во времена Г. Миллера и его преемников, взгляд историка не проникал глубже этапа сибирской истории, о котором рассказывали письменные документы на бумаге. Со временем были прочтены и расшифрованы В. Томсенем и В. Радловым рунические тексты, вырезанные на могильных камнях в долине Енисея и в Монголии. Эти каменно-письменные тексты раздвинули писаную историю Сибири и Центральной Азии на полторы тысячи лет.

А какой переворот в сложившихся представлениях историков произвела археология! Теперь нам известны десятки и сотни подлинно древнейших памятников этой сибирской истории, своего рода исторические архивы, хранившиеся под землей.

То, что происходило в жизни народов Сибири до Октября, широко освещено письменными документами. Перелистывая страницы архивных дел и старых книг,

нетрудно увидеть, какой контраст разделяет тот же XIX, предоктябрьский, век и наши дни.

Буржуазные и прочие националисты, разумеется, не прочь изобразить жизнь своего народа при царизме как некоторую идиллию. Но чтобы представить реально картину этой «идиллии», вспомним, как жили бедняки якуты, «балыксыты», в XIX веке. Путешественник Р. Маак назвал их «дендрофагами», то есть дровоедами. Бедняки якуты сдирали сосновую кору и употребляли в пищу. А вот слова иркутского епископа Нила: «Когда пришлось мне побывать в двух-трех юртах, дети еще спали, валяясь на широких лавках, без всего, что считаем мы принадлежностью постели. Их не прикрывает даже рубашка, ибо у якутов она считается не потребностью, а прихотью. И только у слывущих богачами приходилось мне видеть это смиренное, по нашему понятию, телесности прикровение.

В одной из юрт якутка стряпала: висячем чугуне что-то пенилось. На мой вопрос хозяйка, с духом смирения, отвечала: каша, и вслед за тем указала на материалы, лежавшие перед очагом на доске. Нетрудно было определить значение каждой вещицы. Оказалось, что основу горемычной каши составляла болотная трава, известная под именем заячьей капусты. К траве этой служила придачею толченая сосновая кора с значительной примесью какой-то съедобной земли вроде каменного молока».

Второй крупный народ Сибири — буряты. Вот что писал о них представитель столичного чиновничества А. Термен в 1912 году, когда проезжал по Кудинской степи:

«Под давлением изменившейся обстановки, гнета и эксплуатации соседей они (буряты) вынуждены были приспособляться, личным опытом постепенно двигаясь вперед. Дорого дался им этот опыт, и многие семьи и даже целые улусы обречены на вымирание. Буряты Иркутской губернии выстрадали себе право на культуру.

Проезжая по Якутскому тракту, видя обширные улусы со многими прекрасными избами, видя огромные стада и табуны, пасущиеся на степи, трудно себе представить, что в большинстве этих улусов обитает нищета и что большинство бурятов имеют очень мало или совсем не имеют собственного скота.

Между тем это так. Скот этот принадлежит лишь нескольким богатым, раздавшим его под проценты беднейшему населению. У бедняка ничего нет: изба или юрта его — весь скарб и скот принадлежат богачу; бедняк его вечный должник и навеки закабален, всю жизнь отрабатывая этот долг за минимальную годовую плату. Получаются своего рода феодальные князья, все держащие в своих руках посредством инородческого суда, члены которого им должны или делятся барышами, и схода, состоящего почти сплошь из их должников и потому тщательно старающихся им угодить».

Для сравнения того, что было в 1912 году, и есть сейчас, можно привести факт из наблюдений одного путешественника, на этот раз американца, участника советско-американской археологической экспедиции, побывавшего с нами в 1975 году на той же Куде и на острове Ольхоне.

Это Д. Кэмпбелл.

Из статьи, опубликованной им в журнале Американского арктического института в 1976 году, ясно видно, во-первых, с какими ложными представлениями о Сибири, о ее населении, в частности, о бурятах, навеянными шумной пропагандой буржуазной печати, ехал он из Иркутска на Байкал, ожидая увидеть кругом нищету.

Во-вторых, как потрясен был раскрывшейся перед ним реальной картиной жизни современного бурятского народа.

«С августа по начало сентября 1975 года, — пишет Кэмпбелл, — я был одним из пяти ученых Северной Америки, которые посетили СССР и работали там как члены группы, которую Академия наук этой страны назвала советско-американской Сибирской экспедицией. Эта экспедиция стала вехой в развитии отношений между советскими и американскими учеными, так как она была первым отрядом антропологов, биологов и геологов Северной Америки, которые получили возможность вести интенсивные полевые

исследования в Советском Союзе! В задачи этого сообщения входило коротко описать тип и цель экспедиции, полученные материалы, а также научную и политическую обстановку, в которой получила возможность работать делегация из Северной Америки».

«По мере продвижения по территории Бурятии, по исконным путям, мы встретили, — продолжает он, — несколько поселков бурятских пастухов. В последующие дни буряты и другие местные жители этого района пополняли наши запасы свежими овощами и бараниной».

И далее идет речь о пресловутой «нищете». Здесь Кэмпбелл не может скрыть удивления, вызванного тем, что все басни советологов оказались полностью лживыми!

Вот что им написано: «Единственная любопытная деталь, касающаяся властей, которую мы заметили, — это была их озабоченность тем, что мы можем счесть бурятов, живущих в своих юртах, окруженных участками земли, имеющих стада лошадей, скота, овец, задавленными бедностью. Может быть, и на самом деле в СССР есть нищета, но мы не заметили ее у бурят и их соседей».

Что еще произвело большое впечатление, так это атмосфера научной свободы, в которой мы жили в поле».

И далее: «Я говорю это, между прочим, как один из людей, политические взгляды которых имеют мало общего с теми взглядами, которые чаще всего воплощаются и практикуются в СССР. Это просто факт, что все официальные власти обращались с нами, западными учеными, не только с большим уважением, но и разрешали нам делать все, что мы хотели».

Такова картина, раскрывшая глаза ученому-американцу. Дальнейшие комментарии излишни.

Бесконечно важнее, грандиознее по масштабам и глубине перемен, чем все тысячелетия прошлой истории народов Сибири, шесть десятилетий их жизни, которые прошли с Октября 1917 года. Эти годы они вместе с русскими и другими народами нашей страны шли принципиально иным путем, чем прежде.

К моменту присоединения к России, а также последующие три столетия ни один из народов Сибири не имел собственной государственности. Величайшее значение имело поэтому создание на национальной основе местных органов Советской власти и образование в рамках РСФСР национальных округов, автономных республик и областей. Бесправные некогда народы Сибири управляют собственными делами и участвуют в управлении всей страной.

Изменения в политической жизни имели решающее значение для таких же принципиальных перемен в области экономики, культуры. Образно говоря, это была та «архимедова» точка опоры, опираясь на которую, удалось сдвинуть, перестроить всю жизненную структуру.

Человек тайги, целиком зависящий от капризов природы, становится ее хозяином. С потребляющего уровня он поднимается до производящего. Назову хотя бы звероводческие фермы, соболиный заповедник в Баргузине, откуда соболи распространяются далеко за пределы Баргузинской тайги, рыбозаводские станции на Байкале, где производится байкальский омуль.

Новые возможности для творческой активности коренных жителей Севера открылись там, где возникли крупнейшие промышленные центры, такие, как Норильский металлургический комбинат, алмазные копи Якутии, где строится БАМ.

Создание и близость экономических центров, крупных городов привели к активному включению нанайцев, нивхов, ульчей в городскую жизнь, в промышленность, в осуществление научно-технической революции. Соответственно в корне изменился образ жизни и социальная структура.

Появились нанайцы, нивхи, ульчи — рабочие, инженеры, трактористы, мореплаватели, авиаторы — все, кто связан в наше время с передовыми отраслями произ-

водства, техники. Новая техника проникла глубоко в традиционное производство — рыболовство.

Наблюдается и поистине эпохальный сдвиг в самом физическом облике народностей Сибири, свидетельствующий о том, что не только в социальном и экономическом, но и в биологическом плане они проявляют возрастающую жизненную активность.

Медики Иркутского университета исследовали физическое развитие хакасов и сравнили свои данные с работами профессора А. Ярхо, выполненными 50 лет назад по той же программе. Оказалось, что современные хакасы выше ростом и крупнее предшествующего поколения, грудная клетка и плечи у них шире.

По-новому решен старый вопрос о судьбах народов Сибири. Является фактом высокий по темпам прирост населения, своего рода демографический взлет. В 1926 году было учтено переписью 214957 бурят, в 1970-м — на 100 тысяч больше, численность ненцев за те же годы выросла с 16375 до 29 тысяч, нанайцев стало в два раза больше.

Коренные сдвиги в экономике и политической жизни повлекли за собой столь же радикальные перемены в духовном облике народов Сибири.

Пожалуй, самым выразительным, наглядным свидетельством о коренных прогрессивных переменах в жизни этих народностей служат факты, относящиеся к развитию культуры. Произошла подлинная культурная революция. Она началась с ликвидации неграмотности, с самоотверженной деятельности русских учителей, с работы культбаз и красных чумов в самых далеких и когда-то диких районах.

Прежде лидирующей фигурой в области духовной культуры был шаман, своего рода актер, часто талантливый импровизатор и хранитель богатого культового фольклора. Ныне выросла активная прослойка собственной интеллигенции. Каждый пятый нанаец и четвертый ульч на селе занят преимущественно умственным трудом.

Наблюдается определенное тяготение к занятиям интеллигентным трудом в области культуры и просвещения. У народов, не знавших, что такое письменность, с удивлением и страхом смотревших на волшебные куски «говорящей бумаги», способные вместить человеческие слова и мысли, выросла собственная литература. Появились собственные ученые и писатели. Каждому образованному человеку в нашей стране известны теперь имена писателей сибирских народов, близки их герои.

Что касается духовной атмосферы, идейного мира, в которых развивается новая, советская культура народов Сибири, то характерной чертой ее является органическое единство, взаимодействие национального и общего, свойственное для всех народов Советского Союза, ее интернациональная сущность.

Бережно сохраняя все прогрессивное, все цепное из традиционной культуры своего народа, народности Сибири усваивают все лучшее, все передовое из культуры русского народа и других братских народов нашей страны и всего мира, из мировой культуры человечества.

Основой этой новой культуры служат высокие гуманистические идеалы советского человека, материалистическое мировоззрение, преданность делу строительства социалистического общества, дружбе народов.

И что следует подчеркнуть с особой силой: расцвет интеллектуальной культуры народов Сибири, это духовное богатство стало возможным в результате последовательного осуществления ленинской национальной политики, всей своей сплоской направленной на преодоление былого фактического неравенства народов, на укрепление их братской дружбы. Великой силой, мощным стимулом прогресса, орудием перестройки жизни народов Сибири стал русский язык.

Мне хочется закончить обзор исторического пути сибирских народов двумя примерами из русской художественной литературы XIX века.

В свое время видный русский поэт А. Фет пессимистически писал:

В сыртах не встретишь Геликона,

На льдинах лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчева не прядет.

Но Фету как бы отвечал А. Пушкин:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Время показало, кто был прав в этом споре, — победил Пушкин. Все, о чем сказано выше, — это и есть третье открытие Сибири!

Окладников А. П.

О-50 Открытие Сибири. 2-е изд. — М.: Мол. гвардия, 1981.— 223 с., ил. — (Эврика).

В пер.: 55 к. 100000 экз.

Книга академика А. Окладникова — рассказы об истории огромного края и путях его заселения, об освоении его колоссальных пространств с древнейших времен и до наших дней.

ББК 63.3(2Р5)
9(С18)

ИБ № 2867

Алексей Павлович Окладников

ОТКРЫТИЕ СИБИРИ

Редактор Л. Антонюк

Художники Г. Бойко, И. Шалито

Художественный редактор В. Неволим

Технический редактор В. Савельева

Корректоры Г. Трибунская, Л. Четыркина

Подписано в печать с матриц 22.09.80. А13819. Формат 84X108 ¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76. Учетно-изд. л. 11,9. Тираж 100000 экз. Цена 55 коп. Заказ 1531.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ ОКЛАДНИКОВ

Герой Социалистического Труда, академик Алексей Павлович Окладников известен у нас в стране и за рубежом как крупнейший специалист по самым различным проблемам археологии и истории Северной, Центральной и Восточной Азии. Он почетный член Венгерской и Монгольской академий и Британского Королевского общества, почетный доктор Познанского университета.

Вот уже боле полувека каждое лето выезжает Алексей Павлович в экспедиции. И каждая обогащает науку новыми открытиями. Как никто другой, умеет он тщательно проанализировать новые факты, выделить главное и на этой основе выдвинуть и обосновать новую интересную гипотезу. Его статьи и книги, изданные у нас в стране и за

рубежом, читаются с неослабевающим интересом. Под его руководством большой коллектив ученых создал пятитомную «История Сибири».

Человек щедрой души, Алексей Павлович Окладников постоянно делится свои обширными знаниями с учениками и коллегами. Его лекции помнят многие поколения студентов Ленинградского и Новосибирского университетов. Его ученики работают во многих городах нашей страны.